П. Д. Успенскій

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМѢРЕНІЕ

Обзоръ главнѣйшихъ теорій и попытокъ изслѣдованія области неизмѣримаго.

ИЗДАНІЕ 2-ое,
переработанное и дополненное.

Различные взгляды на проблему четвертаго измѣренія. Необъяснимое и неизмѣримое въ природѣ. Міръ, какъ онъ есть, и міръ, какъ онъ кажется. Неизмѣримое въ человѣкѣ. Человѣкъ, какъ существо четырехъ измѣреній. Движеніе по четвертому измѣренію. Симметрія въ строеніи растеній и животныхъ, какъ результатъ движенія по четвертому измѣренію. Физическое и психическое. Матерія и сила. Энергетическая теорія. Электроны. Изученіе ясновидѣнія. Теорія астральной сферы. Магія. Идеи алхимиковъ. Оккультизмъ и теософія. Четвертое измѣреніе въ искусствѣ. Футуризмъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1914

Пров 38

Пров. 1959
Пр.

BF
1031

087
38

Наше знаніе можно сравнить съ шаромъ. И чѣмъ этотъ шаръ больше, тѣмъ больше у него точекъ соприкосновенія съ непознаваемымъ.

Гербертъ Спенсеръ.

Въ свое время отрицалось почти все, что входитъ теперь въ составъ положительныхъ наукъ.

Камиллъ Фламмаріонъ.

Обыкновенный, средній человѣкъ совершенно не сознаетъ размѣровъ своего невѣжества.

Ч. Лэдбитеръ.

ГЛАВА I.

Различныя значенія выраженія „четвертое измѣреніе“. Четвертое измѣреніе въ оккультизмѣ и спиритизмѣ. Откуда могла возникнуть идея четвертаго измѣренія. Четвертое измѣреніе въ математикѣ. Лобачевскій, Гауссъ и др. Четвертый перпендикуляръ. Линія, идущая въ неизвѣстномъ направленіи отъ любой точки нашего пространства. Непостижимая и недоступная намъ область четвертаго измѣренія, лежащая рядомъ съ нашимъ пространствомъ. Невозможность разрѣшить геометрическимъ путемъ проблему четвертаго измѣренія. Разсмотрѣніе ея со стороны психофизики. Метагеометрія и метафизика. Невозможность физическаго или геометрическаго изслѣдованія проблемы четвертаго измѣренія. Время, какъ четвертое измѣреніе пространства.

Выраженіе «четвертое измѣреніе» послѣднее время довольно часто встрѣчается въ разговорахъ и въ литературѣ, но очень рѣдко кто отдаетъ себѣ ясный отчетъ и можетъ опредѣлить, что подъ этимъ выраженіемъ подразумѣвается. Обыкновенно «четвертымъ измѣреніемъ» пользуются какъ синонимомъ таинственнаго, чудеснаго, «сверхъестественнаго», непонятнаго и непостижимаго, какъ какимъ-то общимъ опредѣленіемъ явленій «сверхфизическаго» или «сверхчувственнаго» міра.

«Спириты», «оккультисты» и «теософы» различныхъ направленій часто употребляютъ это выраженіе въ своей литературѣ, относя всѣ явленія «высшихъ плоскостей», или «астральной сферы», или «потусторонняго міра» *къ области четвертаго измѣренія*. Но, что это значитъ, они не объясняютъ, и изъ того, что они говорятъ, можно понять только одно свойство «четвертаго измѣренія», именно—его недостижимость, неизмѣримость, *непостижимость* для насъ.

Идея четвертаго измѣренія предполагаетъ, что кромѣ трехъ извѣстныхъ намъ измѣреній пространства: *длины*, *ширины* и *высоты*, можетъ существовать еще *четвертое измѣреніе*, недоступное для нашего воспріятія и опытнаго изслѣдованія, и что въ области этого непостижимаго протяженія происходятъ явленія, совершенно реальныя

сами по себѣ, реально отражающіяся въ нашей сферѣ, но неуловимыя для нашихъ обычныхъ средствъ и способовъ наблюденія—и какъ бы *несоизмѣримыя* съ нашими обычными физическими явленіями трехмѣрной сферы.

Въ оккультизмѣ идея четвертаго измѣренія возникаетъ изъ правильнаго или неправильнаго *наблюденія* явленій, происходящихъ какъ бы внѣ нашего трехмѣрнаго пространства.

Просто логически предположеніе о существованіи четвертаго измѣренія можетъ основываться на признаніи существованія въ окружающемъ насъ мірѣ вещей и явленій, которыя не поддаются измѣренію въ длину, ширину и высоту, ускользаютъ отъ всякаго измѣренія,—существуютъ, но не могутъ быть измѣрены. Таковы, напр., явленія *жизни* и *мысли*, если ихъ сравнивать съ *механическими* физико-химическими явленіями; таковы всѣ идеи, всѣ образы, представленія и воспоминанія; таковы сновидѣнія, творческая фантазія и пр. и пр. Разсматривая ихъ, какъ реально, объективно существующія, мы можемъ предполагать, что они имѣютъ какое-то другое измѣреніе, кромѣ тѣхъ, которыя намъ доступны, какое-то неизмѣримое для насъ *протяженіе*.

Затѣмъ, идея четвертаго измѣренія могла возникнуть изъ соображеній чисто математическаго характера. Говорятъ, напримѣръ, такъ: «во многихъ вопросахъ математики чистой и прикладной встрѣчаются формулы и математическія выраженія, заключающія въ себѣ четыре и болѣе перемѣнныхъ величинъ, каждая изъ которыхъ, независимо отъ прочихъ, можетъ быть положительной, или отрицательной, и заключаться между $+\infty$ и $-\infty$. А такъ какъ каждая математическая формула, каждое уравненіе можетъ имѣть пространственное выраженіе, то отсюда выводятъ идею о пространствѣ, имѣющемъ четыре и болѣе измѣреній». *)

Если бы четвертое измѣреніе существовало, то это значило бы, что вотъ здѣсь же, рядомъ съ нами, лежитъ какое-то другое пространство, котораго мы не знаемъ, не видимъ и перейти въ которое не можемъ, но изъ котораго можно насъ знать, видѣть и переходить въ наше пространство. Тогда въ эту «область четвертаго измѣренія» отъ любой точки нашего пространства можно было бы провести линію по неизвѣстному для насъ направленію, котораго мы ни опредѣлить, ни постигнуть не можемъ. Если бы мы могли представить себѣ направленіе этой линіи, идущей вонъ изъ нашего пространства, то мы увидѣли бы область четвертаго измѣренія.

---

*) Энц. слов. Брокгауза и Ефрона «Четырехмѣрное пространство».

Геометрически это значитъ слѣдующее:

Мы можемъ представить себѣ одновременно три линіи, перпендикулярныя и не параллельныя одна другой. Этими тремя линіями мы измѣряемъ все наше пространство, которое поэтому называемъ *трехмѣрнымъ*. Если существуетъ «область четвертаго измѣренія», лежащая внѣ нашего пространства, то это значитъ, что кромѣ трехъ, извѣстныхъ намъ, перпендикуляровъ, опредѣляющихъ длину, ширину и высоту предметовъ, долженъ существовать еще четвертый перпендикуляръ, опредѣляющій какое-то новое, непостижимое для насъ протяженіе. Тогда пространство, измѣряемое этими четырьмя перпендикулярами, можно назвать *четырехмѣрнымъ*.

Мы не можемъ ни опредѣлить геометрически, ни представить себѣ этотъ четвертый перпендикуляръ, и четвертое измѣреніе остается крайне загадочнымъ. Но среди «большой публики» существуетъ иногда убѣжденіе, что математики знаютъ о четвертомъ измѣреніи что-то, недоступное простымъ смертнымъ. Иногда говорятъ, и это можно встрѣтить даже въ печати, что Лобачевскій «открылъ» четвертое измѣреніе, или что, на основаніи работъ Лобачевскаго, Гауссомъ построена теорія четвертаго измѣренія.

Въ дѣйствительности для математики не существуетъ «измѣреній пространства». *Математика* можетъ быть примѣнена къ пространству любого числа измѣреній. Но въ гипотезѣ четвертаго измѣренія нѣтъ ничего, что дѣлало бы ее недопустимой съ математической точки зрѣнія. Эта гипотеза не противорѣчитъ ни одной изъ принятыхъ аксіомъ, хотя въ то же время не вноситъ въ нихъ ничего новаго. Что же касается *геометріи*, то это—описаніе законовъ существованія *трехмѣрнаго пространства* и изъ этого пространства *геометрія* выйти не можетъ, такъ какъ тогда перестанетъ быть *гео*-метріей, т. е. наукой объ измѣреніи земли. Изслѣдованіе проблемы четвертаго измѣренія можно назвать *метагеометріей*.

Лобачевскій разсматривалъ геометрію Эвклида, т. е. геометрію трехмѣрнаго пространства, какъ частный случай геометріи вообще, которая должна быть приложима къ пространству n-наго числа измѣреній. Но это не геометрія въ строгомъ смыслѣ слова, а только метафизика на геометрическія темы, и выводы изъ нея геометрически формулированы быть не могутъ.

Другіе математики находили, что принятыя въ геометріи Эвклида аксіомы искусственны и невѣрны,—и пытались опровергнуть ихъ, главнымъ образомъ, на основаніи нѣкоторыхъ выводовъ изъ сферической геометріи Лобачевскаго, и доказать, напр., что параллельныя

линіи встрѣчаются и т. п. Они утверждали, что принятыя аксіомы вѣрны только для трехмѣрнаго пространства и, основываясь на своихъ разсужденіяхъ, опровергавшихъ эти аксіомы, строили новую геометрію многихъ измѣреній, т. е. ея предполагаемые законы.

Но все это еще не есть «геометрія четырехъ измѣреній».

Четвертое измѣреніе можно бы было считать доказаннымъ геометрически только тогда, когда было бы опредѣлено *направленіе* неизвѣстной линіи, идущей отъ любой точки нашего пространства въ область четвертаго измѣренія, т. е. найденъ способъ построеній четвертаго перпендикуляра.

Трудно даже приблизительно обрисовать, какое значеніе для всей нашей жизни могло бы имѣть такое *открытіе* четвертаго измѣренія во вселенной. Завоеваніе воздуха, установленіе сношеній и сообщеній съ другими планетами или другими солнечными системами,—все это было бы ничто въ сравненіи съ открытіемъ новаго измѣренія. Но пока этого нѣтъ. Мы должны признать, что мы безсильны передъ загадкой четвертаго измѣренія,—и попытаться разсмотрѣть вопросъ въ тѣхъ предѣлахъ, которые намъ доступны.

При болѣе близкомъ и точномъ изслѣдованіи самой задачи мы приходимъ къ заключенію, что такъ и должно быть. Чисто геометрическая на первый взглядъ проблема четвертаго измѣренія не можетъ быть разрѣшена геометрическимъ путемъ. Нашей геометріи трехъ измѣреній недостаточно для изслѣдованія вопроса о четвертомъ измѣреніи, такъ же, какъ одной планиметріи недостаточно для изслѣдованія вопросовъ стереометріи. Мы должны найти четвертое измѣреніе, если оно существуетъ, чисто опытнымъ путемъ,—и найти способъ его перспективнаго изображенія въ трехмѣрномъ пространствѣ. Только тогда мы будемъ въ состояніи создать «геометрію четырехъ измѣреній», которая въ сущности уже не будетъ *гео*-метріей.

Самое поверхностное знакомство съ проблемой четвертаго измѣренія показываетъ, что ее необходимо изучать одновременно со стороны *психологіи* и физики.

Четвертое измѣреніе непостижимо. Если оно существуетъ, то очевидно въ нашей психикѣ, въ нашемъ воспринимательномъ аппаратѣ, чего-то не хватаетъ; очевидно въ нашихъ органахъ чувствъ не отражаются явленія, происходящія въ области четвертаго измѣренія. Мы должны разобрать, почему это можетъ быть, отъ какихъ нашихъ психофизическихъ дефектовъ зависитъ наша невоспріимчивость и найти условія (хотя бы теоретическія), при которыхъ четвертое измѣреніе можетъ стать понятнымъ и доступнымъ намъ.

Затѣмъ мы знаемъ, что область четвертаго измѣренія не только неощутима для нашихъ органовъ чувствъ, но и *недоступна* чисто физически. Это уже должно зависѣть не отъ нашихъ дефектовъ, а отъ особыхъ свойствъ и условій области четвертаго измѣренія. Нужно разобрать, что это за условія, дѣлающія область четвертаго измѣренія недоступной для насъ, найти отношенія физическихъ условій области четвертаго измѣренія къ физическимъ условіямъ нашего міра,—посмотрѣть, нѣтъ ли въ окружающемъ насъ мірѣ чего-либо похожаго на эти условія, нѣтъ-ли отношеній, аналогичныхъ отношеніямъ между областями трехъ и четырехъ измѣреній.

Говоря вообще, прежде чѣмъ пытаться строить геометрію четырехъ измѣреній, нужно создать *физику четырехмѣрнаго пространства*, т. е. найти и опредѣлить физическіе законы и условія, могущіе существовать въ этой области.

«*Мета-геометрія*» относится къ геометріи, совершенно такъ же, какъ мета-физика относится къ физикѣ. Какъ извѣстно, названіе «метафизика» создалось случайно. Ученики Аристотеля назвали такъ его сочиненія, шедшія по порядку *за физикой*. Но для насъ понятіе *метафизика* охватываетъ кругъ явленій, выходящихъ изъ физическаго міра, несоизмѣримыхъ съ физическимъ и недоступныхъ физическому изслѣдованію. *Существованіе* и при этомъ недоступность для физическаго изслѣдованія это признакъ всего метафизическаго. То же самое можно видѣть въ отношеніи геометрическаго и мета-геометрическаго. Мета-геометрическое не можетъ быть доступно геометрическому изслѣдованію.

Самая большая ошибка, какую можно сдѣлать по отношенію къ метафизическому, это пытаться примѣнять къ нему или искать въ немъ законовъ физическаго. Попытка геометрическаго изслѣдованія мета-геометрическаго точно такъ же—грубая ошибка.

Если признать, что физика изучаетъ область, подлежащую вѣдѣнію геометріи, то нужно будетъ признать, что метафизика относится къ области мета-геометріи. Иначе говоря, если геометрія есть физическая наука, то мета-геометрія есть метафизическая наука и должна слѣдовать метафизическимъ методамъ. Такимъ образомъ «физика четырехмѣрнаго пространства» есть метафизика. И поэтому, можетъ быть, самый правильный и даже единственный путь къ постиженію четвертаго измѣренія есть путь метафизики.

А метафизика приходитъ къ парадоксу. Мы не можемъ проникнуть въ область четвертаго измѣренія, потому что мы *тамъ находимся*. Но мы представляемъ себя въ трехмѣрномъ мірѣ. Вся ошибка

въ представленіи. Задача въ томъ—какъ измѣнить представленіе,—вмѣсто *ложнаго* увидѣть истинное и *реальное*.

Иногда для проблемы четвертаго измѣренія находятъ разрѣшеніе, разсматривая *время*, какъ четвертое измѣреніе пространства. Этотъ взглядъ основывается на томъ соображеніи, что въ кинематикѣ время считается такимъ же непремѣннымъ условіемъ движенія, какъ пространство. И эта связь между временемъ и пространствомъ позволяетъ, какъ будто, разсматривать время, какъ одно изъ измѣреній пространства. Такое умозаключеніе совершенно правильно, но оно не разрѣшаетъ вопроса, пока сохраняется идея *движенія*.

Нѣтъ въ сущности ничего, что мѣшало бы разсматривать время, какъ четвертое измѣреніе пространства. Но можно замѣтить, что тогда сейчасъ же возникаетъ вопросъ о *пятомъ измѣреніи*, такъ какъ все загадочное остается по-прежнему загадочнымъ. Теорія времени, какъ четвертаго измѣренія пространства, имѣетъ слѣдующее значеніе. Если время есть измѣреніе пространства, то значитъ мы не движемся во времени, а находимся, живемъ въ немъ. Это значитъ, что событія не случаются, а существуютъ. Мы только проходимъ мимо нихъ и черезъ нихъ. И сзади насъ они остаются такими же, какими были при насъ, и какими были прежде, чѣмъ мы до нихъ дошли. По этой теоріи прошедшаго и будущаго нѣтъ, есть только одно настоящее. Или, выражаясь иначе и точнѣе, наши тѣла и всѣ вещи и явленія міра *имѣютъ протяженіе во времени*. Измѣненія съ теченіемъ времени не существуетъ, есть только различный видъ, въ различныхъ пунктахъ этого протяженія.

Идея времени, какъ четвертаго измѣренія пространства, болѣе подробно разсматривается въ книгѣ «Tertium Organum». Пока можно сказать только одно, что *время* на вопросъ о четвертомъ измѣреніи не отвѣтитъ, пока у насъ будетъ идея движенія во времени. Пока идея движенія есть, *время является непремѣннымъ условіемъ воспріятія всякаго пространства*, необходимымъ дополненіемъ ко всякому числу измѣреній, т. е. число измѣреній въ трехмѣрномъ пространствѣ (если брать время, какъ четвертое измѣреніе пространства) нужно считать $3+1$;—въ четырехмѣрномъ пространствѣ $4+1$;—вообще по этой теоріи постояннаго существованія и *протяженности во времени* число измѣреній всегда нужно считать $n+1$, и 1 будетъ означать время.

ГЛАВА II.

Изученіе проблемы четвертаго измѣренія. Фехнеръ. Цольнеръ. Хинтонъ. Система упражненія сознанія для постиженія четвертаго измѣренія. Кубы Хинтона. Его идея. Уничтоженіе личнаго элемента въ представленіяхъ. Вещи какъ онѣ есть, и вещи какъ онѣ кажутся. Искаженіе видимаго міра нашимъ глазомъ. Можно-ли представить себѣ кубъ не въ перспективѣ? Зрѣніе не въ перспективѣ. Уничтоженіе личнаго элемента въ понятіяхъ. Высшее сознаніе.

Надъ проблемой четвертаго измѣренія работали очень многіе. Фехнеръ много писалъ о четвертомъ измѣреніи. Изъ его разсужденій о мірахъ одного, двухъ и четырехъ измѣреній вытекаетъ очень интересный методъ изслѣдованія четвертаго измѣренія путемъ построенія аналогій между мірами различныхъ измѣреній, т. е. между воображаемымъ міромъ на плоскости и нашимъ міромъ, и между нашимъ міромъ и міромъ четырехъ измѣреній. Этимъ методомъ пользуются почти всѣ, занимавшіеся вопросомъ о высшихъ измѣреніяхъ. И намъ придется съ нимъ дальше познакомиться.

Проф. Цольнеръ выводилъ теорію четвертаго измѣренія изъ наблюденій надъ «медіумическими» явленіями, главнымъ образомъ надъ явленіями, такъ называемой, *матеріализаціи*. Но его наблюденія въ настоящее время считаются сомнительными, вслѣдствіе недостаточно строгой постановки опытовъ. (Подморъ и Хислопъ).

Очень интересную сводку почти всего, что писалось раньше о четвертомъ измѣреніи, между прочимъ и попытки опредѣленія его математическимъ путемъ, мы находимъ въ книгахъ одного современнаго автора, Хинтона (C. H. Hinton). Эти книги: «Новая эра мысли» (A New Era of Thought), «Четвертое измѣреніе» (The Fourth Dimension) и «Scientific Romances» содержатъ, кромѣ описанія работъ предшественниковъ Хинтона въ этомъ вопросѣ, много собственныхъ идей Хинтона, въ томъ числѣ и относительно времени, какъ четвертаго измѣренія пространства.

У Хинтона есть попытки опредѣленія четвертаго измѣренія и со стороны физики и со стороны психологіи. Большое мѣсто въ его книгахъ занимаетъ описаніе изобрѣтеннаго имъ метода пріученія сознанія къ постиженію четвертаго измѣренія. Это длинный рядъ упражненій воспринимающаго и представляющаго аппаратовъ сознанія съ серіями различно окрашенныхъ кубовъ, которые нужно запоминать въ одномъ положеніи, потомъ въ другомъ, въ третьемъ, и затѣмъ стараться представлять себѣ въ новыхъ комбинаціяхъ.

Лицамъ, интересующимся этимъ методомъ, придется обратиться къ книгамъ Хинтона, такъ какъ вкратцѣ изложить систему этихъ упражненій невозможно.

Основная идея Хинтона, руководившая имъ при созданіи этого метода упражненій, заключается въ томъ, что для пробужденія «высшаго сознанія» необходимо «уничтожить себя» въ представленіи и познаніи міра, т. е., пріучиться познавать и представлять себѣ міръ *не съ личной точки зрѣнія* (какъ мы обыкновенно познаемъ и представляемъ), *а такъ, какъ онъ есть*. При этомъ прежде нужно выучиться *представлять* себѣ вещи не такими, какими онѣ кажутся, а такими, какія онѣ есть, хотя бы просто въ геометрическомъ смыслѣ, а затѣмъ уже должна явиться способность и *познавать* ихъ, т. е. видѣть такими, какія онѣ есть.

Первое упражненіе, приводимое Хинтономъ, состоитъ въ изученіи куба, составленнаго изъ 27 меньшихъ кубиковъ, окрашенныхъ въ различные цвѣта и имѣющихъ опредѣленныя названія. Изучивъ твердо кубъ, составленный изъ меньшихъ кубовъ, мы должны перевернуть его и изучить (т. е. стараться запоминать) въ обратномъ порядкѣ. Потомъ опять перевернуть кубики и запоминать въ такомъ порядкѣ и т. д. Въ результатѣ, какъ говоритъ Хинтонъ, можно въ изучаемомъ кубѣ совсѣмъ уничтожить понятія: вверху и внизу, справа и слѣва и пр. и знать его независимо отъ взаимнаго положенія составляющихъ его кубиковъ, т. е., вѣроятно, представлять одновременно въ различныхъ комбинаціяхъ. Это будетъ первымъ шагомъ къ уничтоженію *личнаго элемента* въ представленіи о кубѣ. Дальше описывается длинная система упражненій съ серіями различно окрашенныхъ и имѣющихъ различныя названія кубовъ, изъ которыхъ составляются разныя фигуры. Все это съ той же цѣлью уничтожить *личный элементъ* въ представленіяхъ и такимъ образомъ развить высшее сознаніе.

Уничтоженіе личнаго элемента въ представленіяхъ является по идеѣ Хинтона первымъ шагомъ къ развитію высшаго сознанія и къ постиженію четвертаго измѣренія.

Онъ говоритъ, что если существуетъ способность зрѣнія въ четвертомъ измѣреніи, если мы можемъ видѣть предметы нашего міра изъ четвертаго измѣренія, то мы будемъ видѣть ихъ совсѣмъ иначе, не такъ, какъ видимъ обыкновенно.

Обыкновенно мы видимъ предметы вверху, или внизу отъ насъ, или на одномъ уровнѣ съ нами, справа, слѣва, сзади отъ насъ, или передъ нами и всегда съ одной стороны, обращенной къ намъ,

и въ перспективѣ. Нашъ глазъ крайне несовершенный аппаратъ: онъ даетъ намъ въ высшей степени неправильную картину міра. То, что мы называемъ перспективой, есть, въ сущности, искаженіе видимыхъ предметовъ, производимое плохо устроеннымъ оптическимъ аппаратомъ—глазомъ. Мы видимъ предметы искаженными. И точно такъ же представляемъ себѣ ихъ. Представляемъ мы ихъ себѣ такъ исключительно въ силу привычки такъ ихъ видѣть, т. е. вслѣдствіе привычки, созданной нашимъ дефектнымъ зрѣніемъ, ослабившимъ и способность представленія. Но у насъ нѣтъ никакой необходимости *представлять* себѣ предметы внѣшняго міра непремѣнно искаженными. Способность представленія совсѣмъ не ограничена способностью зрѣнія. Мы видимъ предметы искаженными, но знаемъ такими, какіе они есть. И мы можемъ отдѣлаться отъ привычки представлять предметы такими, какими мы ихъ видимъ, и научиться представлять ихъ себѣ такими, какіе они, какъ мы знаемъ, есть. Идея Хинтона и заключается въ томъ, что прежде чѣмъ думать о развитіи способности *зрѣнія* въ четвертомъ измѣреніи, нужно выучиться *представлять* себѣ предметы такъ, *какъ они были бы видны изъ четвертаго измѣренія*, т. е., прежде всего не въ перспективѣ, а сразу со всѣхъ сторонъ, какъ знаетъ ихъ наше сознаніе. Эта способность и должна быть развита упражненіями Хинтона. Развитіе способности представлять себѣ предметы сразу со всѣмъ сторонъ будетъ уничтоженіемъ *личнаго элемента* (уничтоженіемъ себя) въ представленіяхъ. Уничтоженіе личнаго элемента въ представленіяхъ должно, по мнѣнію Хинтона, повести къ уничтоженію личнаго элемента въ воспріятіяхъ. Такимъ образомъ, развитіе способности представлять себѣ предметы со всѣхъ сторонъ будетъ первымъ шагомъ къ развитію способности видѣть предметы такими, какіе они есть въ геометрическомъ смыслѣ, т. е. къ развитію того, что Хинтонъ называетъ *высшимъ сознаніемъ*,

Упражненія Хинтона должны развить, напримѣръ, способность представлять себѣ кубъ и затѣмъ любую геометрическую фигуру сразу со всѣхъ сторонъ и изнутри. Но способность новаго представленія вырабатывается не сразу, а долгимъ путемъ предварительнаго расширеннаго мышленія.

Хинтонъ говоритъ, что *мышленіе въ пространствѣ высшаго измѣренія* означаетъ способность охватывать одновременно большее число деталей. И развитіе такой способности будетъ процессомъ постепеннаго освобожденія *мышленія* отъ личныхъ элементовъ. Это первый шагъ. Когда *мышленіе* будетъ освобождено отъ личныхъ эле-

ментовъ, тогда явится возможность думать объ освобожденіи *представленія* отъ личныхъ элементовъ.

Такимъ образомъ изученіе системъ кубовъ, изобрѣтенное и предлагаемое Хинтономъ, должно дать возможность представлять себѣ мысленно любой предметъ не въ перспективѣ, а сразу со всѣхъ сторонъ. Со стороны психологіи въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Нѣкоторые люди обладаютъ такой способностью безъ всякихъ упражненій, другіе иногда *видятъ во снѣ* предметы со всѣхъ сторонъ одновременно. Искусственное развитіе такой способности должно сильно расширить сознаніе и, вѣроятно, должно приблизить къ пониманію четвертаго измѣренія, такъ какъ, если способность видѣть въ четвертомъ измѣреніи существуетъ, то предметы тамъ должны являться сознанію не въ перспективѣ, не искаженными, а сразу со всѣхъ сторонъ, *такъ, какъ они есть*.

Съ этой точки зрѣнія задача познанія четырехмѣрнаго міра начинается съ того, чтобы освободиться отъ ложныхъ *понятій* (окрашенныхъ личнымъ элементомъ), а затѣмъ освобождаться отъ ложныхъ *представленій* (т. е. отъ представленій, окрашенныхъ личнымъ элементомъ). Въ результатѣ придетъ освобожденіе отъ ложныхъ *воспріятій*. Иначе говоря для того, чтобы «научиться отличать истинное отъ ложнаго» въ *воспріятіяхъ* нужно прежде научиться отличать истинное отъ ложнаго въ *понятіяхъ*, а затѣмъ въ *представленіяхъ*. Т. е. это значитъ, что путь къ постиженію четвертаго измѣренія идетъ черезъ правильное *мышленіе*, черезъ *расширеніе идей и понятій*, черезъ созданіе болѣе правильнаго и болѣе истиннаго *міропониманія*.

Дальше мнѣ не разъ придется возвращаться къ работамъ Хинтона. Его книги очень интересны, главнымъ образомъ тѣмъ, что заставляютъ думать въ непривычныхъ направленіяхъ и вносятъ много новаго въ самыя разнообразныя области, охватываемыя нашей мыслью.

ГЛАВА III.

Геометрія четырехъ измѣреній. Линія, какъ слѣдъ отъ движенія точки. Квадратъ, какъ слѣдъ отъ движенія линіи. Кубъ, какъ слѣдъ отъ движенія квадрата. Фигура четырехъ измѣреній „тессаракъ", какъ слѣдъ отъ движенія куба въ пространствѣ. Линія, какъ безконечное число точекъ. Квадратъ, какъ безконечное число линій. Кубъ, какъ безконечное число квадратовъ. „Тессаракъ", какъ безконечное число кубовъ. Можно-ли вычислить, сколько точекъ, линій и поверхностей долженъ имѣть тессаракъ.

Со стороны геометріи вопросъ о четвертомъ измѣреніи можно по Хинтону разсматривать слѣдующимъ образомъ.

Намъ извѣстны геометрическія фигуры трехъ родовъ:

Одного измѣренія—линіи.

Двухъ измѣреній—плоскости.

Трехъ измѣреній—тѣла.

При этомъ, линію мы разсматриваемъ, какъ слѣдъ отъ движенія точки въ пространствѣ. Плоскость—какъ слѣдъ отъ движенія линіи въ пространствѣ. Тѣло—какъ слѣдъ отъ движенія плоскости въ пространствѣ.

Представимъ себѣ прямую линію, ограниченную двумя точками; эту линію обозначимъ буквой a. Представимъ себѣ, что эта линія (т. е. всѣ точки, входящія въ нее) движется въ пространствѣ, въ направленіи перпендикулярномъ себѣ самой, и оставляетъ слѣдъ своего движенія. Когда она пройдетъ разстояніе, равное своей длинѣ, то ея слѣдъ будетъ имѣть видъ квадрата, стороны котораго равны линіи a,—т. е. a^2.

Представимъ себѣ, что этотъ квадратъ (т. е. всѣ его точки) движется въ пространствѣ по направленію, перпендикулярному къ двумъ смежнымъ сторонамъ квадрата, и оставляетъ слѣдъ своего движенія. Когда онъ пройдетъ разстояніе, равное длинѣ сторонъ квадрата, то его слѣдъ будетъ имѣть видъ куба a^3.

Теперь, если мы предположимъ движеніе куба въ пространствѣ, то какой видъ будетъ имѣть слѣдъ отъ этого движенія, т. е. фигура a^4?

Разсматривая отношенія фигуръ одного, двухъ и трехъ измѣреній, т. е. линій, плоскостей и тѣлъ,—мы можемъ вывести правило, что *фигуру высшаго измѣренія можно разсматривать, какъ слѣдъ отъ движенія фигуры низшаго измѣренія.*

На основаніи этого правила мы можемъ разсматривать фигуру a^4, какъ слѣдъ отъ движенія куба въ пространствѣ.

Что же это за движеніе куба въ пространствѣ, слѣдъ отъ котораго является фигурой четырехъ измѣреній?

Если мы разсмотримъ, какимъ образомъ движеніемъ фигуры низшаго измѣренія строются фигуры высшаго измѣренія,—то мы увидимъ нѣсколько общихъ свойствъ этихъ построеній, нѣсколько общихъ законовъ.

Именно, когда мы разсматриваемъ квадратъ, какъ слѣдъ отъ движенія линіи, то мы знаемъ, что въ пространствѣ двигались всѣ точки линіи; когда мы разсматриваемъ кубъ, какъ слѣдъ отъ движенія квадрата, то мы знаемъ, что двигались всѣ точки квадрата. И при этомъ:—линія двигается по направленію перпендикулярному къ себѣ самой; квадратъ по направленію перпендикулярному къ своимъ двумъ измѣреніямъ.

Слѣдовательно, если мы будемъ разсматривать фигуру a^4, какъ слѣдъ отъ движенія куба въ пространствѣ, то мы должны помнить, что въ пространствѣ двигались всѣ точки даннаго куба. При этомъ по аналогіи съ предыдущимъ, мы можемъ заключить, что кубъ двигался въ пространствѣ по направленію, въ немъ самомъ не заключающемуся, т. е. по направленію, перпендикулярному къ его тремъ измѣреніямъ. Это направленіе и есть *четвертый перпендикуляръ*, котораго мы не знаемъ въ нашемъ пространствѣ и въ нашей геометріи трехъ измѣреній.

Затѣмъ:—линію мы можемъ разсматривать, какъ безконечное число точекъ;—квадратъ, какъ безконечное число линій;—кубъ, какъ безконечное число квадратовъ. По аналогіи съ этимъ фигуру a^4 можно разсматривать, какъ безконечное число кубовъ.

Дальше, смотря на квадратъ, мы видимъ однѣ линіи,—смотря на кубъ—видимъ его поверхность, или даже одну изъ этихъ поверхностей.

Весьма возможно, что фигура a^4 будетъ представляться намъ въ видѣ куба, Иначе говоря, кубъ есть то, что мы видимъ изъ фигуры a^4.

Въ одной изъ своихъ первыхъ работъ Хинтонъ вычисляетъ—сколько точекъ, линій и поверхностей можетъ быть въ тессарактѣ, т. е. въ фигурѣ a^4. Линія a, разсуждаетъ онъ, имѣетъ въ концахъ двѣ точки, при движеніи линіи въ пространствѣ каждая изъ точекъ оставляетъ слѣдъ въ видѣ линіи. Сама же линія, оставивъ свой слѣдъ на своемъ прежнемъ мѣстѣ, проходитъ путь равный своей собственной длинѣ, и останавливается, образуя опять линію. Такимъ образомъ при построеніи высшей фигуры a^2, двѣ точки, имѣвшіяся въ линіи a, (т. е. въ низшей фигурѣ) чертятъ по одной линіи и сами удваиваются, линія также удваивается.

При построеніи куба движеніемъ квадрата происходитъ то же самое. Каждая изъ четырехъ точекъ квадрата чертитъ по одной линіи и сама удваивается. Каждая изъ четырехъ линій чертитъ по одной плоскости и удваивается. Плоскость, ограниченная четырьмя линіями и составляющая квадратъ. удваивается.

Линія a имѣетъ двѣ точки и одну линію. Квадратъ a^2 имѣетъ четыре точки, четыре линіи и и одну поверхность. Кубъ a^3 имѣетъ восемь точекъ, двѣнадцать линій и шесть сторонъ т. е. поверхностей.

Изъ приведеннаго правила образованія высшей фигуры изъ низшей можно вывести правило.

— При образованіи фигуры высшаго измѣренія движеніемъ въ пространствѣ фигуры низшаго измѣренія, число точекъ низшей фигуры удваивается, число линій также удваивается, и при этомъ каждая имѣвшаяся точка чертитъ по одной линіи. Число плоскостей удваивается, и при этомъ каждая имѣвшаяся линія чертитъ по одной плоскости.

На основаніи этого правила является возможнымъ опредѣлить составныя части фигуры a^4.

Въ кубѣ 8 точекъ, 12 линій и 6 поверхностей или сторонъ.

Число точекъ удваивается:

$$8 . 2 = 16$$

Число линій удваивается и къ нимъ прибавляется число линій, полученныхъ отъ движенія восьми точекъ:

$$12 . 2 + 8 = 32$$

Число поверхностей удваивается и къ нимъ прибавляется число поверхностей, полученное отъ движенія двѣнадцати линій:

$$6 . 2 + 12 = 24$$

Слѣдовательно, на основаніи приведеннаго правила, въ фигурѣ a^4 получается — 16 точекъ, 32 линіи и 24 квадратныхъ поверхности.

Таковы свойства тѣлъ четырехъ измѣреній. Фигуру a^4 Хинтонъ называетъ «тессаректомъ». Разумѣется, это только примѣръ фигуры четырехъ измѣреній. Геометрически мы вообще можемъ разсматривать фигуру четырехъ измѣреній, какъ слѣдъ отъ движенія фигуры трехъ измѣреній. Нѣтъ никакой надобности брать непремѣнно движеніе *куба*, точно также можетъ двигаться по четвертому измѣренію шаръ, пирамида, всякая другая фигура, и слѣдъ отъ ея движенія будетъ фигурой четырехъ измѣреній. Дальше мы подробно разсмотримъ, чѣмъ реально можетъ отличаться тѣло четырехъ измѣреній отъ тѣла

трехъ измѣреній, потому что приведенныя соображенія не двигаютъ насъ съ мѣста.

Казалось бы, что тессаракть опредѣленъ почти вполнѣ. Но на самомъ дѣлѣ, какъ ни заманчивы эти вычисленія числа точекъ, линій и поверхностей въ тессарактѣ, они не даютъ ничего реальнаго. Можно на основаніи того же правила вычислять число геометрическихъ составныхъ частей въ фигурѣ пятаго, шестого, седьмого измѣреній и дальше хоть до безконечности, но всѣ эти вычисленія ни на одну іоту не подвинутъ насъ къ пониманію высшаго измѣренія. Въ послѣдней части, приведенныхъ разсужденій, т. е., начиная съ вычисленія числа частей тессаракта, Хинтонъ идетъ по совершенно неправильному пути и не выходитъ изъ предѣловъ трехъ измѣреній.

ГЛАВА IV.

Письмо Н. А. Морозова о четвертомъ измѣреніи къ товарищамъ по заключенію въ Шлиссельбургской крѣпости. Воображаемый міръ тѣней на поверхности Ладожскаго озера. Какими казались бы люди существамъ двухъ измѣреній? Таинственныя существа, появляющіяся неизвѣстно откуда и мѣняющія свой видъ. Люди и существа четырехъ измѣреній. „Духи". Спиритическія явленія по наблюденіямъ Н. А. Морозова.

На русскомъ языкѣ есть небольшая статья о четвертомъ измѣреніи Н. А. Морозова, напечатанная въ журналѣ «Современный Міръ» за 1908 годъ. Это было письмо, написанное въ 1891 г. къ товарищамъ по заключенію въ Шлиссельбургской крѣпости. Оно интересно главнымъ образомъ тѣмъ, что въ немъ изложены въ очень картинной формѣ основныя положенія того метода разсужденія о четвертомъ измѣреніи, который намъ дальше понадобится. Этотъ методъ (Фехнера) заключается въ аналогіяхъ между воображаемымъ «міромъ двухъ измѣреній» «вселенной на плоскости» и нашимъ міромъ, а затѣмъ между нашимъ міромъ и міромъ четырехъ измѣреній. Именно изъ отношеній плоскаго міра къ нашему выводятся отношенія, которыя должны бы были существовать между нашимъ міромъ и міромъ четырехъ измѣреній. Начало статьи Н. А. Морозова очень интересно, но въ своихъ конечныхъ заключеніяхъ о томъ, что могло бы находиться въ области четвертаго измѣренія, онъ относитъ къ четвертому измѣренію только «духовъ», которыхъ спириты вызываютъ въ сеансахъ. А затѣмъ, отрицая духовъ, отрицаетъ и четвертое измѣреніе. Время, какъ четвертое измѣ-

реніе пространства, тоже занимаетъ Н. А. Морозова. Но, говоря о времени, какъ объ измѣреніи пространства, Н. А. Морозовъ говоритъ о *движеніи* по этому пространству. Движеніе снова требуетъ времени. Слѣдовательно, вопросъ остается въ томъ же самомъ положеніи. (см. Tertium Organum).

Предполагается, что въ четвертомъ измѣреніи не можетъ существовать крѣпостныхъ стѣнъ, и, вѣроятно, поэтому четвертое измѣреніе являлось одной изъ любимыхъ темъ разговоровъ, которые велись въ Шлиссельбургѣ при помощи перестукиванія.

На одинъ изъ такихъ разговоровъ отвѣчаетъ Н. А. Морозовъ въ своемъ письмѣ.

— «Дорогіе мои друзья, пишетъ онъ, вотъ и кончается наше короткое Шлиссельбургское лѣто, и наступаютъ темныя осеннія таинственныя ночи. Въ эти ночи, спускающіяся чернымъ покровомъ надъ кровлей нашей темницы и окутывающія непроглядной мглою нашъ маленькій островокъ съ его старинными башнями и бастіонами, невольно кажется, что тѣни погибшихъ здѣсь товарищей и нашихъ предшественниковъ невидимо летаютъ кругомъ этихъ камеръ, заглядываютъ въ наши окна и вступаютъ съ нами, еще живыми, въ таинственныя сношенія. Да и сами мы развѣ не тѣни того, чѣмъ когда-то были? Развѣ мы не превратились уже въ какихъ-то стучащихъ духовъ, фигурирующихъ на спиритическихъ сеансахъ и невидимо переговаривающихся между собой черезъ раздѣляющія насъ каменныя стѣны?

— «Весь этотъ день я думалъ о вашемъ сегодняшнемъ спорѣ по поводу четвертаго, пятаго и другихъ, недоступныхъ намъ, измѣреній пространства вселенной. Я изо всѣхъ силъ старался представить въ своемъ воображеніи, по крайней мѣрѣ, хоть четвертое измѣреніе міра, то самое, по которому, какъ утверждаютъ метафизики, всѣ наши замкнутые предметы могутъ неожиданно оказаться открытыми, и по которому въ нихъ могутъ проникать существа, способныя двигаться не только по нашимъ тремъ, но и по этому четвертому, непривычному для насъ, измѣренію.

— «Вы требуете отъ меня научной обработки вопроса. Будемъ говорить пока о мірѣ только двухъ измѣреній, и потомъ увидимъ, не дастъ-ли онъ намъ возможности сдѣлать какія-либо умозаключенія и объ остальныхъ мірахъ.

— «Предположимъ, что какая-нибудь плоскость, ну хоть та, что отдѣляетъ поверхность окружающаго насъ Ладожскаго озера, въ

этотъ тихій осенній вечеръ, отъ находящейся надъ нимъ атмосферы— есть особый міръ двухъ измѣреній, населенный своими существами, которыя могутъ двигаться только по этой плоскости, подобно тѣмъ тѣнямъ ласточекъ и чаекъ, которыя пробѣгаютъ по всѣмъ направленіямъ по гладкой поверхности окружающей насъ, но никогда невидимой нами за этими бастіонами воды.

— «Предположимъ, что, убѣжавъ за наши шлиссельбургскіе бастіоны, вы пошли купаться въ озеро.

— «Какъ существа трехъ измѣреній, вы имѣете и тѣ два, которыя лежатъ на поверхности воды. Вы займете опредѣленное мѣсто въ этомъ мірѣ тѣнеобразныхъ существъ. Всѣ части вашего тѣла выше и ниже уровня воды будутъ для нихъ неощутимы и только тотъ вашъ контуръ, который опоясывается поверхностью озера, будетъ для нихъ вполнѣ доступенъ. Вашъ контуръ долженъ показаться имъ предметомъ ихъ собственнаго міра, но только чрезвычайно удивительнымъ и чудеснымъ. Первое чудо, съ ихъ точки зрѣнія, будетъ ваше неожиданное появленіе среди нихъ. Можно сказать съ полной увѣренностью, что эффектъ, который вы этимъ произвели, ничѣмъ не уступитъ неожиданному появленію между нами самими какого-нибудь духа изъ невѣдомаго міра. Второе чудо—это необыкновенная измѣнчивость вашего вида. Когда вы погружаетесь до пояса, ваша форма будетъ для нихъ почти элиптическая, такъ какъ для нихъ будетъ замѣтенъ только тотъ кружокъ на поверхности воды, который охватываетъ вашу талію и непроницаемъ для нихъ. Когда вы начнете плавать, вы примете въ ихъ глазахъ форму человѣческаго абриса. Когда выйдете на неглубокое мѣсто, такъ чтобы обитаемая ими поверхность окаймляла только ваши ноги, вы покажетесь имъ обратившимися въ два круговидныя существа. Если, желая удержать васъ въ опредѣленномъ мѣстѣ, они окружили бы васъ со всѣхъ сторонъ, вы могли бы перешагнуть черезъ нихъ и очутиться на свободѣ, непостижимымъ для нихъ способомъ. Вы были бы для нихъ всесильными существами,—жителями высшаго міра, подобными тѣмъ сверхъестественнымъ существамъ, о которыхъ повѣствуютъ теологи и метафизики.

— «Теперь, если мы предположимъ, что кромѣ этихъ двухъ міровъ, плоскаго и нашего, есть еще міръ четырехъ измѣреній, высшій чѣмъ нашъ, то ясно, что жители его по отношенію къ намъ будутъ такими же, какими были мы сейчасъ для жителей плоскости. Они должны такъ же неожиданно появляться передъ нами и по произволу исчезать изъ нашего міра, уходя по четвертому, или какимъ-либо инымъ высшимъ измѣреніямъ.

— «Однимъ словомъ, полная аналогія до сихъ поръ, но только до сихъ поръ. Дальше въ этой же аналогіи мы найдемъ полное опроверженіе всѣхъ своихъ предположеній.

— «Въ самомъ дѣлѣ, если бы существа четырехъ измѣреній не были бы нашимъ вымысломъ, ихъ появленія среди насъ были бы обычными, ежедневными явленіями».

Дальше въ своемъ письмѣ Н. А. Морозовъ разбираетъ, имѣемъ-ли мы какія-нибудь основанія думать, что такія «сверхъестественныя» существа есть на самомъ дѣлѣ, и приходитъ къ заключенію, что никакихъ основаній мы для этого не имѣемъ, если не хотимъ вѣрить сказкамъ.

Единственныя, заслуживающія вниманія, указанія на такихъ существъ Н. А. Морозовъ находитъ въ ученіи спиритовъ. Но его опыты со «спиритизмомъ» убѣдили его, что спиритическіе сеансы, при всей наличности странныхъ явленій, происходятъ безъ всякаго участія «духовъ».

Такъ называемое «автоматическое письмо», приводимое какъ доказательство участія въ сеансѣ разумныхъ силъ изъ нездѣшняго міра, по его наблюденіямъ является результатомъ *чтенія мыслей*. «Медіумъ» сознательно или безсознательно «читаетъ» мысли присутствующихъ и получаетъ изъ ихъ мыслей отвѣты на ихъ вопросы. Н. А. Морозовъ присутствовалъ на многихъ сеансахъ и не встрѣтилъ случая, когда въ получаемыхъ отвѣтахъ говорилось что-либо неизвѣстное никому изъ присутствующихъ, или когда отвѣты получались бы на неизвѣстномъ никому изъ присутствующихъ языкѣ.

Не сомнѣваясь въ искренности большинства спиритовъ, Н. А. Морозовъ заключаетъ, что духи здѣсь не при чемъ.

По его словамъ его практика со спиритизмомъ окончательно убѣдила его, много лѣтъ тому назадъ, въ отсутствіи явленій, которыя онъ относилъ къ четвертому измѣренію.—Онъ говоритъ, что отвѣты на спиритическихъ сеансахъ даются безсознательно самими присутствующими, и что *поэтому* всѣ предположенія о существованіи «четвертаго измѣренія»—чистая фантазія.

ГЛАВА V.

Логическая необходимость гипотезы четвертаго измѣренія и возможность ея безъ какого-либо отношенія къ „спиритизму“. Замѣчанія о спиритизмѣ. Медіумизмъ не есть непремѣнно спиритизмъ. Мнѣніе А. Н. Аксакова. Явленія помимо „духовъ“, которыя могутъ быть отнесены къ четвертому измѣренію. Міръ вѣчнаго чуда, въ которомъ мы живемъ. Необъяснимое или неизмѣримое? Неизмѣримое въ живой клѣткѣ. Неизмѣримое въ человѣкѣ. Чего больше въ человѣкѣ—измѣримаго или неизмѣримаго? Знаемъ ли мы что такое человѣкъ?

Заключеніе Н. А. Морозова совершенно неожиданно, и непонятно, какъ оно получилось. Я не буду разбирать здѣсь его мнѣнія о «спиритизмѣ». То же самое, что и онъ, говорятъ многіе другіе. Только нельзя это мнѣніе признать рѣшающимъ, такъ какъ наблюденія Н. А. Морозова и другихъ обыкновенно далеко не охватываютъ всего круга медіумическихъ явленій *); но даже не касаясь этого,—непонятно—почему Н. А. Морозовъ видитъ «четвертое измѣреніе» только въ спиритическихъ явленіяхъ, и почему , отрицая духовъ, отрицаетъ четвертое измѣреніе. Его собственныя предшествовавшія разсужденія ведутъ совсѣмъ къ другому. Кромѣ «духовъ» существуетъ множество явленій, вполнѣ реальныхъ для насъ, т. е. привычныхъ и ежедневныхъ, но совершенно необъяснимыхъ безъ помощи гипотезъ, приближающихъ эти

*) Одинъ изъ извѣстныхъ изслѣдователей медіумизма А. Н. Аксаковъ раздѣлялъ явленія, происходящія на сеансахъ, на три группы. Явленія первой группы (наиболѣе часто встрѣчающіяся) онъ находилъ возможнымъ объяснить безъ всякаго участія духовъ, *дѣйствіемъ скрытыхъ силъ человѣка*. Эти скрытыя силы Аксаковъ опредѣлялъ общимъ именемъ «анимизма». Явленія второй группы, по мнѣнію Аксакова, можно объяснить и участіемъ духовъ и однимъ «анимизмомъ». И только явленія третьей группы, случающіяся въ высшей степени рѣдко, Аксаковъ не находилъ возможнымъ объяснить, не предполагая участія разумныхъ силъ изъ нездѣшняго міра. Но эти явленія, какъ разъ наименѣе изслѣдованы и доказаны. Всѣ медіумическія явленія, которыя болѣе или менѣе достовѣрны, совершенно не требуютъ спиритической гипотезы. Но Н. А. Морозовъ отожествляетъ, какъ дѣлаютъ многіе, медіумизмъ со спиритизмомъ. Въ настоящее время, не признавать совершенно важности и интереса явленій, происходящихъ на сеансахъ, можетъ только человѣкъ, совершенно незнакомый съ вопросами и съ практикой медіумизма. Но позитивисты склонны объяснять всѣ явленія анимизмомъ (хотя они и не употребляютъ этого термина), т. е. скрытыми, еще не изслѣдованными силами человѣка:—безсознательной дѣятельностью мозга, чтеніемъ мыслей, внушеніемъ, гипнотизмомъ и т. п. «Спиритуалисты» съ другой стороны склонны всѣ явленія, происходящія на сеансахъ, считать спиритическими, т. е. приписывать ихъ участію духовъ.

явленія къ міру четырехъ измѣреній. Мы только слишкомъ привыкли къ этимъ явленіямъ и не замѣчаемъ ихъ «чудесности», не замѣчаемъ того, что живемъ въ мірѣ вѣчнаго чуда, въ мірѣ таинственнаго, необъяснимаго, и главное—неизмѣримаго.

Н. А. Морозовъ описываетъ, какими чудесными явятся наши трехмѣрныя тѣла для плоскихъ существъ, какъ они будутъ неизвѣстно откуда появляться и неизвѣстно куда исчезать, подобно духамъ, появляющимся изъ невѣдомаго міра.

Но развѣ мы сами не являемся въ дѣйствительности такими же фантастическими, мѣняющими свой видъ существами, для любого неподвижнаго предмета, для камня, для дерева? Наконецъ, развѣ мы не обладаемъ свойствами «высшихъ существъ» для животныхъ? И развѣ для насъ самихъ не существуютъ явленія, напримѣръ, всѣ явленія жизни, неизвѣстно откуда появляющіяся и неизвѣстно куда уходящія, и явленія природы—гроза, дождь, весна, осень? Развѣ каждое изъ этихъ явленій въ цѣломъ не есть *нѣчто*, изъ чего мы всегда нащупываемъ только немногое, только часть, какъ слѣпые въ старой восточной баснѣ, опредѣлявшіе слона, каждый по-своему: одинъ по ногамъ, другой по ушамъ, третій по хвосту.

Продолжая разсужденія Н. А. Морозова объ отношеніяхъ міра трехъ измѣреній къ міру четырехъ измѣреній, мы не имѣемъ никакихъ основаній искать этотъ послѣдній только въ области «спиритизма».

Возьмемъ живую клѣточку. Она можетъ быть совершенно равна—и въ длину, и въ ширину, и въ высоту—другой мертвой клѣточкѣ. И всетаки въ *живой* клѣточкѣ есть что-то, чего нѣтъ въ *мертвой*,—что-то, чего мы не можемъ измѣрить.

Мы говоримъ, что это «жизненная сила», пытаемся объяснить жизненную силу, какъ родъ движенія. Но въ сущности мы ничего не объясняемъ, а только *даемъ названіе* явленію, остающемуся необъяснимымъ.

Наша наука говоритъ, что жизненная сила должна разлагаться на физико-химическіе элементы, на простѣйшія силы. Но наука не можетъ объяснить, какимъ образомъ одно переходитъ въ другое, въ какомъ отношеніи одно стоитъ къ другому. Мы не можемъ выразить въ физико-химической формулѣ простѣйшаго проявленія живой энергіи. И пока мы этого не въ состояніи сдѣлать, мы строго логически, не имѣемъ права считать жизненные процессы тожественными съ физико-химическими.

Можно признавать философскій идеалистическій *монизмъ*, но мы не имѣемъ никакихъ основаній принимать, навязываемый намъ послѣднее время, *физико-химическій* монизмъ, т. е. отожествленіе жи-

зненныхъ и психическихъ процессовъ съ физико-химическими. Наша мысль отвлеченно можетъ приходить къ заключенію о единствѣ физико-химическихъ, жизненныхъ и психическихъ процессовъ, но для науки, для точнаго знанія, эти три рода явленій стоятъ совершенно отдѣльно.

Для науки три рода явленій:—*механическая сила*, затѣмъ *жизненная сила* и *психическая сила*—только отчасти переходятъ одно въ другое и, повидимому, безъ всякой пропорціональности, не поддаваясь никакому учету. Представители оффиціальной науки только тогда будутъ имѣть право объяснять жизнь и психическіе процессы, *какъ родъ движенія*, когда они найдутъ способъ переводить движеніе въ жизненную и психическую энергію и обратно или учитывать этотъ переходъ,—когда будетъ извѣстно, *какое количество калорій, заключающихся въ опредѣленномъ количествѣ угля, нужно для возникновенія жизни одной клѣточки*, или сколько атмосферъ давленія нужно для образованія *одной мысли*, одного логическаго заключенія. *Пока* это неизвѣстно, физическія, біологическія и психическія явленія происходятъ *для науки* на разныхъ плоскостяхъ. Можно догадываться объ ихъ единствѣ, но утверждать ничего нельзя.

Если въ физико-химическихъ, жизненныхъ и психическихъ процессахъ дѣйствуетъ одна сила, то можно предположить, что она дѣйствуетъ въ различныхъ сферахъ, только отчасти соприкасающихся другъ съ другомъ.

Если бы наука *дѣйствительно* обладала знаніемъ единства хотя бы только жизненныхъ и физико-химическихъ явленій, она *могла бы* создавать живые организмы. Въ этомъ требованіи нѣтъ ничего чрезмѣрнаго. Мы строимъ машины и аппараты гораздо болѣе сложные, чѣмъ простой одноклѣточный организмъ. И однако, такой организмъ мы построить не можемъ. Это значитъ, что въ живомъ организмѣ есть *что-то*, чего нѣтъ въ мертвой машинѣ. Въ *живой* клѣточкѣ есть что-то, чего нѣтъ въ *мертвой*. И мы съ полнымъ правомъ можемъ назвать это что-то одинаково, какъ необъяснимымъ, такъ и неизмѣримымъ.

Разсматривая человѣка, мы съ большимъ основаніемъ можемъ задать себѣ вопросъ: чего больше въ человѣкѣ, измѣримаго или неизмѣримаго?

— «Какъ я могу отвѣтить на вашъ вопросъ (о четвертомъ измѣреніи) говоритъ въ своемъ письмѣ Н. А. Морозовъ, «когда самъ не имѣю измѣренія по указываемому вами направленію?»

Но какое, въ дѣйствительности, есть у Н. А. Морозова основаніе говорить такъ опредѣленно, что *онъ не имѣетъ этого измѣренія?*

Развѣ онъ *все* въ себѣ можетъ измѣрить?—Двѣ главныя функціи человѣка *жизнь и мысль* лежатъ въ области неизмѣримаго.

И мы съ большимъ основаніемъ можемъ представить себѣ человѣка въ видѣ конуса, основаніе котораго намъ извѣстно, и то условно, а остальная часть уходитъ въ область четвертаго измѣренія по неизвѣстному направленію.

Вообще мы такъ мало и такъ плохо знаемъ, что такое человѣкъ, такъ много въ насъ самихъ загадочнаго и непонятнаго съ точки зрѣнія геометріи трехъ измѣреній, что мы не имѣемъ никакого основанія отрицать четвертое измѣреніе, отрицая «духовъ», а наоборотъ, имѣемъ большое основаніе искать четвертое измѣреніе *именно въ себѣ*.

И мы должны совершенно ясно и опредѣленно сказать себѣ, что мы совершенно не знаемъ, *что такое человѣкъ*. Это загадка для насъ—и нужно признать ее.

ГЛАВА VI.

Методъ Фехнера и Хинтона. Отношеніе міра двухъ измѣреній къ міру трехъ измѣреній. Выясненіе свойствъ четвертаго измѣренія и отношенія, въ которомъ стоитъ къ нему міръ трехъ измѣреній. Воображаемая вселенная на плоскости. Предстaвленіе плоскаго существа о мірѣ и о самомъ себѣ. Плоское существо, какъ воображаемая фигура, въ умѣ существа трехъ измѣреній. Чѣмъ должно обладать плоское существо, чтобы быть реальнымъ? Вселенная плоскаго существа. Все на одной плоскости. Непостижимая область третьяго измѣренія. Необъяснимое и неизмѣримое на плоскости. Движеніе пары колесъ на оси и дѣйствіе рычага, какъ явленія „сверхфизическія“. Недостижимость центра круга. Міръ трехъ измѣреній, какъ параллельная плоскость. Горный ландшафтъ, какъ плоская фотографія.

Хинтонъ представляетъ себѣ такъ же, какъ и Н. А. Морозовъ, міръ двухъ измѣреній и, изъ отношеній этого міра къ міру трехъ измѣреній, пытается вывести отношенія міра трехъ измѣреній къ міру четырехъ измѣреній. Это методъ Фехнера. Во всѣхъ условіяхъ жизни существа двухъ измѣреній, главнымъ образомъ въ его отношеніяхъ къ третьему измѣренію, можно найти аналогію съ нашимъ отношеніемъ къ чему-то существующему. Это *что-то существующее* Хинтонъ относитъ къ области четвертаго измѣренія и, разбирая отношенія двумѣрнаго существа къ третьему измѣренію, онъ пытается опредѣлить наше отношеніе къ четвертому измѣренію и нѣкоторыя свойства этого измѣренія.

Слѣдуя разсужденіямъ Хинтона, представимъ себѣ міръ

плоскихъ существъ, имѣющихъ только два измѣренія, длину и ширину и населяющихъ плоскую поверхность.

На этой плоской поверхности представимъ себѣ живыхъ существъ, имѣющихъ видъ геометрическихъ фигуръ и могущихъ двигаться по двумъ направленіямъ.

Начиная разсматривать условія жизни плоскихъ существъ, мы сразу сталкиваемся съ однимъ интереснымъ обстоятельствомъ.

Эти существа не могутъ имѣть реальнаго бытія, обладая только двумя измѣреніями. *Они, непремѣнно, должны имѣть хотя бы самое маленькое третье измѣреніе.* Иначе они будутъ только воображаемыми фигурами, существующими только въ чьемъ-то умѣ, не существующими реально. *)

Двигаться эти существа будутъ въ состояніи только по двумъ направленіямъ, на своей плоскости. Подняться надъ плоскостью или отойти отъ нея, они будутъ не въ состояніи. Точно такъ же они не будутъ въ состояніи видѣть или ощущать что-либо, лежащее внѣ ихъ плоскости. Если одно изъ этихъ существъ поднимется надъ плоскостью, то оно совершенно уйдетъ изъ міра другихъ, ему подобныхъ существъ, скроется, исчезнетъ *неизвѣстно куда.*

Если мы предположимъ, что органы зрѣнія этихъ существъ находятся на ихъ ребрѣ, на сторонѣ, имѣющей толщину одного атома, на ограничивающей ихъ линіи, то міра, лежащаго внѣ ихъ плоскости, они совсѣмъ видѣть не будутъ. Они будутъ видѣть однѣ линіи, лежащія на ихъ плоскости. Другъ друга они будутъ видѣть не такими, какія они есть на самомъ дѣлѣ, т. е. не въ видѣ геометрическихъ фигуръ, а только въ видѣ линій, точно такъ же въ видѣ линій будутъ имъ представляться всѣ ихъ предметы.

Центръ круга будетъ для нихъ совершенно недоступенъ. Видѣть его—они не будутъ въ состояніи. Чтобы достигнуть центра круга, существу двухъ измѣреній придется прорѣзывать или прокапывать себѣ путь въ массѣ плоской фигуры, имѣющей толщину одного атома. Этотъ процессъ прокапыванія будетъ представляться ему измѣненіемъ линіи окружности.

Если къ его плоскости приложить кубъ, то этотъ кубъ будетъ представляться ему въ видѣ четырехъ линій, ограничивающихъ квадратъ, соприкасающійся съ его плоскостью. Изъ всего куба для него

*) Сама собой напрашивается аналогія съ временемъ. «Вещь», обладающая тремя измѣреніями, не можетъ существовать реально (т. е. иначе, какъ въ нашемъ воображеніи), не существуя во времени, не имѣя временного протяженія.

будетъ существовать одинъ этотъ квадратъ. Остального куба оно не будетъ въ состояніи даже себѣ представить. *Кубъ* не будетъ для него существовать.

Если съ его плоскостью будетъ соприкасаться много тѣлъ, то въ каждомъ изъ нихъ для плоскаго существа будетъ существовать только одна, соприкасающаяся съ его плоскостью, плоскость. Эта плоскость будетъ казаться ему предметомъ его собственнаго міра.

Если черезъ его пространство, т. е. сквозь его плоскость, пройдетъ разноцвѣтный кубъ, то прохожденіе куба будетъ представляться ему, какъ постепенное измѣненіе цвѣта линій, ограничивающихъ лежащій на поверхности квадратъ.

Если мы предположимъ, что плоское существо получило способность видѣть своей плоской стороной, обращенной къ нашему міру, то легко представить себѣ, какое неправильное представленіе о нашемъ мірѣ оно получитъ.

Вся вселенная представляется ему въ видѣ плоскости. Очень можетъ быть, что эту плоскость оно называетъ *эфиромъ*. Слѣдовательно, всѣ явленія, происходящія внѣ плоскости, оно будетъ или отрицать совершенно, или считать происходящими на его плоскости, въ его эфирѣ. Не будучи въ состояніи объяснить на своей плоскости наблюдаемыя имъ явленія, оно можетъ назвать ихъ чудесными, лежащими выше его пониманія, внѣ пространства, *въ третьемъ измѣреніи*.

Замѣтивъ, что необъяснимыя явленія происходятъ въ извѣстной послѣдовательности, въ извѣстной зависимости другъ отъ друга, а также вѣроятно въ зависимости отъ какихъ-нибудь законовъ,—плоское существо перестанетъ считать ихъ чудесными и начнетъ дѣлать попытки объяснить ихъ при помощи болѣе или менѣе сложныхъ гипотезъ.

Первымъ шагомъ къ правильному пониманію мірозданія для плоскаго существа будетъ появленіе у него смутной идеи о другой параллельной плоскости. Тогда всѣ явленія, которыхъ оно не будетъ въ состояніи объяснить на своей плоскости, оно будетъ представлять себѣ происходящими на этой, параллельной плоскости. На этой ступени развитія весь нашъ міръ будетъ казаться ему плоскимъ и параллельнымъ его плоскости. Рельефа и перспективы для него существовать еще не будетъ. Горный пейзажъ будетъ представляться ему, какъ плоская фотографія. Представленіе о мірѣ будетъ, конечно, крайне бѣдно и полно заблужденій. Большое будетъ приниматься за маленькое, маленькое за большое, и все одинаково, и близкое, и далекое, будетъ казаться одинаково далекимъ и недостижимымъ.

Признавъ, что есть міръ, параллельный его плоскому міру, су-

щество двухъ измѣреній скажетъ, что объ истинной природѣ отношеній этихъ міровъ оно ничего не знаетъ, совершенно такъ же, какъ мы говоримъ, что ничего не знаемъ объ истинной природѣ отношеній *физическаго* и *психическаго*.

Въ параллельномъ мірѣ для существа двухъ измѣреній будетъ много необъяснимаго. Напримѣръ, рычагъ или пара колесъ на оси. Ихъ дѣйствіе будетъ казаться плоскому существу, все представленіе котораго о законахъ движенія ограничено движеніемъ на плоскости,— совершенно непостижимымъ. Весьма возможно, что это явленіе будетъ считаться сверхъестественнымъ, а потомъ будетъ названо «сверхфизическимъ». Изучая эти «сверхфизическія» явленія, плоское существо можетъ натолкнуться на мысль, что въ рычагѣ или въ колесахъ есть что-то неизмѣримое для него, тѣмъ не менѣе существующее.

Отсюда уже только одинъ шагъ до *гипотезы третьяго измѣренія*. Эту гипотезу плоское существо будетъ основывать, именно, на необъяснимыхъ для него фактахъ въ родѣ вращенія колесъ. Оно можетъ спросить себя, не есть ли необъяснимое въ сущности *неизмѣримое*? И затѣмъ постепенно начать выяснять себѣ физическіе законы пространства трехъ измѣреній. Но своимъ геометрическимъ, т. е. *планиметрическимъ* путемъ оно никогда не будетъ въ состояніи доказать существованіе этого третьяго измѣренія, такъ какъ всѣ его геометрическія соображенія будутъ итти только на плоскости, въ двухъ измѣреніяхъ.

Первыя понятія о природѣ третьяго измѣренія оно будетъ въ состояніи получить просто путемъ логическихъ разсужденій и сопоставленій. Именно, какъ уже было сказано, изслѣдуя все необъяснимое, лежащее на той плоскости, какой для него является нашъ міръ,— плоское существо можетъ притти къ выводу, что многія явленія необъяснимы для него, потому что въ предметахъ, производящихъ эти явленія, можетъ быть что-то неизмѣримое.

Затѣмъ оно можетъ заключить, что реальное тѣло должно чѣмъ-нибудь отличаться отъ воображаемаго. И разъ, допустивъ гипотезу третьяго измѣренія, оно должно будетъ сказать, что реальное тѣло въ отличіе отъ воображаемаго, должно обладать третьимъ измѣреніемъ.

Разбирая міръ, какъ представленіе, плоское существо будетъ временами сомнѣваться въ реальности всего окружающаго и въ своей собственной.

Придя къ заключенію, что реальное тѣло двухъ измѣреній существовать не можетъ, что это,—воображаемая фигура,—плоское существо должно будетъ сказать себѣ, что разъ существуетъ третье

измѣреніе, то оно само должно имѣть третье измѣреніе, такъ какъ иначе, обладая только двумя измѣреніями, оно должно быть только *воображаемой* фигурой, существовать *только въ чьемъ-то умѣ*.

Плоское существо будетъ разсуждать такъ:—«Если третье измѣреніе существуетъ, то я или есть тоже существо трехъ измѣреній, или не существую въ дѣйствительности, а существую только въ чьемъ-то воображеніи».

Затѣмъ у него можетъ явиться мысль, что оно представляетъ себѣ міръ неправильно, да и видитъ его не такимъ, какой онъ есть на дѣлѣ. Изъ этого могутъ вытекать разсужденія о вещахъ, *какъ они кажутся*, и о вещахъ, *какъ они есть*. И плоское существо можетъ подумать, что въ третьемъ измѣреніи вещи должны являться такими, какія онѣ есть, т. е., что оно должно увидѣть въ нихъ гораздо больше, чѣмъ видѣло до сихъ поръ.

Мы, провѣряя всѣ эти разсужденія съ нашей точки зрѣнія существъ трехъ измѣреній, должны признать, что всѣ заключенія плоскаго существа совершенно правильны и ведутъ его къ болѣе правильному міропониманію, чѣмъ его прежнее, и къ постиженію третьяго измѣренія, хотя бы сначала чисто интеллектуальному и отвлеченному.

И мы можемъ воспользоваться опытомъ плоскаго существа и посмотрѣть, не находимся ли мы *къ чему нибудь* въ такихъ же отношеніяхъ, какъ плоское существо къ третьему измѣренію.

ГЛАВА VII.

Несовершенство нашего воспріятія и неправильность нашего представленія о мірѣ. Воображаемое и реальное. Существуемъ мы или нѣтъ? Человѣкъ, какъ воображаемая фигура въ умѣ существа четырехъ измѣреній. Математическое обоснованіе идеализма. Реальный человѣкъ. Достижимость центра шара по четвертому измѣренію. Новый видъ міра изъ четвертаго измѣренія. Разрѣшеніе въ четвертомъ измѣреніи проблемы о „мірѣ какъ онъ есть“, о „вещахъ въ себѣ“.

Разбирая физическія условія жизни человѣка, мы находимъ въ нихъ почти полную аналогію съ условіями жизни плоскаго существа, одной своей стороной ощущающаго третье измѣреніе.

Разсмотримъ наше отношеніе къ «необъяснимому».

Сначала человѣкъ считаетъ необъяснимое чудеснымъ и сверхъестественнымъ. Постепенно все въ предѣлахъ сферы, доступной для наблюденій, признается существующимъ по извѣстнымъ законамъ, въ

силу извѣстныхъ причинъ. Но причины явленій остаются скрытыми, и наука въ сущности принуждена ограничиться только классификаціей такихъ необъснимыхъ явленій.

Изучая свойства и характеръ «необъяснимаго» въ различныхъ областяхъ нашего знанія, въ физикѣ съ химіей, въ біологіи, въ психологіи, мы, какъ уже было сказано, съ большимъ основаніемъ можемъ задать себѣ вопросъ, не является ли это «необъяснимое» результатомъ существованія чего-то «неизмѣримаго» для насъ въ вещахъ, которыя какъ намъ кажется, мы можемъ вполнѣ измѣрить, а затѣмъ, въ вещахъ, которыя, какъ намъ кажется, *не имѣютъ никакого измѣренія*.

И мы можемъ подумать,—не есть ли самая необъяснимость результатъ того, что мы разсматриваемъ и пытаемся объяснить въ предѣлахъ трехъ измѣреній—явленія, переходящія въ область высшаго измѣренія. Говоря иначе, не находимся ли мы въ положеніи плоскаго существа, пытающагося объяснить, какъ происходящія на плоскости явленія происходятъ въ трехмѣрномъ пространствѣ.

Многое говоритъ за вѣрность такого предположенія.

Весьма возможно, что многія изъ необъяснимыхъ явленій, необъяснимы только потому, что мы хотимъ объяснить ихъ на нашей плоскости, т. е. въ нашемъ трехмѣрномъ пространствѣ, тогда какъ они происходятъ внѣ нашей плоскости, въ области высшихъ измѣреній, только слегка касаясь нашего міра.

Признавъ, что насъ окружаетъ міръ неизмѣримаго, мы должны будемъ сказать, что до сихъ поръ мы имѣли совершенно неправильное представленіе о нашемъ «измѣримомъ мірѣ».

Мы и раньше знали, что видимъ и представляемъ себѣ вещи не такими, какія онѣ есть на самомъ дѣлѣ. Теперь мы можемъ сказать болѣе опредѣленно, что не видимъ въ вещахъ ихъ неизмѣримой для насъ части, лежащей въ четвертомъ измѣреніи.

Это послѣднее соображеніе наводитъ насъ на мысль о разницѣ между воображаемымъ и реальнымъ.

Мы видѣли, что плоское существо, придя къ мысли о третьемъ измѣреніи, должно заключить, что разъ есть три измѣренія, то самостоятельно существующаго *реальнаго тѣла* двухъ измѣреній быть не можетъ,—это будетъ только воображемая фигура, разрѣзъ тѣла трехъ измѣреній или его проэкція въ двумѣрномъ пространствѣ.

Допуская существованіе четвертаго измѣренія, мы точно такъ же должны признать, что разъ есть четыре измѣренія, то реальнаго тѣла трехъ измѣреній быть не можетъ. Реальное тѣло должно обладать хотя бы очень малымъ протяженіемъ по четвертому измѣренію, иначе

это будетъ только воображаемая фигура, проэкція тѣла четырехъ измѣреній въ трехмѣрномъ пространствѣ, подобная «кубу», нарисованному на бумагѣ.

Такимъ образомъ мы должны притти къ заключенію, что можетъ существовать *кубъ трехъ измѣреній* и *кубъ четырехъ измѣреній*. И только кубъ четырехъ измѣреній будетъ, дѣйствительно, реально существующимъ.

Разсматривая человѣка съ этой точки зрѣнія, мы приходимъ къ очень интереснымъ выводамъ.

Если четвертое измѣреніе существуетъ, то можетъ быть только одно изъ двухъ.

Или мы сами обладаемъ четвертымъ измѣреніемъ, т. е. являемся существами четырехъ измѣреній.

Или мы обладаемъ только тремя измѣреніями, и въ такомъ случаѣ не существуемъ вовсе. Въ самомъ дѣлѣ, если четвертое измѣреніе существуетъ, а мы имѣемъ только три измѣренія, то это значитъ, что мы не имѣемъ реальнаго бытія,—существуемъ только въ чьемъ-то воображеніи, и всѣ наши мысли, чувства и переживанія происходятъ въ умѣ какого-то другого высшаго существа, представляющаго себѣ насъ... Мы только плоды его воображенія,—вся наша вселенная—искуственный міръ, созданный его фантазіей.

Если мы не хотимъ съ этимъ согласиться, то мы должны признать себя существами четырехъ измѣреній.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны признать, что очень плохо познаемъ и ощущаемъ наше собственное четвертое измѣреніе, такъ же какъ четвертое измѣреніе другихъ, окружающихъ насъ тѣлъ,—догадываясь только о его существованіи, сознавая его присутствіе, на основаніи наблюденій надъ *необъяснимыми* явленіями.

Если даже не касаться другихъ недостатковъ нашего воспріятія и взять его только въ отношеніи къ геометріи, то и тогда мы должны признать, что мы видимъ все очень мало похожимъ на то, какое оно есть.

Мы не видимъ *тѣлъ*, видимъ однѣ поверхности, стороны и линіи. Мы никогда не видимъ *куба*, видимъ только его маленькую часть, никогда не видимъ его со всѣхъ сторонъ сразу.

Изъ четвертаго измѣренія должно быть можно видѣть кубъ со всѣхъ сторонъ сразу и внутри, какъ будто изъ центра, хотя бы даже онъ и казался въ трехъ измѣреніяхъ совершенно непрозрачнымъ.

Центръ шара намъ недоступенъ. Чтобы достигнуть его, мы должны прорѣзывать или прокапывать себѣ путь въ массѣ шара, т. е. дѣй-

ствовать буквально такъ же, какъ плоское существо по отношенію къ кругу. И процессъ прорѣзанія будетъ представляться намъ постепеннымъ измѣненіемъ поверхности шара.

Полная аналогія нашего отношенія къ шару съ отношеніемъ плоскаго существа къ кругу даетъ намъ основаніе думать, что въ четвертомъ измѣреніи, или по четвертому измѣренію, центръ шара такъ же легко доступенъ, какъ центръ круга по третьему измѣренію, т. е. мы должны думать, что въ четвертомъ измѣреніи можно проникнуть къ центру шара откуда-то изъ неизвѣстной намъ области, по непонятному направленію, при чемъ шаръ останется совершенно цѣлымъ. Послѣднее представляется намъ чѣмъ-то въ родѣ чуда, но точно такимъ же чудомъ должна представляться плоскому существу возможность достигнуть центра круга, не нарушая линіи окружности, не разрушая круга.

Продолжая дальше представлять себѣ свойства зрѣнія или воспріятія въ четвертомъ измѣреніи, мы должны признать, что не только со стороны геометріи, но и во многихъ другихъ отношеніяхъ «изъ четвертаго измѣренія» можно видѣть въ предметахъ нашего міра гораздо больше, чѣмъ видимъ мы.

Про человѣческій глазъ Гельмгольцъ сказалъ однажды, что если бы ему принесли отъ оптика такъ плохо сдѣланный инструментъ, то онъ никогда не принялъ бы его.

Безспорно нашъ глазъ не видитъ очень многаго, что существуетъ. Но разъ въ четвертомъ измѣреніи мы видимъ безъ помощи такого несовершеннаго аппарата, то, слѣдовательно, мы должны видѣть гораздо больше, видѣть то, чего не видимъ теперь, и видѣть все безъ той сѣти иллюзій, которая закрываетъ собой для насъ весь міръ и дѣлаетъ его внѣшній видъ очень мало похожимъ на то, что есть на самомъ дѣлѣ.

Можетъ явиться вопросъ, почему въ четвертомъ измѣреніи мы должны видѣть безъ помощи глазъ, и что это значитъ.

И на это мы можемъ отвѣтить такъ:—зрѣніе въ четвертомъ измѣреніи должно происходить помимо глазъ, потому что предѣлы зрѣнія глазами мы знаемъ; знаемъ, что обыкновенный человѣческій глазъ никогда не можетъ достигнуть совершенства микроскопа или телескопа. Между тѣмъ даже эти аппараты, при всей своей силѣ зрѣнія, нисколько не приближаютъ насъ къ четвертому измѣренію. Изъ этого мы можемъ заключить, что зрѣніе въ четвертомъ измѣреніи должно происходить какъ-нибудь иначе. Видѣть въ четвертомъ измѣреніи, это значитъ «видѣть», напримѣръ, такъ, какъ птица, летящая изъ сѣверной Россіи, «видитъ» Египетъ, куда она летитъ на зиму, какъ

почтовый голубь «видитъ» за сотни верстъ свою голубятню, съ которой его увезли въ закрытой корзинкѣ и т. п.

Мы отнесли къ области четвертаго измѣренія явленія, необъяснимыя съ точки зрѣнія извѣстныхъ намъ физическихъ законовъ.

Эти законы выведены нами изъ наблюденій надъ тѣлами и надъ пространствомъ трехъ измѣреній.

Къ области четвертаго измѣренія эти законы, очевидно, не примѣнимы, такъ же какъ къ трехмѣрному пространству были бы не примѣнимы физическіе законы, выведенные на плоскости и относящіеся къ плоскому міру.

Но это совсѣмъ не даетъ намъ права думать, что явленія въ области четвертаго измѣренія происходятъ внѣ какихъ-либо законовъ.

Единственно, что мы можемъ сказать, это, что явленія въ области четвертаго измѣренія должны происходить по своимъ собственнымъ законамъ, которые должны такъ же сильно отличаться отъ законовъ трехмѣрнаго міра, какъ законы трехмѣрнаго міра отличаются отъ законовъ воображаемаго двумѣрнаго. Въ сущности законы четырехмѣрнаго міра должны отличаться отъ законовъ трехмѣрнаго міра, какъ законы *реальнаго* міра отъ законовъ *не реальнаго*, при чемъ міръ четырехъ измѣреній реаленъ, а міръ трехъ измѣреній не реаленъ.

Тѣло четырехъ измѣреній, должно очень мало или совершенно иначе зависѣть отъ нашихъ физическихъ условій—температуры, давленія, притяженія, электрической силы, магнетизма и пр., т. е. отъ всѣхъ условій, которымъ подчинены трехмѣрныя тѣла, т. е. тѣла, которыя могутъ быть измѣрены въ длину, ширину и высоту; для четырехмѣрныхъ тѣлъ эти физическія условія могутъ совсѣмъ не существовать или имѣть другое значеніе. При этомъ, не подчинясь дѣйствію нашихъ физическихъ условій, тѣла четырехъ измѣреній могутъ зависѣть отъ другихъ условій, не дѣйствующихъ на наши трехмѣрныя тѣла.

ГЛАВА VIII.

Какія явленія мы можемъ отнести къ области четырехъ измѣреній? Психическій міръ, какъ параллельный физическому. „Психическое", какъ лежащее въ четвертомъ измѣреніи. Міръ идей, образовъ и сновъ. Человѣкъ, какъ существо, большей частью своей природы обращенное къ четвертому измѣренію. Отношеніе физическаго къ психическому. Отъ Молешотта до Маха. Объективное существованіе мыслей. Теорія волнообразныхъ психическихъ колебаній и теорія психическихъ эманацій.

Теперь, намѣтивъ нѣкоторыя черты тѣхъ свойствъ, которыми долженъ обладать міръ четырехъ измѣреній, мы можемъ попытаться точнѣе опредѣлить, что мы знаемъ изъ явленій этого міра.

Пользуясь опять опытомъ двумѣрнаго существа, мы должны задать себѣ вопросъ:—всѣ ли «явленія» нашего міра объяснимы съ точки зрѣнія нашихъ физическихъ законовъ.

Необъяснимыхъ явленій существуетъ кругомъ насъ такъ много, что мы, просто въ силу привычки къ нимъ, перестаемъ замѣчать ихъ необъяснимость, и, забывая объ ней, начинаемъ классифицировать эти явленія, даемъ имъ названія, заключаемъ ихъ въ различныя системы и, въ концѣ концовъ, даже начинаемъ отрицать ихъ необъяснимость.

Строго говоря, все одинаково необъяснимо. Но мы привыкли считать нѣкоторые порядки явленій болѣе объяснимыми и другіе менѣе. И менѣе объяснимые мы выдѣляемъ въ особую группу, создаемъ изъ нихъ отдѣльный міръ, какъ бы параллельный «объяснимому».

Это относится прежде всего къ такъ называемому «психическому міру», къ міру идей, образовъ и представленій, который мы разсматриваемъ, какъ параллельный физическому.

Наше отношеніе къ психическому, та разница, которая существуетъ для насъ между «физическимъ» и «психическимъ», показываетъ, что именно психическое нужно отнести къ области четвертаго измѣренія.

Въ исторіи человѣческаго мышленія отношеніе къ психическому очень похоже на отношеніе плоскаго существа къ третьему измѣренію. Психическое необъяснимо на «физической плоскости». Поэтому оно противопоставляется физическому. Но единство ихъ смутно чувствуется и постоянно дѣлаются попытки истолковать психическое, какъ родъ физическаго, или физическое, какъ родъ психиче-

скаго. Раздѣленіе понятій признается неудачнымъ, но средствъ для объединенія ихъ нѣтъ.

Первоначально психическое признается совершенно отдѣльнымъ отъ тѣла, функціей «души», неподчиненной никакимъ физическимъ законамъ (душа живетъ сама по себѣ, а тѣло само по себѣ), и одно *несоизмѣримо* съ другимъ. Это—теорія наивнаго дуализма или спиритуализма. Первая попытка такого же наивнаго монизма разсматриваетъ душу, какъ прямую функцію тѣла. Тогда говорится, что «мысль есть движеніе вещества». Такова была знаменитая формула Молешотта.

Оба взгляда приводятъ въ тупики. Первый, потому, что выясняется очевидная зависимость между актами физіологическими и психическими,—второй, потому что движеніе всетаки остается движеніемъ, а мысль—мыслью.

Первое аналогично отрицанію двумѣрнымъ существомъ всякой физической реальности у явленій, происходящихъ внѣ его плоскости. Второе аналогично попыткѣ считать происходящими *на плоскости* явленій, происходящія надъ ней, *внѣ ея*.

Слѣдующей ступенью является гипотеза *параллельной плоскости*, на которой происходятъ всѣ необъяснимыя явленія. Но теорія параллелизма—очень опасная вещь.

Плоское существо пойметъ третье измѣреніе тогда, когда оно ясно увидитъ, что то, что оно считало параллельнымъ своей плоскости, можетъ находиться *на различномъ разстояніи* отъ нея. Тогда у него явится идея перспективы и рельефа, и міръ приметъ для него такой же видъ, какой имѣетъ для насъ.

Мы болѣе правильно поймемъ отношеніе физическаго къ психическому тогда, когда уяснимъ себѣ, что психическое *не всегда* параллельно физическому, и можетъ совершенно не зависѣть отъ него. А параллельное, которое *не всегда* параллельно, очевидно, подчинено законамъ для насъ непонятнымъ, законамъ міра четырехъ измѣреній.

Теперь часто говорятъ такъ:—о точной природѣ отношеній физическаго и психическаго мы ничего не знаемъ; единственно, что мы можемъ сказать и что болѣе или менѣе установлено—это, что каждому психическому акту, мысли или ощущенію, соотвѣтствуетъ актъ физіологическій, выражающійся хотя бы въ слабой вибраціи нервовъ и мозговыхъ волоконъ. Ощущеніе опредѣляется, какъ сознаніе измѣненія въ органахъ чувствъ. Это измѣненіе есть извѣстное движеніе, но, какимъ образомъ, почему и *гдѣ*, движеніе превращается въ чувство и мысль, мы не знаемъ.

Возникаетъ вопросъ: не можемъ ли мы предположить, что физическое отдѣлено отъ психическаго пространствомъ четвертаго измѣренія, т. е. что физіологическій актъ, переходя въ область четвертаго измѣренія, вызываетъ тамъ эффекты, которые мы называемъ чувствомъ и мыслью.

На нашей плоскости, т. е. въ мірѣ доступныхъ нашему наблюденію вибрацій и движеній, мы не можемъ понять и опредѣлить мысль, такъ же какъ двумѣрное существо на своей плоскости не можетъ понять и опредѣлить дѣйствія рычага или движенія пары колесъ на оси.

Въ настоящее время большимъ успѣхомъ пользуются идеи Э. Маха, изложенныя главнымъ образомъ въ его книгѣ «Анализъ ощущеній и отношеніе физическаго къ психическому». Махъ совершенно отрицаетъ разницу между физическимъ и психическимъ. Весь дуализмъ нашего міропониманія создался по его мнѣнію изъ метафизическаго представленія о «вещи въ себѣ» и изъ представленія (ошибочнаго, по мнѣнію Маха) объ иллюзорности нашего познаванія вещей. По мнѣнію Маха, мы не можемъ познавать что-либо неправильно. Вещи представляютъ собою всегда именно то, чѣмъ онѣ намъ кажутся. Понятіе иллюзіи должно совершенно исчезнуть. Элементы ощущеній и есть физическіе элементы. То, что мы называемъ «тѣлами», есть только *комплексы элементовъ ощущеній*, свѣтовыхъ, звуковыхъ, ощущеній давленія и пр., — такими же комплексами ощущеній являются образы представленія. Разницы между физическимъ и психическимъ не существуетъ, какъ то, такъ и другое слагается изъ одинаковыхъ элементовъ (ощущеній). Молекулярное строеніе тѣлъ и атомистическую теорію Махъ принимаетъ только, какъ символы, отрицая за ними всякую реальность.

Такимъ образомъ, по теоріи Маха, «психика» строитъ физическій міръ. «Вещь» есть только комплексъ ощущеній.

Но необходимо помнить, что психика строитъ только «формы» міра, (т. е. дѣлаетъ его такимъ, какимъ мы его воспринимаемъ), изъ чего то другого, до чего мы никогда не можемъ добраться. Голубой цвѣтъ неба нереаленъ, зеленый цвѣтъ луга тоже нереаленъ. Но очевидно въ «небѣ», т. е. въ атмосферномъ воздухѣ, есть нѣчто, *заставляющее его казаться голубымъ*, а въ травѣ на лугу есть нѣчто, *заставляющее ее казаться зеленой*.

Безъ этого дополненія, человѣкъ , основываясь на Махѣ, легко можетъ говорить: Это яблоко — комплексъ моихъ ощущеній, значитъ оно *только кажется, а не существуетъ*,

Это невѣрно, *оно существуетъ*. Но оно *не то* и *не такое*, какимъ кажется.

«Психическое», если взять его само по себѣ, очень похоже на то, что должно бы было быть въ четвертомъ измѣреніи и мы вполнѣ свободно можемъ сказать, что мысль движется по четвертому измѣренію.

Для нея нѣтъ преградъ и разстояній. Она проникаетъ внутрь непроницаемыхъ предметовъ, представляетъ себѣ строеніе атомовъ, химическій составъ звѣздъ, населеніе морского дна, жизнь народа, исчезнувшаго десять тысячъ лѣтъ тому назадъ...

Никакія стѣны, никакія физическія условія не стѣсняютъ нашей фантазіи, нашего воображенія.

Развѣ не уходили въ своемъ воображеніи далеко за шлиссельбургскіе бастіоны Морозовъ и его товарищи?

Развѣ самъ Морозовъ не путешествовалъ по времени и пространству, когда, читая апокалипсисъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости, видѣлъ грозовыя тучи, несшіяся надъ островомъ Патмосомъ въ греческомъ архипелагѣ, *въ пять часовъ вечера, 30-го сентября, 395 года?*

Развѣ во снѣ мы не живемъ въ фантастическомъ, сказочномъ царствѣ, гдѣ все способно превращаться, гдѣ нѣтъ устойчивости физическаго міра, гдѣ одинъ человѣкъ можетъ стать другимъ, или сразу двумя, гдѣ самыя невѣроятныя вещи кажутся простыми и естественными, гдѣ событія часто идутъ въ обратномъ порядкѣ отъ конца къ началу, гдѣ мы видимъ символическія изображенія идей и настроеній, гдѣ мы разговариваемъ съ умершими, летаемъ по воздуху, пролетаемъ черезъ стѣны, тонемъ, сгораемъ, умираемъ и остаемся живы?

Сопоставляя все это, мы видимъ, что намъ нѣтъ никакой надобности считать существами четырехъ измѣреній только духовъ, появляющихся, или не появляющихся, на спиритическихъ сеансахъ. Съ очень большимъ основаніемъ мы можемъ сказать, что *мы сами существа четырехъ измѣреній*, и обращены къ третьему измѣренію только одной своей стороной, т. е. только небольшой частью своего существа живемъ въ трехъ измѣреніяхъ, и эту часть сознаемъ. А большей частью своего существа живемъ въ четырехъ измѣреніяхъ, но эту большую часть *себя* не сознаемъ.

Или еще правильнѣе сказать, что мы *живемъ* въ четырехмѣрномъ мірѣ, но *сознаемъ себя* въ трехмѣрномъ.—Находимся въ однихъ условіяхъ, а представляемъ себя въ другихъ.

Къ такому же заключенію приводятъ насъ другимъ путемъ послѣдніе выводы нашей научной психологіи, которая, хотя и очень медленно, приходитъ чисто экспериментальнымъ путемъ къ признанію возможности *пробужденія* нашего сознанія, т. е. такого его состоянія, когда оно видитъ и ощущаетъ себя *въ реальномъ* мірѣ, не имѣющимъ ничего общаго съ этимъ міромъ вещей и явленій— въ мірѣ мыслей, образовъ и идей.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы у насъ не имѣлось никакихъ доказательствъ реальнаго существованія *гдѣ-то* мыслей и образовъ представленія, то наши разсужденія должны были бы здѣсь остановиться. Вещи, не имѣющія реальнаго существованія, не могутъ находиться нигдѣ, слѣдовательно, не могутъ быть и въ четвертомъ измѣреніи. Но то, что существуетъ реально, должно существовать *гдѣ-нибудь*. Если это «гдѣ нибудь» не лежитъ въ трехмѣрной сферѣ, по своимъ свойствамъ выходитъ изъ нея, то это и есть то, чего мы ищемъ.

Поэтому, прежде чѣмъ говорить о психическомъ мірѣ, какъ о находящемся въ четвертомъ измѣреніи, мы должны установить вообще, что психическій міръ существуетъ *вполнѣ реально*. Этимъ самымъ мы докажемъ, что психическій міръ лежитъ въ области четырехъ измѣреній, потому что въ области трехъ измѣреній его нѣтъ и быть не можетъ.

Оставляя въ сторонѣ попытки фотографированія мыслей и тому подобные подозрительные эксперименты, въ основѣ которыхъ лежитъ пониманіе «психическаго» слишкомъ ужъ въ смыслѣ физическаго исключительно на нашей физической плоскости, мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ явленій, вполнѣ достовѣрныхъ, провѣренныхъ и доступныхъ для провѣрки, подтверждающихъ существованіе въ психическомъ мірѣ самостоятельныхъ явленій.

Прежде всего мы должны взять явленія гипнотизма, внушенія, передачи мыслей на разстояніе и другіе сходные съ этими факты, указывающіе на способность человѣка дѣйствовать психически безъ обычныхъ физическихъ средствъ. Всѣ эти явленія изслѣдованы еще очень мало, но уже теперь ясно, что они совершенно необъяснимы безъ признанія въ психикѣ чего то, очень реальнаго, но ускользающаго отъ нашихъ органовъ чувствъ и самыхъ тонкихъ и точныхъ аппаратовъ, хотя *могущаго проявляться внѣ нашего тѣла*, и даже на большомъ разстояніи отъ него.

Различныя системы психологіи различными путями приходятъ къ признанію реальнаго существованія въ психическомъ мірѣ многаго

такого, что остается необъяснимымъ съ точки зрѣнія физическихъ законовъ. Нельзя отрицать того, что человѣкъ иногда *дѣйствуетъ психически* на разстояніи, воспринимаетъ психически на разстояніи, или оставляетъ послѣ себя, въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ, или въ вещахъ, съ которыми соприкасался, что-то невидимое, невѣсомое и неизмѣримое, но тѣмъ не менѣе производящее извѣстные эффекты на психику другого человѣка.

Наша научная, офиціальная психологія стремится, насколько возможно, замалчивать подобные факты, какъ нарушающіе систему. Пріемъ этотъ очень характеренъ для догматическаго позитивизма. Но всетаки окончательно отрицать эти факты невозможно, и извѣстная вѣроятность ихъ признается и наукой. Тогда въ объясненіе ихъ выдвигается *теорія психическихъ лучей*, волнообразныхъ движеній той же самой среды, которая передаетъ свѣтовыя, электрическія и другія колебанія. При этомъ предполагается, что эти волнообразныя движенія возбуждаются вибраціями мозговыхъ волоконъ и нервовъ.

Теорія эта очень соблазнительна, такъ какъ она какъ будто устанавливаетъ и подтверждаетъ единство физическаго и психическаго, различающихся по этой теоріи только быстротой и ритмомъ колебаній. Но противъ этой теоріи являются прежде всего тѣ же самыя возраженія, которыя можно привести по поводу теоріи единства механическихъ, жизненныхъ и психическихъ процессовъ. Именно, теоретически для обще-философскаго взгляда это единство несомнѣнно, *но природы его мы не знаемъ*, и устанавливать его, приравнивая психическое къ физическому, не имѣемъ строго научныхъ основаній. Въ самомъ дѣлѣ, мы только тогда имѣли бы право говорить, что психическія колебанія тожественны, скажемъ, со свѣтовыми, если бы мы могли улавливать психическія колебанія физическими способами, если бы они отражались отъ физическихъ предметовъ. *Но мы не можемъ*, и поэтому у насъ нѣтъ *никакихъ* данныхъ утверждать, что и тѣ, и другія—колебанія одной и той же среды. Наоборотъ, недоступность нашимъ органамъ чувствъ и аппаратамъ психическихъ колебаній (такъ же, какъ колебаній жизненныхъ) заставляетъ насъ предположить, *что они идутъ въ какой то другой средѣ* и проходятъ черезъ физическіе предметы, не задѣвая ихъ и не отражаясь въ нихъ.

Такимъ образомъ создается предположеніе о возможности существованія неизвѣстной среды, гдѣ идутъ психическія колебанія. Гипотеза *мозговыхъ лучей*, волнообразныхъ психическихъ колеба-

ній, объясняетъ не все. Именно, она объясняетъ передачу мыслей на разстояніи, воспріятіе ихъ на разстояніи и психическое воздѣйствіе на разстояніи, но не объясняетъ передачу мыслей *на разстояніе времени*, воспріятіе ихъ *черезъ извѣстное время* и психическое дѣйствіе по прошествіи извѣстнаго времени. Между тѣмъ существуютъ свидѣтельства, что подобные факты возможны и существуютъ. Если стремиться объяснить эти факты непремѣнно матеріально, т. е. въ предѣлахъ трехъ измѣреній, то невозможно обойтись безъ гипотезы *психическихъ эманацій*, т. е. какъ бы матеріальныхъ выдѣленій, эманацій, не расходящихся въ разныя стороны волнами, а сохраняющихся нѣкоторое, можетъ быть, долгое время въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ вышли изъ психическаго центра. Психическія «волны» или «лучи» могутъ дѣйствовать только *немедленно*, въ самый моментъ мозговыхъ вибрацій. «Волны» не могутъ сохраняться неподвижными. При томъ скорость ихъ прохожденія по ихъ средѣ должна быть даже выше скорости свѣтовыхъ или электрическихъ вибрацій. Ихъ дѣйствіе аналогично дѣйствію звуковыхъ волнъ. Прекращаются звуковыя вибраціи, прекращаются звуки. Но въ мірѣ психическихъ явленій, какъ уже было сказано, не все аналогично звукамъ. И есть явленія скорѣе аналогичныя *запахамъ* или явленіямъ *радіоактивности*.

Если возможна передача мыслей и психическое воздѣйствіе *на разстояніе времени*, то нужно предположить, что въ такихъ случаяхъ психическій аппаратъ не только приводитъ въ колебаніе эфирную среду, но выдѣляетъ что-то, не измѣняющееся отъ времени, не расходящееся волнами, если не матеріальное, то очень близкое къ матеріальному по своимъ свойствамъ, нѣчто похожее на газообразныя выдѣленія, производимыя пахучими веществами,—или на *эманаціи* радія, передающія всѣ его свойства. Эти выдѣленія могутъ пропитывать другіе предметы, сообщать имъ свойства тѣла, ихъ выдѣлившаго, сохраняться долгое время, не теряя своихъ качествъ. Всѣми этими свойствами повидимому, обладаютъ предполагаемыя психическія эманаціи.

Такимъ образомъ есть двѣ попытки объясненія объективнаго существованія психическихъ явленій.

Теорія волнообразныхъ движеній, возбуждаемыхъ мозговыми вибраціями, и *теорія психическихъ эманацій*.

Первая изъ нихъ болѣе охотно допускается наукой, вторая считается менѣе ««научной». Въ дѣйствительности ни за ту, ни за дру-

гую теорію не говорятъ никакіе факты, *кромѣ тѣхъ фактовъ, для объясненія которыхъ эти теоріи создаются*. А это—очень понятная логическая несообразность.

ГЛАВА IX.

Опыты д-ра Котика. Чтеніе письма въ запечатанномъ конвертѣ. Психофизическая эманація. Четвертое измѣреніе внутри тѣлъ и внутри атмосферы. Необходимость доказать объективное существованіе психическаго. Недостаточность имѣющагося матеріала. Направленіе, по которому должны итти дальнѣйшія работы. Можно ли назвать наукой современную психологію? Гипотеза души, какъ невидимаго организма внутри видимаго.

Образцомъ того, какъ создаются гипотезы «мысленныхъ эманацій», можетъ служить вышедшая нѣсколько лѣтъ тому назадъ книжка д-ра Котика.

Производившій наблюденія надъ «чтеніемъ мыслей» и надъ «передачей мыслей», д-ръ Котикъ *) столкнулся съ однимъ случаемъ *психическаго медіумизма*. Лицо, считавшееся «медіумомъ»,—молодая дѣвица,—по наблюденіямъ д-ра Котика, обладала способностью къ чтенію мыслей лицъ, присутствовавшихъ на сеансахъ и къ безсознательному писанію (при помощи алфавита и планшетки) того, что такимъ образомъ было «прочитано» или отгадано. Этой способностью ограничивался ея «медіумизмъ». Начавъ съ этой дѣвицей рядъ опытовъ, д-ръ Котикъ открылъ у нея еще болѣе странныя способности. Именно, она могла читать письма въ запечатанныхъ конвертахъ, при чемъ читала не слова письма, а его мысли, внутреннее содержаніе. Затѣмъ, въ ея изложеніи содержанія письма проскальзывали иногда странныя вещи, не написанныя въ письмѣ. Д-ру Котику удалось, какъ онъ находитъ, установить, что это были мысли, случайно пробѣжавшія въ умѣ лица, писавшаго письмо, и какимъ-то образомъ, очевидно, *запечатлѣвшіяся* за письмо. Невольно выводилось заключеніе, что всѣ мысли лица, писавшаго письмо, сохранились въ письмѣ, и невидныя и неощутимыя для насъ, понятны и удобочитаемы для субъекта, обладающаго какой-то особой способностью. Д-ръ Котикъ попробовалъ измѣнить опыты. Наканунѣ онъ далъ какому-нибудь знакомому открытку съ видомъ и просилъ, смотря на чистый листокъ

*) «Непосредственная передача мыслей». Д-ръ Котикъ. Москва. 1908 г.

бумаги, представлять себѣ на немъ содержаніе открытки.—На другой день онъ давалъ, «продуманный, такимъ образомъ, листокъ бумаги «медіуму», который при помощи автоматическаго письма, болѣе или менѣе приблизительно, передавалъ содержаніе открытки.

Вотъ, напримѣръ, два письма (пишетъ д-ръКотикъ), взятыя мною у брата, котораго Лидія совершенно не знаетъ.

Онъ коммерсантъ и голова его всегда полна коммерціей. (?) Когда я попросилъ его въ конторѣ написать два коротенькихъ письма съ двумя тремя фразами и, запечатавъ въ конвертъ, передать мнѣ, то онъ взглянулъ на меня съ крайнимъ недоумѣніемъ: это выходило за предѣлы его пониманія; находя безполезнымъ посвящать его въ суть своихъ опытовъ, я попросилъ не задерживать меня вопросами и исполнить просьбу; тогда онъ написалъ и передалъ мнѣ оба письма уже запечатанными.

Результаты получились слѣдующіе: прибавлю еще, что Лидія не знала, отъ кого эти письма.

Опытъ 14. (Написано братомъ д-ра К.). *Задача письмо*:

«Жду съ нетерпѣніемъ расчетовъ, такъ какъ деньги нужны».

Отвѣтъ («Прочитано» Лидіей): «Странное порученіе»...

Опытъ 15. (Написано братомъ д-ра К.). *Задача письмо*: «Чувствую себя довольнымъ въ ожиданіи пріѣзда главнаго фабриканта».

Отвѣтъ («Прочитано» Лидіей): «Завтра нужно платить проценты...»

Казалось бы, можно ли послѣ такихъ отвѣтовъ (пишетъ д-ръ Котикъ), еще толковать о какой то возможности читать закрытыя письма? Да, *читать*—въ томъ смыслѣ, какъ это слово принято понимать—конечно, нельзя; но Лидія въ послѣднихъ случаяхъ «*прочитала*» вовсе не то, что было написано, а то, что непосредственно запечатлѣлось помимо написаннаго. *Лидія прочитала запечатлѣвшіяся на бумагѣ мысли.*

Что это именнотакъ, меня убѣдилъ допросъ, учиненный мною на слѣдующій день брату. Оказалось, что, когда онъ писалъ первое письмо, то не могъ отдѣлаться отъ недоумѣнія по поводу того «страннаго порученія», которое я ему далъ; когда же онъ писалъ второе письмо—первую пришедшую въ голову фразу—то голова его была уже полна текущими дѣлами и въ томъ числѣ мыслью о необходимости дѣйствительно платить проценты по какому то документу. И вотъ то, что сильнѣе всего его занимало въ моментъ писанія, прежде всего запечатлѣлось, написанныя же имъ фразы, очевидно, лишь мимолетно промелькнули въ верхнемъ сознаніи и слѣда не оставили.

И дальше опыты съ листками, надъ которыми были только *подуманы* извѣстныя картины.

Опытъ 16. Отвѣтъ на первый пустой листокъ:

«что то открывается... большое зеленое... кажется мнѣ, что это какое то море зелени и цвѣтовъ... или, можетъ быть, глубокое *тихоструйное озеро*

со своими водорослями... или блѣдными лиліями... *ароматъ какой то... это свѣжесть моя... можетъ быть это не море, а грезы.* *) за ними же туманная даль... колышется что-то... рябитъ кругомъ... такъ прекрасно, сказочно и хорошо».

Когда я этотъ отвѣтъ представилъ на другой день той барышнѣ, которая дала мнѣ задачу-листокъ, то оказалось, что у нея была записана на контрольномъ листкѣ слѣдующая картина, которую она когда то видѣла и затѣмъ сама разрисовывала на полотнѣ. «Морское дно; облѣпленная раковинами скала; водяныя растенія съ желтыми цвѣтами; на днѣ большой крабъ».

Оставляя пока всякіе комментаріи, я скажу лишь, что барышня была поражена передачей общаго фона картины и своихъ ощущеній по поводу нея; мелкія детали, какъ и въ предыдущихъ опытахъ, передались лишь отчасти.

Опытъ 17. Отвѣтъ на пустой листокъ, полученный отъ другого лица:

«темнота... вдругъ блескъ... что-то странное, чарующее... масса оттѣнковъ... что-то свѣтлое... блестящее... солнце ли тамъ сверкаетъ въ волнахъ морскихъ... или то *луномолочный свѣтъ блѣднаго мѣсяца.* *) Все это неопредѣленно и такъ неясно».

Этому листку соотвѣтствовала слѣдующая запись:

«Проходя недавно по мосту вечеромъ, я увидѣлъ подъ мостомъ глыбы свѣже-наколотаго льда; сверху падалъ свѣтъ дугового электрическаго фонаря; я остановился и нѣкоторое время любовался переливами свѣта въ ледяныхъ глыбахъ».

Опытъ 19. Отвѣтъ на пустой листокъ:

Это было въ чудный день... что-то ласкающее разливалось въ природѣ... бодрящее, этотъ неопредѣленный гулъ... говорящій о жизни... о веснѣ... о любви... что это ласточки щебечутъ... *неумолчный ли шумъ каждаго атома природы.* *) Почему деревья стали такими красными... какая это свѣтлая веселая картина».

Этому отвѣту соотвѣтствовала запись: «При въѣздѣ въ лѣсъ меня поразила картина заходящаго солнца, которое окрашивало верхушки деревьевъ въ золотой цвѣтъ».

Я полагаю, (говоритъ д-ръ Котикъ), что въ виду характерности приведенныхъ опытовъ не можетъ быть и рѣчи о какомъ либо случайномъ совпаденіи отвѣтовъ съ задачами; а въ такомъ случаѣ эти опыты въ связи съ изложенными выше должны быть признаны вполнѣ достаточными для того, чтобы рѣшить стоящій передъ нами основной и чрезвычайно важный вопросъ: дѣйствительно ли мысль можетъ непосредственно фиксироваться на бумагѣ?—и рѣшить его утвердительно.

---

*) Курсивъ мой.

Послѣ ряда опытовъ такого рода, д-ръ Котикъ пришелъ къ заключенію, что мысль можно прочитать, благодаря существованію особой *психофизической эманаціи*, выдѣляемой при мышленіи. Онъ заключилъ, что мысль непосредственно фиксируется на бумагѣ и можетъ быть воспринята оттуда другимъ лицомъ, что психическая энергія, выдѣляющаяся при мышленіи, можетъ переходить въ бумагу, сохраняться въ ней, переноситься въ другое мѣсто и, переходя къ другому лицу, вызывать въ мозгу послѣдняго соотвѣтствующія представленія. Мысль какъ будто пропитываетъ бумагу.

Въ концѣ своей книги д-ръ Котикъ рисуетъ картину психической жизни человѣчества, съ точки зрѣнія этой теоріи. Онъ говоритъ, что въ населенныхъ центрахъ, и вообще въ мѣстахъ большого скопленія людей, психическая эманація, выдѣляемая въ огромномъ количествѣ, пропитываетъ собой всякую вещь и насыщаетъ весь воздухъ. Въ этой психофизической эманаціи онъ видитъ объясненіе «идей, носящихся въ воздухѣ» и «психической заразы», играющей такую большую роль въ массовыхъ движеніяхъ и многаго другого въ нашей жизни.

Опыты д-ра Котика какъ будто устанавливаютъ реальное, объективное существованіе мыслей, но, къ сожалѣнію, только какъ будто, въ дѣйствительности эти опыты, если они и подтверждаютъ до нѣкоторой степени возможность передачи мыслей и ясновидѣнія, ничѣмъ и ни въ какомъ отношеніи не объясняютъ своихъ причинъ.

Гипотеза «психической эманаціи» подчинила себѣ д-ра Котика, не встрѣтивъ никакого сопротивленія съ его стороны; онъ даже не подумалъ, что возможны другія объясненія тѣхъ явленій, съ которыми онъ столкнулся.

Это происходитъ потому, что людямъ, привыкшимъ къ матеріалистическому мышленію, необыкновенно трудно понять *сущность нематеріальнаго* и непримѣнимость матеріалистическихъ объясненій къ явленіямъ другихъ категорій.

Раньше, чѣмъ говорить о своихъ опытахъ, д-ръ Котикъ пишетъ о работахъ д-ра Ховрина, наблюдавшаго случай ясновидѣнія:—

Свои наблюденія Ховринъ производилъ надъ дѣвицей М. 32 лѣтъ, страдавшей большой истеріей и обладавшей между прочимъ способностью читать письма въ закрытыхъ конвертахъ. Фактъ этотъ засвидѣтельствованъ цѣлымъ рядомъ врачей, которые присутствовали при опытахъ Ховрина и двумя экспертизами.

Самымъ интереснымъ и загодочнымъ обстоятельствомъ въ наблюденіяхъ Ховрина являлся характеръ передачи содержанія писемъ. М. передавала обыкновенно не подлинный текстъ написаннаго, а разсказывала о тѣхъ кар-

тинахъ, которыя были описаны въ письмѣ; при чемъ разсказывала она такъ, какъ будто сама видитъ картину; когда же М. находилась въ трансѣ, то она дѣйствительно видѣла тѣ картины, которыя были описаны въ письмѣ.

Ховринъ объясняетъ это тѣмъ, что «безсознательно» воспринятый текстъ письма вызываетъ у М. соотвѣтственныя зрительныя галлюцинаціи. Что же касается самой способности воспринимать текстъ закрытаго письма, то Ховринъ пытается объяснить это отчасти видѣніемъ, отчасти прощупываніемъ написанныхъ буквъ черезъ бумагу; по его мнѣнію, весь вопросъ о способности М. сводится просто къ вопросу объ изощреніи различительной способности ея высшихъ органовъ чувствъ—главнымъ образомъ, зрѣнія и осязанія.

Проф. Анфимовъ критикуетъ объясненіе Ховрина:—«Одной гиперстезіи зрѣнія,— говоритъ онъ, т. е. расширенія оптической способности глаза совершенно недостаточно для ясновидѣнія; для ясновидѣнія требуется не только расширеніе оптическаго горизонта, но и измѣненія въ зрительныхъ ощущеніяхъ, потому что *при немъ необходимо добиться прозрачности непрозрачныхъ предметовъ и средъ*. Слѣдовательно, глазъ долженъ овладѣть колебаніями, совершенно иными по формѣ и скорости, чѣмъ колебанія воспринимаемыя нами, какъ свѣтъ».

Отрицая возможность такого измѣненія глаза и вещей, проф. Анфимовъ отрицаетъ возможность ясновидѣнія.

Д-ръ Котикъ по поводу этого говоритъ:

Считая невозможнымъ ясновидѣніе, проф. Анфимовъ лишь приноситъ дань прочно установившимся предразсудкамъ, отъ власти которыхъ онъ не въ силахъ отдѣлаться; тѣмъ не менѣе онъ почти инстинктивно приходитъ къ совершенно правильному заключенію, что ясновидѣніе можетъ основываться только на воспріятіи такихъ лучей, которые могутъ проходить черезъ непрозрачные предметы и среды.

Анфимовъ *только не додумался до того, что воспріятіе этой лучистой энергіи можетъ совершаться и помимо глаза, который приспособленъ спеціально для свѣтовыхъ лучей* *).

Напечатанное курсивомъ замѣчаніе д-ра Котика очень интересно, потому что, если проф. Анфимовъ и д-ръ Ховринъ *не додумались* до того, что воспріятіе при ясновидѣніи можетъ итти помимо глаза, то д-ръ Котикъ совершенно одинаково не додумался до того, что воспріятіе это можетъ итти совсѣмъ безъ помощи какихъ либо матеріальныхъ агентовъ—лучей, эманацій и пр. исключительно *въ сферѣ психической*.

Я пришелъ къ заключенію (пишетъ д-ръ Котикъ), что ясновидѣніе должно имѣть много общаго съ непосредственной передачей мыслей—*общаго въ томъ смыслѣ, что въ обоихъ случаяхъ, вѣроятно, играетъ роль одна и та же энергія, которая обладаетъ свойствомъ проходить черезъ непрозрачныя среды и вызываетъ въ нашемъ мозгу рядъ представленій.* *)

*) Курсивъ мой. *П. У.*

Послѣднее это та милая безграмотность, которую такъ легко позволяетъ себѣ въ подобныхъ случаяхъ «наука».

Представленія возникаютъ *въ сознаніи*, а не въ мозгу. *Въ мозгу* могутъ итти только физико-химическіе, физіологическіе процессы. Но, нечаянно оговорившись и сказавъ *мозгъ* вмѣсто *сознанія*, дальше уже легко сдѣлать заключеніе о необходимости проникновенія въ мозгъ *особой энергіи*, *эманацій и пр.*

Д-ръ Котикъ самъ отмѣчаетъ факты, говорящіе *противъ* его теоріи, но онъ не разбираетъ ихъ достаточно глубоко.

Онъ пишетъ:

Интереснѣе всего было то обстоятельство, что въ удачныхъ опытахъ чтеніе закрытыхъ писемъ носило тотъ же характеръ, какъ и въ наблюденіяхъ Ховрина. Вмѣсто подлиннаго текста, Софья Ш. передавала мнѣ содержаніе тѣхъ картинъ, которыя были описаны въ письмѣ, т. е. передача Софьи носила характеръ зрительныхъ галлюцинацій.

Но, несмотря на то, что послѣдній фактъ исключаетъ возможность *матеріальнаго* объясненія, д-ръ Котикъ твердо стоитъ на своемъ объясненіи.

Въ дѣйствительности его объясненія не объясненія, а только замѣна одного неизвѣстнаго другимъ

Вмѣсто простой *неизвѣстной причины* передачи мыслей черезъ бумагу, д-ръ Котикъ вводитъ *неизвѣстную энергію* или *неизвѣстную эманацію*. Непонятное отъ этого не дѣлается понятнымъ.

«Теорія» д-ра Котика любопытна только потому, что она очень типична. Самъ не зная того, д-ръ Котикъ возсоздалъ старую, какъ міръ, и ровно ничего не объясняющую «астральную теорію» алхимиковъ и оккультистовъ *).

Теорія *особой среды* или особой *матеріи*, или *особой энергіи* всегда создавалась для объясненія необъяснимаго и всегда заводила въ тупикъ, изъ котораго не было никакого выхода. Теорія эманацій д-ра Котика интересна, какъ новѣйшая и будто бы научная попытка создать тотъ же самый тупикъ.

Что это тупикъ, доказывается прежде всего тѣмъ, *что опыты д-ра Котика не получили продолженія*, несмотря на то, что обѣщали очень много.

Его книга вышла въ 1908 году. Съ тѣхъ поръ прошло 5 лѣтъ. Ничего больше онъ не далъ.

Конечно, съ внѣшней стороны, это можетъ быть, простой слу-

*) Т. е. астральную теорію въ *грубомъ* «экзотерическомъ» пониманіи. Объ этомъ см. дальше, глава XIII.

чай, но внутренно это не случайность. Опыты д-ра Котика не единственны, и всѣ такіе опыты останавливаются приблизительно на одномъ уровнѣ успѣха и дальше не идутъ.

Понять, почему это такъ, не трудно. Явленія *ясновидѣнія*, *чтеніе мыслей*, медіумизмъ, это все, если такъ можно выразиться, *пограничныя явленія*, конечно, понимая границу не въ пространственномъ смыслѣ, а въ смыслѣ границы различныхъ внутреннихъ условій, *различныхъ условій воспріятія*. И эти пограничныя явленія по существу своему неустойчивы, иногда они возможны, иногда нѣтъ, иногда удаются, иногда обманываютъ, иногда ихъ удается уловить, иногда они неуловимы, потому что неуловима *граница*.

Въ описаніяхъ опытовъ д-ра Котика много недостатковъ.

Во-первыхъ, онъ описываетъ *удачные* опыты, но не описываетъ неудачныхъ и не приводитъ процентнаго отношенія удачныхъ къ неудачнымъ. Весьма вѣроятно, что у него такъ же, какъ и другихъ изслѣдователей (см. напр., отчеты лондонскаго P. R. S. «Общества Психическихъ Изслѣдованій») процентъ удачныхъ опытовъ былъ очень небольшой. А это значительно мѣняетъ картину дѣла.

Затѣмъ вредитъ серьезности опытовъ черезчуръ любительская постановка, эти открытки съ видами и многое другое. Передача описаній ландшафтовъ легко можетъ быть расплывчатой, неопредѣленной, отвѣтъ можетъ быть только *похожъ* на то, что задано.

Почему не взять, напримѣръ, простыя игральныя карты, относительно которыхъ не можетъ быть сомнѣній—отгадана карта или не отгадана, ясно можетъ быть установлена степень приближенности отгадыванія, и гдѣ отвѣтъ не можетъ быть только *похожъ* на правду. Напримѣръ, можно давать отгадывать *цвѣтъ*. Черный или красный? И сразу видно, вѣрно или нѣтъ. *Сомнительныхъ* случаевъ быть уже не можетъ. Затѣмъ можно давать отгадывать *масть*. Это уже вдвое труднѣе, потому что нужно назвать одну изъ четырехъ мастей. Полное отгадываніе картъ (масть и названіе) еще труднѣе. Во всѣхъ случаяхъ можно установить по теоріи вѣроятности шансъ отгадыванія и шансъ ошибки. Опытъ тогда пріобрѣлъ бы совсѣмъ другую цѣнность. Но д-ръ Котикъ точно нарочно избѣгаетъ всякой точности, и его опыты мало чѣмъ отличаются отъ опытовъ любого «ясновидящаго», принимающаго публику за плату и отгадывающаго, что лежитъ въ сумочкѣ у дамъ.

Кромѣ того описанія, полученныя д-ромъ Котикомъ черезъ чуръ похожи на романы Вербицкой: *ароматъ какой-то... эта свѣжесть моря... можетъ быть это не море, а грезы...* и дальше: *солнце*

ли такъ сверкаетъ на волнахъ морскихъ... или то лунномолочный свѣтъ блѣднаго мѣсяца... или еще: *неумолчный ли шумъ каждаго атома природы.*

Этотъ «неумолчный шумъ каждаго атома природы», разумѣется, нарочно не выдумаешь, и я совсѣмъ не хочу сомнѣваться въ искренности д-ра Котика и его «медіума, но это не можетъ считаться опытомъ.

Возвращаясь къ *пограничности* сверхъ-нормальныхъ «психическихъ явленій», я хочу сказать, что они случайны и по своему существу. Ими нельзя пользоваться для изученія сверхфизическаго міра, потому что тотъ міръ прежде всего міръ *другихъ отношеній*, чѣмъ нашъ,—другой логики, другихъ аксіомъ. Прежде чѣмъ начинать какіе-нибудь опыты съ этимъ міромъ другихъ отношеній нужно выучиться думать объ этомъ мірѣ, *мыслить его*, потому что *мыслить* тотъ міръ другихъ отношеній нужно совсѣмъ иначе, чѣмъ этотъ, нашъ міръ. И нужно понять, что *тотъ* міръ и *нашъ* міръ не различаются сами по себѣ. Разница только въ нашемъ воспріятіи и мышленіи. Воспринимаемый и мыслимый *однимъ образомъ* міръ есть то, что мы называемъ *нашъ міръ*. Воспринимаемый и мыслимый иначе міръ есть *тотъ міръ*; мы его не знаемъ только потому, что не умѣемъ мыслить и воспринимать.

И нужно помнить, что *реаленъ тотъ міръ* (иначе онъ не существуетъ совсѣмъ), а нашъ міръ въ сравненіи съ нимъ нереаленъ, иллюзоренъ, весь состоитъ изъ обмановъ.

Д-ръ Котикъ хочетъ *тотъ*, т. е. реальный міръ, мѣрить мѣрами нашего иллюзорнаго міра.

Онъ навязываетъ тому міру отношенія нашего. Разумѣется, ничего получиться не можетъ. Нѣсколько случайныхъ совпаденій пограничной области нельзя считать закономъ.

Я не хочу сказать, что всѣ прочитыванія надуманныхъ листковъ или случайныхъ мыслей есть *совпаденія* въ обычномъ смыслѣ этого слова. Они совершенно реальны. Но они—совпаденія постольку, поскольку ихъ можно поймать, уловить *нашей* психикой. *Съ той стороны* это не случайность, но *для нашей* психики это всегда будетъ случайностью.

Теорія психическихъ эманацій—это самое грубое объясненіе, какое только можно придумать. По отношенію къ психологіи это то же самое астрономическія представленія древнихъ народовъ или современныхъ дикарей:—твердое небо и прикрѣпленныя къ нему солнце, луна и звѣзды.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ человѣкъ, *логически думавшій*, представить себѣ, напримѣръ, луну въ видѣ шара, висящаго въ пустотѣ безъ всякой опоры *). Конечно, это былъ абсурдъ, такой же абсурдъ, какъ передача мыслей безъ психической эманаціи.

Вѣдь *что-то* осталось въ бумагѣ, говоритъ д-ръ Котикъ; *что-то* для пониманія д-ра Котика значитъ, что-то матеріальное. Д-ръ Котикъ былъ бы нелогиченъ, если бы не сдѣлалъ своего заключенія.

Если мы примемъ теорію эманаціи, пропитывающей всѣ наши предметы и насъ самихъ, и нашу атмосферу, то мы должны будемъ заключить, что пространство четвертаго измѣренія лежитъ не рядомъ съ нашимъ пространствомъ по извѣстному направленію, а *внутри его*, внутри всѣхъ извѣстныхъ намъ физическихъ тѣлъ, внутри насъ самихъ, внутри нашей атмосферы (т. е. *въ трехъ измѣреніяхъ*). Это будетъ абсурдъ такой же, какъ утвержденіе возможности существованія трехъ измѣреній на плоскости.

И мы увидимъ тогда, что именно на этой чисто трехмѣрной гипотезѣ четвертаго измѣренія основаны всѣ представленія о «душѣ», какъ отдѣльной отъ тѣла, какъ о невидимомъ организмѣ внутри видимаго,—могущемъ разобщаться съ тѣломъ и жить, и дѣйствовать отдѣльно отъ тѣла до и послѣ его смерти.

Это очень соблазнительная теорія; принявъ ее, вы сразу освобождаетесь отъ цѣлаго ряда неудобныхъ проблемъ и никуда неукладывающихся вопросовъ. Она даетъ возможность дѣлать очень смѣлыя заключенія. Но польза этихъ заключеній и освобожденія отъ трудныхъ вопросовъ очень сомнительна.

Хинтонъ, пользуясь очень близкой гипотезой, въ одной изъ своихъ книгъ говоритъ:

Старая гипотеза о душѣ, какъ о невидимомъ организмѣ внутри видимаго, кажется мнѣ болѣе раціональной, чѣмъ попытка объяснить жизнь, какъ форму движенія. И когда мы подумаемъ объ области безконечно малыхъ, въ которой происходитъ движеніе по четвертому измѣренію, трудность представить себѣ такой организмъ рядомъ съ тѣломъ исчезаетъ.

Трудно сказать, что болѣе раціонально, или вѣрнѣе, что менѣе раціонально, то или другое. Все дѣло въ томъ, что лежащая въ основѣ подобныхъ гипотезъ *теорія тонкихъ состояній матеріи* совер-

---

*) Съ точки зрѣнія времени, какъ четвертаго измѣренія пространства, это опять становится невозможно. Луна, какъ и всякое небесное тѣло—не шаръ, а очень сложная спираль (См. Tertium Organum).

шенно произвольно *придумана*, какъ подстановка подъ трудно объяснимые факты, и сама по себѣ ровно ничего не объясняетъ.

Заключеніе д-ра Котика, что мышленіе сопровождается выдѣленіемъ какой-то эманаціи или энергіи, несущей въ себѣ характеръ данной мысли, *абсолютно ни изъ чего не вытекаетъ*.

Теорія психофизическихъ эманацій, это не теорія, а перевернутый вопросъ. Если въ алгебраическомъ уравненіи однѣ буквы замѣнить другими, не мѣняя коэффиціентовъ и знаковъ, то внѣшняя картина измѣнится, но это не рѣшеніе уравненія.

Всѣ попытки объяснить какія-нибудь психологическія загадки физическими теоріями—ничто иное, какъ подобная *перемѣна знаковъ*. Но неизвѣстное не станетъ извѣстнымъ, если вмѣсто x я назову его y. Если же я при этомъ буду утверждать, что *нашелъ* неизвѣстное, то этимъ я помѣшаю себѣ найти его когда-нибудь въ будущемъ.

Есть маленькая логическая ошибка, которую очень легко совершаютъ люди, даже претендующіе на научное или философское мышленіе.

Они не понимаютъ иногда, что теоріи и гипотезы, приводимыя ими въ объясненіе непонятныхъ фактовъ, не имѣютъ за себя ничего, кромѣ именно этихъ фактовъ, для объясненія которыхъ онѣ приводятся.—А этого конечно, мало. Теорія или гипотеза должна основываться на *другихъ* фактахъ и тогда ее можно логически примѣнять для объясненія непонятныхъ фактовъ.

Затѣмъ многіе черезчуръ легко забываютъ, что первая посылка ихъ разсужденій сдѣлана ими предположительно. Въ такомъ положеніи находится д-ръ Котикъ.

Наблюдая фактъ передачи мыслей при помощи предметовъ, онъ, самъ того не замѣчая, *предполагаетъ*, что для этого *нужна* матеріальная эманація. А въ слѣдующій моментъ онъ уже дѣлаетъ выводы изъ этого заключенія.

Но что останется отъ всѣхъ разсужденій д-ра Котика, если мы сдѣлаемъ другое предположеніе?

Оставляя гипотезу эманацій, какъ не изъ чего не вытекающую, мы можемъ сказать, что два сознанія какъ бы соприкасаются одно съ другимъ при помощи листка бумаги, при чемъ одно, какъ бы читаетъ то, что происходитъ въ другомъ.

Листокъ бумаги въ данномъ случаѣ просто математическая точка, пунктъ, котораго касаются оба сознанія, касаясь вслѣдствіе этого одно другого.

Картина получается приблизительно такая: я смотрю въ зеркало и вижу человѣка, сидящаго сзади меня.

Развѣ необходима для этого теорія эманаціи, вошедшей въ зеркало изъ человѣка?

Разумѣется такая теорія или гипотеза совсѣмъ не нужна, все понятно безъ нея.

Мнѣ могутъ возразить, что изображеніе въ зеркалѣ *не остается*, что я вижу человѣка пока онъ сидитъ. Когда онъ уйдетъ, я перестану его видѣть. А въ опытахъ д-ра К. въ бумагѣ что-то оставалось.

Я могу отвѣтить на это, что въ опытахъ д-ра Котика *очевидно* мы наблюдаемъ другія условія. Гораздо легче и проще, чѣмъ выдумывать эманацію, предположить, что для психическаго зрѣнія нѣтъ времени (многіе факты нисколько не менѣе реальные, чѣмъ опыты д-ра К., показываютъ, что часто психическое зрѣніе дѣйствительно перебѣгаетъ по времени впередъ или назадъ) и этотъ листокъ бумаги позволяетъ сознанію медіума соприкоснуться съ прошедшимъ моментомъ, совершенно такъ же, какъ мое зрѣніе соприкасается съ отраженіемъ человѣка въ зеркалѣ.

Эта теорія безконечно проще и не требуетъ никакихъ деревянныхъ подпорокъ.

Интересно замѣтить при этомъ, что путемъ чисто логическихъ заключеній мы должны будемъ дальше признать *), что, если тонкія *энергетическія* состоянія матеріи существуютъ, то въ нихъ *больше времени и меньше пространства*. А это въ образномъ выраженіи значитъ именно то самое, что я сейчасъ говорю, т. е. что въ психической дѣятельности даннаго рода очевидно происходитъ выходъ сознанія изъ обычныхъ условій времени.

---

*) Глава XII.

ГЛАВА X.

Движеніе по четвертому измѣренію. Какой изъ извѣстныхъ намъ видовъ движенія подходитъ къ условіямъ движенія по четвертому измѣренію? Молекулярное движеніе. Расширеніе и сокращеніе, какъ движеніе по четвертому измѣренію. Движеніе отъ центра по радіусамъ. Кубъ трехъ измѣреній и кубъ четырехъ измѣреній. Реальное и воображаемое тѣло. Реальное движеніе по четвертому измѣренію—движеніе по времени, ростъ. Опытъ д-ра Штейнера. «Временное тѣло». «Чудеса индійскихъ факировъ». «Фокусъ манго».

Совершенно ясно, что опредѣленіе четвертаго измѣренія, какъ лежащаго *внутри тѣлъ*, не можетъ отвѣчать требованіямъ, предъявляемымъ къ четвертому измѣренію.

Мы остановились на томъ, что тессарактъ, т. е. a^4, можетъ быть полученъ движеніемъ куба въ пространствѣ, при чемъ должны двигаться всѣ точки куба.

Слѣдовательно, если мы предположимъ, что отъ каждой точки куба идетъ линія, по которой должно итти это движеніе, то комбинація этихъ линій составитъ проэкцію тѣла четырехъ измѣреній. Это тѣло, т. е. тессарактъ, какъ мы нашли, мы можемъ разсматривать, какъ безконечное число кубовъ, какъ бы вырастающихъ изъ перваго.

Посмотримъ теперь не извѣстны ли намъ примѣры такого движенія, при которомъ двигались бы всѣ точки даннаго куба.

Молекулярное движеніе, т. е. движеніе мельчайшихъ частицъ матеріи, усиливающееся при нагрѣваніи и ослабѣвающее при охлажденіи, казалось бы самымъ подходящимъ примѣромъ движенія по четвертому измѣренію, если бы можно было остановиться на томъ, что четвертое измѣреніе лежитъ внутри тѣлъ трехъ измѣреній.

Въ статьѣ подъ заглавіемъ «Можно ли надѣяться увидѣть молекулы» *), проф. Д. А. Гольдгаммеръ говоритъ, что, согласно современнымъ воззрѣніямъ, молекулы суть тѣльца съ линейными разрѣзами, лежащими между одной милліонной и одной десяти милліонной долей милиметра. Вычислено, что въ одной милліардной долѣ кубическаго милиметра, т. е. въ одномъ микронѣ, при температурѣ 0^0 С и обычномъ давленіи, будетъ находиться около 30 милліоновъ молекулъ кислорода. «Молекулы движутся очень быстро, такъ большинство молекулъ кислорода при нормальныхъ условіяхъ имѣетъ скорость около 450 метровъ въ секунду. Молекулы не разле-

*) «Научное Слово», февраль 1903 года.

таются мгновенно во всѣ стороны, несмотря на такія большія скорости, только потому, что онѣ чрезвычайно часто сталкиваются другъ съ другомъ и мѣняютъ отъ этого направленіе движенія. Благодаря этому, путь молекулы имѣетъ видъ очень запутаннаго зигзага—и она въ сущности топчется, такъ сказать, на одномъ мѣстѣ».

Очень соблазнительно принять этотъ *запутанный зигзагъ* за линію четвертаго измѣренія, но дѣло въ томъ, что онъ ни въ какомъ смыслѣ не выходитъ изъ предѣловъ трехъ измѣреній.

При томъ мы должны найти такое движеніе, при которомъ данное тѣло дѣйствительно *двигалось бы*, а не оставалось на одномъ мѣстѣ (или въ одномъ состояніи).

Разсматривая всѣ извѣстные намъ виды движенія, мы должны признать, что наиболѣе подходящимъ къ поставленнымъ условіямъ является *расширеніе и сокращеніе тѣлъ*.

При расширеніи жидкости и твердаго тѣла несомнѣнно происходитъ то же самое,—молекулы отдаляются одна отъ другой. При сокращеніи и твердаго тѣла, и жидкости, и газа, разстояніе между молекулами уменьшается.

Здѣсь есть *нѣкоторое пространство* и *нѣкоторыя разстоянія*, недоступныя для нашего измѣренія.

Не лежитъ ли это пространство въ четвертомъ измѣреніи?

Мы знаемъ, что при движеніи по этому пространству двигаются всѣ точки даннаго геометрическаго тѣла, т. е. всѣ молекулы даннаго физическаго тѣла.

Фигура, полученная отъ движенія въ пространствѣ куба, при расширеніи и сокращеніи будетъ для насъ имѣть видъ куба, и мы можемъ представить ее себѣ въ видѣ безконечнаго числа кубовъ.

Можемъ ли мы предположить, что комбинація линій, проведенныхъ отъ всѣхъ точекъ куба, какъ на поверхности, такъ и внутри, тѣхъ линій, по которымъ точки отдаляются одна отъ другой и приближаются одна къ другой, составитъ проэкцію тѣла четырехъ измѣреній?

Чтобы отвѣтить на это, нужно выяснить, что же это за линіи и что это за направленіе?

Эти линіи соединяютъ всѣ точки даннаго тѣла съ его центромъ. —Слѣдовательно, направленіе найденнаго движенія—*отъ центра по радіусамъ*.

При изслѣдованіи путей движенія точекъ (молекулъ) тѣла, при расширеніи и сокращеніи, мы находимъ въ нихъ много интереснаго.

Разстояніе между молекулами мы видѣть не можемъ. Въ твер-

дыхъ тѣлахъ, жидкостяхъ и газахъ, потому что оно крайне мало,— въ сильно разрѣженной матеріи, напр., въ Круксовыхъ трубкахъ, гдѣ это разстояніе вѣроятно увеличивается до ощутимыхъ нами, или нашими аппаратами, размѣровъ, мы не можемъ его видѣть, потому что самыя частицы, молекулы, слишкомъ малы и недоступны нашему наблюденію.—Профессоръ Гольдгаммеръ въ своей статьѣ говоритъ, что при извѣстныхъ условіяхъ молекулы можно бы было сфотографировать, если бы ихъ можно было сдѣлать *свѣтящимися*. При ослабленіи давленія въ Круксовой трубкѣ до одной милліонной доли атмосферы, въ одномъ микронѣ будетъ только 30 молекулъ кислорода. Если бы онѣ свѣтились, ихъ можно бы было сфотографировать и потомъ увеличить на экранѣ.

Затѣмъ всѣ тѣла непремѣнно должны обладать молекулами, а слѣдовательно имѣть нѣкоторое, хотя бы очень малое, измѣреніе между молекульнаго пространства.—Иначе, безъ этого, мы не можемъ представить себѣ реальнаго тѣла и можемъ представить только *воображаемыя* геометрическія тѣла. Реальное тѣло состоитъ изъ молекулъ и обладаетъ нѣкоторымъ междумолекульнымъ пространствомъ.

Такимъ образомъ, разница между кубомъ трехъ измѣреній a^3 и кубомъ четырехъ измѣреній a^4 будетъ заключаться въ томъ, что кубъ четырехъ измѣреній обладаетъ матеріей, т. е. состоитъ изъ молекулъ. Кубъ же трехъ измѣреній матеріей не обладаетъ и является, дѣйствительно, только проэкціей четырехмѣрнаго тѣла въ трехмѣрномъ пространствѣ.

Но расширяясь или сокращаясь, кубъ или шаръ все время остаются для насъ кубомъ или шаромъ, измѣняясь только въ размѣрѣ.

И Хинтонъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что прохожденіе черезъ наше пространство куба высшаго измѣренія, представлялось бы намъ измѣненіемъ свойствъ матеріи куба, лежащаго передъ нами. Онъ говоритъ еще, что идея четвертаго измѣренія должна бы была возникнуть при наблюденіи серіи прогрессивно увеличивающихся или уменьшающихся шаровъ или кубовъ. Въ послѣднемъ онъ стоитъ уже совсѣмъ близко къ правильному опредѣленію движенія по четвертому измѣренію.

Одинъ изъ наиболѣе ясныхъ и понятныхъ видовъ движенія по четвертому измѣренію есть *ростъ* , въ основѣ котораго лежитъ расширеніе.—Почему это такъ, объяснить не трудно. Всякое движеніе въ предѣлахъ трехмѣрнаго пространства есть въ то же время *движеніе по времени*. Молекулы или точки расширяющагося куба при

сокращеніи не возвращаются на прежнее мѣсто. Онѣ описываютъ извѣстную кривую, возвращаясь не въ тотъ пунктъ времени, изъ котораго вышли, а въ другой. И если мы предположимъ, что онѣ вообще не возвращаются, то ихъ разстояніе отъ первоначальнаго пункта времени будетъ дѣлаться все больше и больше. Представимъ себѣ такое внутреннее движеніе тѣла, при которомъ его молекулы, отдалившись одна отъ другой, не сближаются, а разстояніе между ними заполняется новыми молекулами, въ свою очередь расходящимися и дающими мѣсто новымъ. Такое внутреннее движеніе тѣла будетъ его *ростъ*, по крайней мѣрѣ геометрическая схема роста. Если мы сравнимъ маленькую зеленую завязь яблока съ большимъ краснымъ плодомъ, висящимъ на той же вѣткѣ, мы увидимъ, что молекулы завязи не могли создать яблоко, двигаясь только по трехмѣрному пространству. Имъ нужно было кромѣ того непрерывное движеніе *по времени*, непрерывное уклоненіе въ пространство, лежащее внѣ трехмѣрной сферы. Завязь отъ яблока отдѣлена временемъ. Съ этой точки зрѣнія яблоко это три, четыре мѣсяцевъ движенія молекулъ по четвертому измѣренію. Представивъ себѣ весь путь отъ завязи до яблока, мы увидимъ направленіе четвертаго измѣренія, т. е. таинственный четвертый перпендикуляръ—линію перпендикулярную ко всѣмъ тремъ перпендикулярамъ нашего пространства и не параллельную ни одному изъ нихъ.

Нѣмецкій теософъ д-ръ Штейнеръ въ одной изъ своихъ книгъ даетъ очень интересный примѣръ развитія воображенія для цѣлей ясновидѣнія, т. е. развитія способности «видѣть въ четвертомъ измѣреніи». Онъ совѣтуетъ человѣку, стремящемуся къ развитію психическаго зрѣнія, класть передъ собой *зерно* и, смотря на него, представлять себѣ, что изъ зерна выходитъ ростокъ; зеленый ростокъ превращается въ листья, среди которыхъ появляется цвѣтокъ и т. д. Д-ръ Штейнеръ утверждаетъ, что человѣкъ упорно «медитирующій» такимъ образомъ можетъ въ концѣ концовъ дѣйствительно развить у себя способность, смотря на зерно, видѣть ростокъ и плодъ, который можетъ получиться изъ этого зерна.—Возможна такая вещь на практикѣ или нѣтъ, это другой вопросъ, но интересна теорія, положенная въ основаніе разсужденій нѣмецкаго теософа. Ясно, что хотя онъ говоритъ о «голубоватомъ туманѣ», который окутываетъ зерно, объ «аурѣ цвѣтка», о его «астральномъ тѣлѣ» и пр., въ сущности онъ говоритъ о возможности *видѣть во времени*, т. е. видѣть *прошедшее* или *возможное будущее* зерна, ту цѣпь фактовъ и явленій, звеномъ въ которой является зерно—и онъ указываетъ на способъ

войти въ эту цѣпь фактовъ при помощи упорнаго думанія о цвѣткѣ, который долженъ выйти изъ зерна.

Очень любопытно, что власть человѣческой психики и воли надъ временемъ признается всѣми народами, вѣрящими въ возможность *гаданія*. А примѣръ психическаго опыта д-ра Штейнера съ зерномъ дѣлается особенно любопытнымъ при сближеніи этого опыта съ извѣстными «чудесами» индійскихъ факировъ, которые не только сами видятъ растеніе, выходящее изъ зерна у нихъ на глазахъ, но могутъ заставить видѣть другихъ, какимъ то способомъ внушенія, неизвѣстнымъ Западу.

Авторъ очень интересной книги, «*Религіи и тайныя ученія Востока*», Рамачарака, разсказываетъ объ извѣстныхъ опытахъ индійскихъ факировъ.

Способность къ передачѣ мыслей и воспріимчивость къ вліянію чужой мысли, распространенная вообще среди всего народа, дѣлаютъ индійскую толпу необыкновенно впечатлительной и легко поддающейся дѣйствію психической силы факировъ, которые превратили умственное сосредоточеніе въ тонкое искусство и умѣютъ создавать состояніе ментальной иллюзіи, пользуясь имъ, какъ основаніемъ для своихъ наиболѣе трудныхъ фокусовъ. И вліянію факировъ поддаются не только туземцы; уроженцы Запада, которымъ случится быть въ толпѣ, такъ же поддаются мысленной заразѣ и становятся жертвами иллюзіи, производимой тѣмъ, что на Западѣ называется «психологіей толпы» или «общей мыслью». Все дѣло здѣсь, конечно, заключается въ извѣстнаго рода гипнотизмѣ или месмерическомъ вліяніи особаго характера, извѣстномъ факирамъ и людямъ спеціально изучающимъ на Востокѣ этотъ предметъ. Толпа приводится въ «состояніе внушаемости», ей передается «настроеніе, ожиданіе, которое является самымъ важнымъ условіемъ для успѣшнаго выполненія «чудесъ индійскихъ факировъ». Въ дополненіе къ этому факиры обладаютъ способностью «ментальной матеріализаціи», т. е. они образуютъ сильные мысленные образы того, что они хотятъ заставить видѣть толпу, и толпа дѣйствительно какъ будто видитъ странныя явленія, хотя моментальные снимки, которые удавалось иногда дѣлать, ихъ не схватываютъ; это показываетъ, что эффектъ чисто психологическій. Попробуемъ описать типичное представленіе такого рода, одного изъ лучшихъ странствующихъ факировъ въ Индіи.

Въ началѣ представленія, происходящаго на открытомъ воздухѣ, на площади, факиръ сидитъ на землѣ, закрывъ глаза и сложивъ руки на груди. Вокругъ собирается толпа на почтительномъ разстояніи и приготовляется къ обычному долгому ожиданію. Помощники факира, его ученики, бьютъ въ цимбалы и маленькіе барабаны, не громко, создавая особые, заглушенные монотонные звуки. Потомъ факиръ начинаетъ пѣть медленно и сонно, слова, которыя оканчиваются на *ум-ум*, наполняя воздухъ особыми ритмическими вибраціями.

Дальше факиръ приступаетъ къ знаменитому *фокусу-манго*, который часто удавалось видѣть европейскимъ путешественникамъ по Индіи. Онъ

беретъ небольшую кучку земли и сажаетъ туда сѣмя манго. Затѣмъ онъ начинаетъ свое пѣніе, которому аккомпанируютъ барабаны и цимбалы и дѣлаетъ медленныя движенія руками надъ кучкой земли. Вскорѣ изъ земли появляется зеленый ростокъ, онъ быстро растетъ и принимаетъ видъ молодого куста манго, на немъ появляются листья и наконецъ цвѣты; цвѣты превращаются въ плоды, которые зрѣютъ на глазахъ у толпы и въ заключеніе факиръ срываетъ ихъ и передаетъ желающимъ. Затѣмъ факиръ начинаетъ обратный процессъ, растеніе начинаетъ уменьшаться, какъ бы вбирается въ себя и въ концѣ концовъ превращается въ сѣмя, которое было посажено въ кучку земли. Иногда факиръ разнообразитъ фокусъ и проситъ людей, которымъ онъ далъ плоды, крѣпко держать ихъ въ рукахъ, при чемъ въ извѣстный моментъ плоды исчезаютъ.

«Фокусъ манго»—до сихъ поръ загадка. Но несомнѣнно въ него входитъ какое то психическое воспроизведеніе *временнаго процесса*, какое то «отгадываніе» движенія по четвертому измѣренію.

ГЛАВА XI.

Законы движенія отъ центра по радіусамъ. Эффекты такого движенія въ живомъ мірѣ. Законы симметріи. Симметричное строеніе растеній и животныхъ, какъ результатъ движенія по четвертому измѣренію. Формы живыхъ организмовъ. Фигуры снѣжинокъ и рисунки мороза на стеклѣ, какъ чертежи четвертаго измѣренія. Ростъ кристалловъ и металлическая растительность.

Хинтонъ, вообще, такъ близко стоитъ къ правильному рѣшенію вопроса о четвертомъ измѣреніи, что иногда онъ угадываетъ мѣсто «четвертаго измѣренія» въ жизни, даже не будучи въ состояніи точно опредѣлить это мѣсто. Такъ онъ говоритъ, *что симметрію строенія живыхъ организмовъ можно объяснить только движеніемъ ихъ частицъ по четвертому измѣренію.*

«Всѣмъ извѣстенъ, говоритъ Хинтонъ, способъ полученія на бумагѣ изображеній похожихъ на живыхъ насѣкомыхъ. На бумагу капаютъ чернила и складываютъ ее пополамъ. Получается очень сложная симметричная фигара, похожая на фантастическое насѣкомое. Если бы цѣлый рядъ такихъ изображеній увидѣлъ человѣкъ, совершенно незнакомый со способомъ ихъ приготовленія, то онъ, соображая чисто логически, долженъ бы былъ притти къ заключенію, что они получены путемъ складыванія бумаги, т. е. что ихъ симметрично расположенныя точки соприкасались. Точно такъ же и мы, разсматривая и изучая формы строенія живыхъ организмовъ, очень сильно напоминающія фигуры на бумагѣ, полученныя описаннымъ способомъ, можемъ заключить, что эти симметричныя формы насѣ-

комыхъ, листьевъ, птицъ и другихъ животныхъ создаются процессомъ, аналогичнымъ складыванію. И мы можемъ объяснить это симметричное строеніе живыхъ тѣлъ, если не складываніемъ пополамъ въ четвертомъ измѣреніи, то во всякомъ случаѣ расположеніемъ мельчайшихъ частицъ, изъ которыхъ строятся эти тѣла, *такимъ же образомъ, какъ при складываніи*».

Хинтонъ совершенно правъ въ этомъ случаѣ. Въ природѣ существуетъ очень любопытный феноменъ, дающій намъ совершенно правильные чертежи четвертаго измѣренія. Нужно только умѣть читать эти чертежи. Они видны въ фантастически разнообразныхъ, но всегда симметричныхъ, фигурахъ снѣжинокъ, затѣмъ въ рисункахъ цвѣтовъ, звѣздъ, папортниковъ и кружевъ, которые морозъ дѣлаетъ на стеклахъ. Капельки воды, осаждаясь изъ воздуха на холодное стекло, или уже на ледъ, немедленно начинаютъ замерзать и расширяться, оставляя въ видѣ причудливыхъ рисунковъ слѣды своего движенія по четвертому измѣренію. Рисунки мороза на стеклахъ, а также рисунки снѣжинокъ—это фигуры четвертаго измѣренія, тѣ таинственныя a^4, число линій и точекъ въ которыхъ пытается вычислить Хинтонъ. Воображаемое въ геометріи движеніе низшей фигуры для полученія высшей осуществляется здѣсь на дѣлѣ, и полученная фигура дѣйствительно является слѣдомъ отъ движенія, благодаря тому, что морозъ сохраняетъ всѣ моменты расширенія замерзающихъ капелекъ воды.

Чтобы провѣрить заключенія Хинтона, возьмемъ такой же кубъ, состоящій изъ двадцати семи меньшихъ кубовъ, какимъ пользуется Хинтонъ въ своихъ разсужденіяхъ, и будемъ мысленно представлять себѣ, что этотъ кубъ расширяется и сокращается. При расширеніи всѣ 26 кубовъ, лежащіе кругомъ одного центральнаго, будутъ отходить отъ него и при сокращеніи опять приближаться къ нему. Для удобства разсужденія и для большаго сходства нашего куба съ тѣломъ, состоящимъ изъ молекулъ, предположимъ, что кубы измѣренія не имѣютъ, что это просто точки. Иначе говоря, возьмемъ только центры двадцати семи кубовъ и мысленно соединимъ ихъ линіями, какъ съ центромъ, такъ и между собой.

Представляя себѣ расширеніе куба, состоящаго изъ двадцати семи кубовъ, мы можемъ сказать, что каждый изъ этихъ кубовъ, для того, чтобы не столкнуться съ другимъ и не помѣшать его движенію, долженъ двигаться, удаляясь отъ центра, т. е. по линіи, соединяющей его центръ съ центромъ центральнаго куба.

Это первое правило.

При расширеніи и сокращеніи молекулы движутся по линіямъ, соединяющимъ ихъ съ центромъ.

Дальше мы видимъ въ нашемъ кубѣ, что линіи, соединяющія 26 точекъ съ центромъ, не всѣ равны. Линіи, идущія къ центру отъ точекъ, лежащихъ въ углахъ большого куба, т. е. отъ центра угловыхъ кубовъ, длиннѣе линій, соединяющихъ съ центромъ точки, лежащія въ центрахъ шести квадратовъ, представляющихъ собою поверхности куба.

Если мы предположимъ, что междумолекульное пространство удваивается, то, слѣдовательно, увеличиваются въ одно время вдвое всѣ линіи, соединяющія 26 точекъ съ центромъ. Линіи эти не равны, слѣдовательно, молекулы движутся не съ равной быстротой, однѣ тише, другія скорѣе, при этомъ лежащія дальше отъ центра движутся быстрѣе, лежащія ближе къ центру—медленнѣе.

Выводимъ второе правило:

Скоростъ движенія молекулъ при расширеніи и сокращеніи тѣла пропорціональна длинѣ линій, соединяющихъ эти молекулы съ центромъ.

Наблюдая расширеніе куба, мы видимъ, что разстояніе между всѣми 27 кубами увеличилось пропорціонально существовавшему.

Если мы назовемъ *линіями a* линіи, соединяющія 26 точекъ съ центромъ, и *линіями b* линіи, соединяющія 26 точекъ между собой, то построивъ нѣсколько треугольниковъ внутри расширяющагося и сокращающагося куба, мы увидимъ, что линіи *b* увеличиваются пропорціонально увеличенію линіи *a*.

Изъ этого выводимъ третье правило:

Разстояніе между молекулами при расширеніи увеличивается пропорціонально увеличенію ихъ разстоянія отъ центра.

Т. е. слѣдовательно точки, находившіяся на равномъ разстояніи отъ центра, останутся на равномъ разстояніи отъ него, и двѣ точки, находившіяся на равномъ разстояніи отъ третьей, останутся на равномъ разстояніи отъ нея.

При этомъ, если смотрѣть на движеніе не со стороны центра, а со стороны какой-нибудь изъ точекъ, то будетъ казаться, что эта точка и есть центръ, отъ котораго идетъ расширеніе,—будетъ казаться, что всѣ другія точки отдаляются или приближаются къ ней, сохраняя прежнее отношеніе къ ней и между собой, а она сама остается неподвижной. «*Центръ вездѣ*».

На послѣднемъ правилѣ основаны законы симметріи въ строе-

ніи живыхъ организмовъ. Но живые организмы строятся не однимъ расширеніемъ. Сюда входитъ элементъ движенія по времени. При ростѣ , каждая молекула описываетъ кривую, получающуюся изъ комбинацій двухъ движеній по пространству и по времени. Ростъ идетъ по тому же направленію, по тѣмъ же линіямъ, какъ и расширеніе. Поэтому законы роста должны быть аналогичны законамъ расширенія. Законы расширенія, именно ихъ третье правило, гарантируютъ самую строгую симметрію свободно расширяющихся тѣлъ, такъ какъ, если точки, находившіяся на равномъ разстояніи отъ центра, будутъ всегда оставаться на равномъ разстояніи, то тѣло будетъ расти симметрично.

Въ фигурѣ, полученной на сложенномъ пополамъ листкѣ бумаги отъ растекшихся чернилъ, симметрія всѣхъ точекъ получилась, благодаря тому, что точки одной стороны прикасались къ точкамъ другой стороны. Каждой точкѣ на одной сторонѣ соотвѣтствовала точка на другой сторонѣ, и когда бумага была сложена, эти точки соприкасались. Изъ выведеннаго нами третьяго правила должно вытекать, что между противоположными точками тѣла четырехъ измѣреній существуетъ какое то соотношеніе, какая-то связь, которой мы до сихъ поръ не замѣчали. Каждой точкѣ какъ будто соотвѣтствуетъ одна, или нѣсколько другихъ, съ которыми она какимъ-то непонятнымъ для насъ образомъ связана. Именно, она не можетъ двигаться самостоятельно, ея движеніе связано съ движеніемъ соотвѣтствующихъ ей точекъ, занимающихъ аналогичныя ей мѣста въ расширяющемся или сокращающемся тѣлѣ. И это именно *противоположныя ей точки.* Она какъ будто соприкасается съ ними, соприкасается въ четвертомъ измѣреніи. Расширяющееся тѣло точно складывается въ различныхъ направленіяхъ, и этимъ устанавливается какая-то странная связь между его противоположными точками.

Попробуемъ разсмотрѣть, какъ идетъ расширеніе простѣйшей фигуры. Возьмемъ ее даже не въ пространствѣ, а на плоскости. Возьмемъ квадратъ. Четыре точки, лежащія по его угламъ, соединимъ съ центромъ. Затѣмъ соединимъ съ центромъ точки, лежащія по серединѣ сторонъ. И затѣмъ точки, лежащія на половинномъ разстояніи между этими. Первыя четыре точки, т. е. лежащія въ углахъ, мы назовемъ точками A, A^1, A^2, A^3, затѣмъ точки, лежащія по серединѣ сторонъ квадрата назовемъ B, B^1, B^2, B^3, и наконецъ точки лежащія между этими (ихъ будетъ 8), назовемъ C, C^1, C^2, C^3, C^4, C^5, C^6, C^7, Предположимъ теперь, что квадратъ расширяется, т. е. всѣ точки A, B и C двигаются, удаляясь отъ центра по радіусамъ.

Пока фигура расширяется свободно, движеніе точекъ будетъ итти по указаннымъ правиламъ, и фигура будетъ оставаться квадратомъ и сохранять самую строгую симметричность. Но предположимъ, что вдругъ на пути движенія точки C встало какое-нибудь препятствіе, заставившее эту точку остановиться. Тогда можетъ произойти одно изъ двухъ, или остальныя точки будутъ двигаться, какъ будто ничего не произошло, или же точки, соотвѣтствующія точкѣ C, т. е. C^1, C^2, C^3, C^4, C^5, C, C^6, C^7, тоже остановятся. Если онѣ будутъ двигаться, то симметрія фигуры нарушится. Если онѣ остановятся, то это будетъ строгое исполненіе вывода изъ правила третьяго, согласно которому точки, находившіяся на равномъ разстояніи отъ центра, должны при расширеніи оставаться попрежнему на равномъ разстояніи отъ него. И дѣйствительно, если точки C^1, C^2, C^3, C^4, C^5, C^6, C^7, повинуясь таинственной связи, существующей между ними и точкой C, остановятся, въ то время, какъ двигаются точки A и B, то изъ нашего квадрата получится правильная, вполнѣ симметричная звѣзда. Весьма возможно, что при ростѣ растеній и живыхъ организмовъ происходитъ именно это самое. Возьмемъ болѣе сложную фигуру, у которой центръ, отъ котораго идетъ расширеніе, не одинъ, а нѣсколько, и всѣ они расположены на одной линіи—точки, удаляющіяся отъ этихъ центровъ при расширеніи, расположены по обѣимъ сторонамъ центральной линіи. Тогда, при аналогичномъ расширеніи, получится не звѣзда, а нѣчто въ родѣ зубчатаго листа. Если мы возьмемъ подобную фигуру не на плоскости, а въ трехмѣрномъ пространствѣ, и предположимъ, что центры, отъ которыхъ идетъ расширеніе, лежатъ не на одной оси, а на нѣсколькихъ осяхъ, то получимъ при расширеніи фигуру, которая можетъ напоминать живое тѣло съ симметричными конечностями и пр. А если мы предположимъ движеніе «атомовъ» этой фигуры во времени, то получится «ростъ» живого тѣла.

Законы роста, т. е. движенія, начинающагося отъ центра, по радіусамъ при расширеніи и сокращеніи, устанавливаютъ нѣкоторую теорію, могущую объяснить причины симметричнаго строенія живыхъ тѣлъ.

Интересныя вещи о законахъ роста говоритъ Іогъ Рамачарака въ другой своей книгѣ:—«Жнани-іога». Его примѣры иллюстрируютъ другую идею,—о невозможности провести границу между «живой» и «мертвой» матеріей. Но въ то же время многое въ этихъ примѣрахъ служитъ иллюстраціей идеи Хинтона—о симметрическомъ движеніи частицъ, лежащимъ въ основѣ роста.

Въ мірѣ химическихъ тѣлъ и минераловъ мы находимъ много примѣровъ роста и развитія формъ, близко похожихъ на формы растительнаго міра. То, что извѣстно подъ именемъ «металлической растительности»—или «свинцоваго дерева», даетъ намъ интересный примѣръ такого явленія. Опытъ этотъ производится такъ: въ бутыль съ широкимъ горломъ наливается чистый окисленный растворъ свинца. Бутыль закупориваютъ пробкой, и къ пробкѣ прикрѣпляютъ кусокъ мѣдной проволоки, на которой подвѣшиваютъ кусочекъ цинка такъ, чтобы послѣдній по возможности опустился въ самую середину свинцоваго раствора. Лишь только бутыль закупорятъ, проволока сейчасъ же начинаетъ покрываться металлическими отложеніями свинца, похожими на мелкій мохъ. Изъ этого моха выростаютъ вѣтви и побѣги, которыя въ свою очередь покрываются растительностью, похожей на листву, наконецъ образуется миніатюрный кустикъ или деревцо. Такая «металлическая растительность» можетъ получиться и въ другихъ металлическихъ растворахъ.

Всѣ вы, должно быть, видѣли, какъ кристаллы мороза на оконныхъ стеклахъ принимаютъ форму то листьевъ, то вѣтокъ, то цвѣтовъ и т. п. Селитра, подвергнутая дѣйствію поляризованнаго свѣта, принимаетъ формы орхидеи. Природа полна такими сходствами.

Одинъ нѣмецкій ученый недавно продѣлалъ поразительный опытъ съ солями извѣстныхъ металловъ. Онъ подвергалъ соли дѣйствію гальваническаго тока, и вдругъ, къ его удивленію, частицы солей сгруппировались вокругъ отрицательнаго полюса баттареи и приняли форму, близко напоминающую миніатюрный грибъ, съ маленькимъ стволомъ и зонтичной верхушкой. Сначала эти металлическіе грибы имѣли прозрачный видъ, но постепенно въ нихъ стала развиваться окраска,—верхушка зонтика становилась ярко-красной, а нижняя сторона его получила нѣжно-розовый оттѣнокъ. Стволы оказались блѣдно-желтаго цвѣта. Это было чрезвычайно интересно; но особенная важность опыта заключалась въ открытіи, что у этихъ грибовъ были замѣчены тонкія вены или каналы, расположенные вдоль стволовъ; по нимъ передавалось питаніе и добавочные матеріалы для роста гриба, такъ что ростъ происходилъ теперь уже изнутри, совершенно, какъ у настоящихъ грибовъ. Эти неорганическія, металлическія разростанія оказывались во всѣхъ отношеніяхъ низшей формой растительной жизни.

Дальше въ той же книгѣ говорится объ одномъ ученомъ, который замѣтилъ,

что извѣстные кристаллы органическихъ соединеній формировались не симметрически, какъ это обыкновенно бываетъ у кристалловъ, а были «несимметрически подобны», т. е. располагались противоположно одинъ другому, вправо и влѣво,—подобно рукамъ, перчаткамъ, башмакамъ и т. д. Эти кристаллы никогда не бывали одиночными, а всегда парными. Развѣ вы не видите здѣсь скрытую за занавѣсью Волю?

ГЛАВА XII.

Извѣстныя намъ состоянія матеріи:—твердое, жидкое, газообразное и лучистая матерія. Неопредѣленность нашего понятія объ «эфирѣ». Матерія и движеніе. Электроны. Неопредѣленность нашего понятія о матеріи. Динамическіе агенты Гирна. Энергетическая теорія. Единство матеріи и силы.

До настоящаго времени физика признаетъ четыре состоянія матеріи:—три общеизвѣстныхъ, твердое, жидкое и газообразное, и недавно опредѣленное четвертое состояніе — «лучистая матерія». Подъ этимъ названіемъ понимается матерія въ сильно разрѣженномъ состояніи (разрѣженные газы въ Круксовыхъ трубкахъ, эманаціи радія и пр.), обладающая особыми свойствами, только ей принадлежащими и отличающими ее отъ газовъ. Изъ этихъ свойствъ характерна способность свѣтиться, давшая лучистой матеріи ея названіе.

Какъ уже было указано, извѣстныя намъ состоянія матеріи различаются нами довольно условно, такъ что мы никогда не знаемъ точно, когда одно перешло въ другое, не можемъ провести между ними точной разграничительной линіи, не можемъ сказать, когда твердое тѣло превратилось въ жидкость, когда жидкость превратилась въ газъ. Мы предполагаемъ, что различныя состоянія матеріи зависятъ отъ различной сцѣпленности молекулъ, отъ быстроты и свойствъ молекулярнаго движенія, но мы различаемъ эти состоянія только по внѣшнимъ признакамъ, очень непостояннымъ и часто перемѣшивающимся между собой.

При этомъ каждое болѣе тонкое состояніе матеріи считается болѣе *энергетическимъ*, т. е. заключающимъ въ себѣ какъ бы меньше массы и больше движенія. Если *матерію* противопоставить *времени*, то можно сказать, что въ каждомъ болѣе тонкомъ состояніи матеріи *больше времени* и меньше матеріи, чѣмъ въ болѣе грубыхъ.

Такое положеніе можно защищать.

Въ жидкости больше «времени» (т. е. движенія, способности къ самостоятельному движенію, развитію) чѣмъ въ твердомъ тѣлѣ; въ газѣ больше «времени» (т. е. стремленія къ распространенію), чѣмъ въ водѣ.

Эти тонкія состоянія матеріи должны быть болѣе *энергетичны*, чѣмъ признаваемыя физикой, въ нихъ , если такъ можно выразиться, должно быть *больше времени и меньше пространства*.

Логическая необходимость энергетическихъ состояній матеріи *въ физикѣ* доказывается очень понятными разсужденіями.

Ш. Фрейсинэ въ «Очеркахъ по философіи математики» пишетъ:

— «Что такое въ сущности субстанція? Опредѣленіе субстанціи никогда не отличалось большой ясностью и сдѣлалось еще менѣе яснымъ со времени открытій современной науки. Можно ли, напримѣръ, назвать *субстанціей* тотъ таинственный агентъ, къ которому прибѣгаютъ физики для объясненія явленій теплоты и свѣта? Это агентъ, эта среда, этотъ механизмъ—назовите его, какъ угодно—существуетъ однако, такъ какъ проявляется въ неопровержимыхъ дѣйствіяхъ. Кромѣ того, онъ лишенъ тѣхъ качествъ, безъ которыхъ трудно представить себѣ субстанцію. Онъ не имѣетъ вѣса, у него, можетъ быть, нѣтъ и массы; онъ не производитъ непосредственнаго впечатлѣнія ни на одинъ изъ нашихъ органовъ чувствъ; однимъ словомъ, у него нѣтъ ни одного признака, который указывалъ бы на то, что нѣкогда называли «матеріальнымъ». Съ другой стороны, это не духъ, по крайней мѣрѣ, никому не приходило въ голову называть его такимъ образомъ. Но неужели потому только, что его нельзя подвести подъ категорію субстанціи, слѣдуетъ отрицать его реальность?

— Можно ли также отрицать и по той же причинѣ, реальность того механизма, благодаря которому тяготѣніе передается въ глубину пространства со скоростью несравненно большей скорости свѣта, и которую Лапласъ считалъ мгновенной? Великій Ньютонъ полагалъ невозможнымъ обойтись безъ этого агента. Тотъ, кому принадлежитъ открытіе всемірнаго тяготѣнія, писалъ Бентлею: «Чтобы тяготѣніе было прирожденно, присуще и свойственно матеріи въ томъ смыслѣ, что одно тѣло могло бы дѣйствовать на другое на разстояніи, черезъ *пустое пространство*, безъ посредства чего-либо, при помощи чего и сквозь что могло бы передаваться дѣйствіе и сила отъ одного тѣла другому, мнѣ кажется такимъ абсурдомъ, что я думаю ни одинъ человѣкъ, способный философски разсуждать, не впадетъ въ него. Тяготѣніе должно производиться агентомъ, обнаруживающимъ свое непрерывное вліяніе на тѣла по извѣстнымъ законамъ; но матеріаленъ этотъ агентъ или не матеріаленъ? Этотъ вопросъ и представляется оцѣнкѣ моихъ читателей». (3-е письмо къ Бентлею отъ 25 февраля 1692 года).

— Затрудненіе отвести мѣсто этимъ агентамъ такъ велико, что нѣкоторые физики, а именно Гирнъ, мастерски развившій эту мысль въ своей книгѣ «Строеніе небеснаго пространства», считаютъ возможнымъ вообразить себѣ новый родъ агентовъ, занимающихъ, такъ сказать, средину между матеріальнымъ порядкомъ и духовнымъ, и служащихъ великимъ источникомъ силъ природы. Этотъ классъ агентовъ, названный Гирномъ *динамическимъ*, изъ представленія о

которомъ онъ исключаетъ всякую идею массы и вѣса, служитъ какъ бы для установленія отношеній, для вызыванія дѣйствій на разстояніи между различными частями матеріи».

Теорія динамическихъ агентовъ Гирна можетъ основываться на слѣдующемъ. Въ сущности мы никогда не могли опредѣлить, что такое матерія и сила. Но, въ всякомъ случаѣ, считали ихъ противоположными, т. е. могли опредѣлить матерію только, какъ нѣчто противоположное силѣ, а силу, какъ нѣчто противоположное матеріи. Но теперь старыя воззрѣнія на матерію, какъ на нѣчто *солидное* и противоположное энергіи, въ значительной степени измѣнились. Физическій атомъ, считавшійся прежде недѣлимымъ, признается теперь сложнымъ, состоящимъ изъ электроновъ. Электроны же не есть матеріальныя частицы въ обычномъ значеніи слова. Это скорѣе моменты проявленія энергіи, моменты или элементы силы. Говоря иначе, *являясь мельчайшими дѣленіями, электроны въ то же время являются мельчайшими дѣленіями силы.* Электроны могутъ быть положительными и отрицательными. Можно думать, что различіе между матеріей и силой заключается просто въ различной комбинаціи положительныхъ и отрицательныхъ электроновъ. Въ одной комбинаціи они производятъ на насъ впечатлѣніе матеріи, въ другой комбинаціи впечатлѣніе силы. Съ этой точки зрѣнія того различія между матеріей и силой, которое составляетъ пока основу нашего взгляда на природу, не существуетъ. *Матерія и сила одно и то же*, вѣрнѣе различныя проявленія одного и того же. Во всякомъ случаѣ существенной разницы между матеріей и силой нѣтъ, и *одно должно переходить въ другое.* Съ этой точки зрѣнія матерія только сгущенная энергія. И разъ такъ, то уже естественно, что степень сгущенности можетъ быть различной. Эта теорія объясняетъ, какимъ образомъ Гирнъ могъ представить себѣ полуматеріальные полуэнергетическіе агенты. Тонкія, разрѣженныя состоянія матеріи дѣйствительно должны занимать среднее мѣсто между матеріей и силой.

Энергетическая теорія, т. е. признаніе единства матеріи и силы, является основаніемъ современнаго взгляда на природу, и должна заставить насъ перестроить всю физику, измѣнить наши основные взгляды на все окружающее насъ.

Въ своей книгѣ «Неизвѣстныя силы природы» К. Фламмаріонъ пишетъ:

«Матерія вовсе не есть то, чѣмъ она представляется нашимъ чувствамъ, осязанію или зрѣнію... Она представляетъ одно цѣлое съ энергіей и является проявленіемъ движенія невидимыхъ и невѣсо-

мыхъ элементовъ. Вселенная имѣетъ динамическій характеръ». Фламмаріонъ приводитъ объясненіе, которое Гильомъ-Де-Фонтенэ даетъ динамической теоріи. По его словамъ матерія совсѣмъ не есть инертное вещество, какимъ ее себѣ представляютъ.—«Возьмемъ колесо съ экипажа, положимъ его горизонтально на ось. Колесо неподвижно. Предоставимъ каучуковому мячу падать между его спицами, мячъ почти всегда будетъ проходить между спицами. Теперь придадимъ колесу легкое движеніе. Мячъ довольно часто будетъ задѣвать за спицу и отскакивать. Если мы ускоримъ вращеніе, мячъ совсѣмъ не будетъ проходить черезъ колесо, которое сдѣлается для него какъ бы непроницаемымъ дискомъ. Можно продѣлать аналогичный опытъ, поставивъ колесо вертикально и проталкивая черезъ него прутъ. Колесо велосипеда хорошо выполнитъ эту роль, такъ какъ его спицы тонки. Когда колесо неподвижно, палка будетъ проходить черезъ него девять разъ изъ десяти. При движеніи оно будетъ отталкивать палку все чаще и чаще. Съ увеличеніемъ скорости движенія оно сдѣлается непроницаемымъ, и всѣ попытки проткнуть его разобьются, какъ о стальную броню».

Но всѣ разсужденія объ энергетизмѣ матеріи и вытекающія изъ нихъ заключенія о возможности матеріи болѣе энергетической, чѣмъ наша, относятся только къ физикѣ. Никакого перехода къ психологіи и даже къ біологіи отъ нихъ нѣтъ. Съ точки зрѣнія физики и химіи безъ особенныхъ натяжекъ можно признать существованіе настолько разрѣженныхъ состояній матеріи, что они подчинены уже совсѣмъ другимъ законамъ, чѣмъ наша матерія, но тѣмъ не менѣе движеніе матеріи, какое бы то ни было тонкое—все-таки движеніе, и жизнь—жизнь, и мысль—мысль.

Необходимо сказать еще нѣсколько словъ о теоріи электроновъ.

Въ концѣ концовъ теорія электроновъ въ такомъ видѣ, какъ она излагается современными позитивистами, тоже ничего не объясняетъ. Для обыкновеннаго мышленія (а другого никакого у насъ для «позитивныхъ» вопросовъ нѣтъ) матерія не можетъ существовать безъ движенія, а движеніе безъ матеріи.

Вѣдь *что-нибудь* должно двигаться. Физики мудрено говорятъ, что электроны *одни вихри*, изъ вихрей получается нѣчто. Но «вихрь» это опять *только слово*. Представить себѣ или даже просто *мыслить* движеніе безъ матеріи, изъ котораго вслѣдствіе его направленія въ разныя стороны (положительные и отрицательные элек-

троны) получается и матерія и движеніе,—невозможно. Это просто софизмъ и больше ничего.

Для нашего воспріятія и для нашей мысли матерія безъ движенія и движеніе безъ матеріи существовать не могутъ.

Совершенно невозможно отрицать одно, оставляя другое. Если физика говоритъ намъ о нереальности матеріи, то это самое означаетъ одновременно и нереальность движенія.

Если дуалистическое мышленіе насъ больше не удовлетворяетъ и кажется намъ грубымъ и наивнымъ, то мы не можемъ сказать, что замѣнили дуализмъ монизмомъ, если изъ *двухъ противоположностей* удержали одну, откинувъ другую. Это было бы черезчуръ просто.

Для того, чтобы только начать искать правильное рѣшеніе вопроса и *путь* къ истинному монизму, нужно признать, что положительный и отрицательный электронъ, это только *принципы*, *начала*— не «частицы» и не «вихри».

Тогда чисто метафизическимъ путемъ куда-то можно будетъ итти и искать то *третье*, что объединитъ въ себѣ двѣ стороны нашего дуалистическаго представленія о мірѣ—матерію и движеніе, которыя— совершенно одинаково нереальны.

Это третье—*мысль*.

Мысль создаетъ и матерію и силу.

И матерія и сила—комбинація представленій, комбинація ощущеній, комбинація эмоцій.

ГЛАВА XIII.

Различныя гипотезы четвертаго измѣренія. Четвертое измѣреніе и оккультизмъ. Символы и аллегоріи въ литературѣ оккультистовъ. Символическое и аллегорическое изображеніе законовъ и силъ природы. Основная идея оккультистовъ въ ихъ взглядѣ на природу. Магія. Психическое воздѣйствіе на физическія тѣла. Превращеніе металловъ. Алхимія. Астральная сфера. Четвертое измѣреніе, какъ символическое изображеніе астральной сферы. Гипнотизмъ. Радій. Наука и оккультизмъ.

Мы видѣли, что геометрическимъ путемъ доказать существованіе *четвертаго измѣренія* и выяснить его свойства, а главное *опредѣлить его положеніе по отношенію къ нашему міру* невозможно. Геометрія не имѣетъ средствъ изучать высшія измѣренія.

Но если мы возьмемъ механику или кинематику, то намъ дѣлается необходимымъ четвертое измѣреніе, потому что въ трехъ измѣреніяхъ, строго говоря, никакого движенія, никакого развитія силы быть

не можетъ. Для движенія, для проявленія силы нужно нѣчто, кромѣ трехмѣрнаго пространства—*нужно время*. И необходимо поставить вопросъ—не лежитъ ли четвертое измѣреніе во времени.

Установивъ теоретически возможность существованія условій, отвѣчающихъ какъ будто новому пространству, мы должны установить *положеніе* этихъ условій по отношенію *къ нашему* пространству.

Гипотеза о возможности существованія *тонкихъ состояній матеріи*, проникающихъ всю нашу матерію, слишкомъ легкихъ и разрѣженныхъ, чтобы производить какіе-либо эффекты на наши органы чувствъ или физическіе приборы и аппараты, черезъ которые эти тонкія волны проходятъ, не задѣвая ихъ и не отражаясь въ нихъ,—не нужная сама по себѣ—совершенно не разрѣшаетъ вопроса о четвертомъ измѣреніи, такъ какъ эти тонкіе виды матеріи должны находиться не *рядомъ съ нами по неизвѣстному направленію*, а внутри насъ, внутри нашихъ предметовъ, внутри нашей атмосферы, внутри нашего пространства, т. е. въ трехмѣрномъ пространствѣ. Рисуя себѣ тонкія состоянія матеріи, мы не можемъ опредѣлить положеніе пространства *внѣ нашего пространства*, не можемъ опредѣлить направленія линіи, идущей отъ любой точки нашего пространства въ неизвѣстномъ направленіи, не можемъ построить четвертаго перпендикуляра, т. е. линіи, перпендикулярной къ тремъ перпендикулярамъ нашего пространства и непараллельной ни одному изъ нихъ.

Гипотезой тонкихъ состояній матеріи вопросъ о четвертомъ измѣреніи совершенно не разрѣшается. Но, какъ было указано, въ этой «гипотезѣ» или «теоріи»—есть стороны, сближающія ее съ правильнымъ пониманіемъ четвертаго измѣренія. Именно—«тонкія состоянія матеріи» болѣе *энергетичны*, въ нихъ больше движенія, чѣмъ массы, больше времени, чѣмъ матеріи. А это какъ бы намекаетъ на одно изъ свойствъ реальнаго четвертаго измѣренія—т. е. на то, что въ немъ условія времени должны быть иными сравнительно съ нашими.

Утвержденіе, что время есть четвертое измѣреніе пространства, если это брать абсолютно, тоже не достаточно. На основаніи всего, что мы знаемъ, можно сказать, что въ пространствѣ четырехъ измѣреній условія времени, причинности, послѣдовательности, раздѣленности и соединенности предметовъ должны быть иными. То, что намъ кажется раздѣленнымъ, часто должно быть *однимъ*, то, что намъ кажется однимъ, должно на дѣлѣ быть *многими* и т. д.

Время—только примѣръ четвертаго измѣренія. Намъ легче всего представить себѣ въ видѣ четвертаго перпендикуляра линію времени,

Эта линія перпендикулярна всѣмъ тремъ перпендикулярамъ нашего трехмѣрнаго пространства и не параллельна ни одному изъ нихъ.

И поэтому, если мы скажемъ, что пространство четвертаго измѣренія лежитъ рядомъ съ нашимъ пространствомъ по линіи времени, т. е. въ прошломъ отъ нашего момента и въ будущемъ отъ него, то это будетъ наименьшей ошибкой.

Но, разбирая вопросъ о четвертомъ измѣреніи, мы затронули вопросы «жизни» и «мысли»—и не должны отходить отъ нихъ, не придавъ имъ правильныхъ формулировокъ въ связи съ предыдущимъ.

Затѣмъ идея четвертаго измѣренія не можетъ считаться вполнѣ выясненной, до тѣхъ поръ, пока мы не разобрали ея различныхъ значеній въ спеціальной литературѣ «оккультизма»*). Въ литературѣ оккуль-

*) «Оккультизмъ»—понятіе не особенно ясное для русскаго читателя. Съ этимъ словомъ соединяется множество совершенно невѣрныхъ представленій. Прежде всего кругомъ «оккультизма» накопилось очень много шарлатанства,—всевозможныхъ «хиромантій» и т. п.—а съ другой стороны ненужной мистики, по отношенію къ вещамъ совсѣмъ не мистическимъ, суевѣрія, предвзятой таинственности и очень часто какого то ханжества или святошества. И многіе искренно убѣждены, что во всемъ оккультизмѣ нѣтъ ничего, кромѣ этого шарлатанства. сознательнаго или безсознательнаго. Чаще всего оккультизмъ отрицается весь или объясняется, какъ цѣлая система обмана и самообмана. Но этотъ взглядъ въ сущности такъ же наивенъ и ошибоченъ, какъ принятіе на вѣру всего, что называетъ себя словомъ «оккультизмъ». При этомъ взглядѣ упускается изъ виду самая важная часть *настоящаго* оккультизма—его философское, метафизическое содержаніе. Оккультизмъ *несомнѣнно существуетъ*, какъ религіозно-философская система. Вопросъ можетъ быть только о томъ, заключаетъ-ли въ себѣ это ученіе, кромѣ метафизическихъ теорій, реальныя знанія, переводимыя въ нашу сферу и сводящіяся къ увеличенію силъ и способностей человѣка въ этой жизни, какъ это утверждаютъ «оккультисты».

Существуетъ много различныхъ теченій оккультизма. Нѣкоторыя изъ этихъ теченій или школъ приписываютъ себѣ исключительное знаніе законовъ, тайнъ и силъ природы. Но утверждаютъ, что должны держать свои знанія въ тайнѣ. Провѣрить то, что держится въ тайнѣ, конечно, невозможно. Но, что доступно намъ, и что можетъ являться въ нашихъ глазахъ мѣриломъ сравнительной цѣнности различныхъ школъ оккультизма—это философское содержаніе ихъ ученій, ширина и глубина ихъ метафизической концепціи. Въ этомъ случаѣ ошибки или недоразумѣнія быть не можетъ. Философское содержаніе поддѣлать нельзя,—и во всякомъ случаѣ фальсификацію легко отличить. Поэтому разсмотрѣніе различныхъ школъ оккультизма съ этой точки зрѣнія сразу ставитъ на должное мѣсто всѣ псевдо-магіи. Хотя въ то же время необходимо помнить, что оккультизмъ не исчерпывается своимъ философскимъ содержаніемъ. Кромѣ *теорій* въ немъ должны быть *факты*, которыхъ не даетъ собственно философія, довольствующаяся однимъ разсужденіямъ о *возможностяхъ*.

тистовъ часто встрѣчается это выраженіе, и для многихъ «четвертое измѣреніе» неразрывно связано со всѣмъ таинственнымъ и чудеснымъ.— «Въ четвертомъ измѣреніи» лежатъ какія-то тайны природы. Все, непонятное и невозможное для насъ, понятно и возможно «въ четвертомъ измѣреніи». Въ виду такого близкаго отношенія четвертаго измѣренія ко всему таинственному, мы должны постараться разсмотрѣть ближе, въ какомъ смыслѣ оккультисты употребляютъ «четвертое измѣреніе», и выяснить, не подходитъ ли ихъ пониманіе этого выраженія къ тому значенію, которое мы нашли.

Для всякаго человѣка, хотя бы очень поверхностно знакомаго съ литературой оккультистовъ—ясно, какую большую роль въ ней играетъ идея возможности *иныхъ условій существованія*.

Въ сущности весь оккультизмъ въ самомъ точномъ опредѣленіи заключается въ признаніи возможности *проникновенія въ эти иныя условія существованія*, мыслью, чувствомъ или дѣломъ—проникновенія, какъ случайнаго, такъ и совершенно сознательнаго. Методы этого проникновенія (реальные или фантастическіе) и составляютъ *тайное знаніе* или оккультизмъ,—реальный или фантастическій.

Но для того, чтобы пользоваться методами проникновенія *куда то*, нужно болѣе или менѣе представлять себѣ то *мѣсто* или *тѣ условія*, куда нужно стремиться.

Поэтому оккультизмъ, какъ методъ, всегда связанъ съ теоріями *иного міра*. Эти теоріи очень сильно различаются между собою, часто даже противорѣчатъ одна другой. Но изученіе ихъ интересно, такъ какъ онѣ представляютъ собой попытки человѣческаго ума выйти изъ тѣхъ условій, въ которыя онъ поставленъ, разбить оковы матеріи, подняться надъ временемъ.

А. П. Синнетъ, авторъ книги «Оккультный міръ» (The Occult World) пишетъ:

— «Существуетъ до нашего времени философская школа, которую давно потеряла изъ виду современная культура. Нѣкоторые намеки на ея существованіе можно найти у древнихъ философовъ, но эти отдѣльныя неясныя указанія такъ же трудно связать вмѣстѣ и понять, какъ трудно разобраться въ обломкахъ античной скульптуры, и даже труднѣе, такъ какъ мы никакъ не можемъ представить себѣ, что значатъ нѣкоторые намеки, которые дѣлаютъ Платонъ, Пиѳагоръ и др.».

— «Оккультизмъ не есть отдѣльное открытіе,—это цѣлая система знанія, сводящая въ одно цѣлое самыя противоположныя доктрины и ученія. Для философіи наукъ и религій, оккультизмъ то же самое, что санскритъ для сравнительной филологіи. Это общій складъ корней іудаизма, христіанства, буддизма, египетской теологіи, древне-греческихъ миѳовъ и пр.».

Если мы возьмемъ взглядъ оккультистовъ различныхъ школъ на природу, то мы увидимъ, что онъ основанъ на признаніи возможности изучать иныя условія существованія, чѣмъ наши физическія, и пользоваться знаніями этихъ иныхъ условій существованія для вліянія на наши физическія. Оккультныя теоріи по большей части основываются на признаніи одной основной субстанціи, познаніе которой даетъ *ключъ* къ постиженію тайнъ природы. Но самое понятіе субстанціи условно. Иногда ее понимаютъ, какъ *принципъ*, какъ *условіе существованія*, а иногда, какъ *вещество*. Въ первомъ случаѣ основная субстанція, это—основныя условія существованія; во второмъ случаѣ—основная матерія. Первое понятіе, конечно, гораздо тоньше и является результатомъ болѣе выработанной философской мысли. Второе гораздо грубѣе и чаще всего является признакомъ упадка мысли, признакомъ невѣжественнаго обращенія съ глубокими и тонкими идеями.

Философы-алхимики эту основную субстанцію назвали Spiritus Mundi—духъ міра. Но алхимики, искатели золота, уже считали возможнымъ заключить въ колбу Spiritus Mundi и продѣлывать надъ нимъ химическія манипуляціи.

Это необходимо помнить для того, чтобы понимать «астральныя гипотезы» современныхъ оккультистовъ.—St. Martin и Элифасъ Леви понимали «астральный свѣтъ», какъ *принципъ*, какъ *начало*, какъ условія существованія, иныя, чѣмъ обычныя физическія. Ихъ идеи можно понимать такъ:—если я буду смотрѣть на вещи иначе, брать ихъ въ другихъ категоріяхъ (т. е. внѣ условій пространства, времени, причинности, отдѣльности и соединенности), то я буду видѣть ихъ въ «астральномъ свѣтѣ».

И, если я буду знать міръ «въ астральномъ свѣтѣ», то это дастъ мнѣ огромныя преимущества передъ людьми, не обладающими этими знаніями. Я буду зрячій въ сравненіи со слѣпыми и буду въ состояніи понимать и знать безконечно больше другихъ, буду имѣть возможность вліять на свою жизнь и на жизнь близкихъ и, вообще, на событія, настолько же больше другихъ людей, насколько зрячій можетъ вліять больше слѣпого и т. д., и т. д.

Но у современныхъ оккультистовъ и спиритовъ «астральный свѣтъ» это уже—*астральная матерія*, которую можно *видѣть* и даже фотографировать.

Выраженіе «астральная матерія» правильно нужно понимать, не какъ матерію, а какъ матерію,иначе воспринимаемую. Вся матерія всегда находится въ астральномъ состояніи, но мы воспри-

нимаемъ ее въ физическомъ состояніи. Матерія въ астральномъ состояніи или астральная матерія по теоріямъ оккультистовъ подчинена дѣйствію *психической* энергіи, т. е. силѣ мысли, силѣ чувства и силѣ воли, такъ же, какъ матерія въ физическомъ состояніи или физическая матерія подчинена дѣйствію физической энергіи, или силѣ движенія.

Это значитъ, что воля человѣка, его мысли, чувства и настроенія дѣйствуютъ на «астральную матерію» или на «астральныя тѣла», какъ физическая энергія дѣйствуетъ на физическія тѣла.

Дальше, понимая «астральную матерію» матеріалистически, какъ вещество, или метафизически, какъ состояніе, оккультизмъ признаетъ возможнымъ переходъ физической матеріи, составляющей видимыя нами тѣла и предметы, въ астральное состояніе,—*дематеріализацію*,—т. е. въ физическомъ смыслѣ абсолютное исчезновеніе неизвѣстно куда, безъ слѣда и остатка. А затѣмъ обратный переходъ астральнаго вещества въ физическое состояніе и въ физическую матерію,—*матеріализацію*, т. е. появленіе вещей, предметовъ и даже живыхъ тѣлъ, неизвѣстно откуда.

Затѣмъ оккультизмъ признаетъ возможнымъ, что матерія, перейдя въ астральное состояніе, можетъ вернуться обратно въ физическое состояніе *въ другомъ видѣ*, т. е. въ видѣ другой матеріи. Такъ одинъ металлъ, перейдя въ «астральное состояніе», можетъ «вернуться обратно» въ видѣ другого металла. Свинецъ можетъ превратиться въ золото, желѣзо—въ серебро.

Такое переведеніе матеріи изъ физическаго состоянія въ астральное и обратно, и превращеніе одного тѣла въ другое признается возможнымъ совершать *путемъ психическаго воздѣйствія*.

Дальше оккультизмъ признаетъ возможнымъ въ астральной сферѣ или въ астральномъ свѣтѣ видѣть прошлое и будущее и даже вліять на явленія, которыя еще не совершились, направлять ихъ по своему усмотрѣнію. А болѣе тонкія ученія признаютъ возможнымъ вліять *и на прошедшее*.

Все это вмѣстѣ взятое составляетъ содержаніе того, что называется *магіей*.

Магія—практика того, теорію чего составляетъ оккультизмъ. Или, говоря точнѣе, магія—практика, вытекающая изъ теорій оккультизма и основанная на нихъ.

Магія, въ обычномъ пониманіи этого слова, означаетъ способность совершать то, что не можетъ быть сдѣлано при помощи обыкновенныхъ физическихъ средствъ,—способность вліять психически на

разстояніи на людей и на предметы, заставлять ихъ исчезать изъ нашего міра, измѣнять свой видъ и природу, переноситься непостижимымъ образомъ на разстоянія, проникать сквозь стѣны.

Оккультисты объясняютъ всѣ такія дѣйствія знакомствомъ маговъ со свойствами «астральной сферы» и умѣніемъ ихъ дѣйствовать психически на астральное вещество, а черезъ него и на физическое. Такъ, алхимія объясняется временнымъ переведеніемъ какого-нибудь тѣла, чаще всего металла, въ астральное состояніе, гдѣ матерія подчинена дѣйствію воли (или духовъ) и подъ вліяніемъ этой воли можетъ совершенно измѣниться и явиться обратно въ физическомъ мірѣ, *въ видѣ другого металла*,—желѣзо такимъ образомъ можетъ превратиться въ золото и т. д. Нѣкоторые виды «волшебства» можно объяснить сообщеніемъ неодушевленнымъ предметамъ особыхъ свойствъ, что достигается психическимъ воздѣйствіемъ на ихъ астральное вещество, особаго рода психической магнетизаціей ихъ, при помощи которой маги могли сообщать вещамъ любыя свойства, дѣлать ихъ исполнителями своей воли, заставлять приносить добро или зло другимъ людямъ, предупреждать о грозящихъ несчастіяхъ, давать силу или отнимать силу и проч.

Къ числу такихъ магическихъ дѣйствій относится, напримѣръ, «освященіе воды», ставшее теперь простымъ обрядомъ въ христіанскомъ и въ буддійскомъ богослуженіяхъ, но первоначально заключавшееся именно въ стремленіи психически насытить воду какими то стремленіями, съ цѣлью сообщенія ей желаемыхъ свойствъ, лѣчебныхъ или другихъ *).

Астральная сфера оккультистовъ по отношенію къ нашему физическому міру играетъ роль пространства высшаго измѣренія.

Если мы возьмемъ опять плоское существо Фехнера или Хинтона, то мы увидимъ, что по отношенію къ нему мы, т. е. существа высшаго измѣренія, можемъ совершать все то, что по отношенію къ намъ, какъ они утверждаютъ, могутъ совершать маги. Т. е. мы можемъ совершать дѣйствія, которыя плоскому существу покажутся *магическими*, и только потому, что мы дѣйствуемъ въ трехъ измѣреніяхъ, тогда какъ ему доступны только два.

Что мы можемъ сдѣлать?

Мы можемъ взять любое изъ этихъ существъ или любой изъ предметовъ его міра и поднять его, снять съ плоскости, представляющей собой вселенную плоскаго существа.—Для всѣхъ плоскихъ

*) C. W. Leadbeater,—«Some Glimpses of Occultism».

существъ, которыя это увидятъ, это будетъ абсолютное исчезновеніе, неизвѣстно куда, того существа или предмета, который мы взяли. Мы можемъ поставить на плоскость новый предметъ, тогда плоскимъ существамъ покажется, что въ ихъ мірѣ появился новый предметъ, неизвѣстно откуда. Они скажутъ, что онъ *матеріализовался изъ ничего*. Мы можемъ взять и перевернуть какой-нибудь изъ предметовъ, лежащихъ на плоскости. Тогда, соприкасаясь съ плоскостью другой своей стороной, онъ можетъ показаться плоскому существу совершенно измѣнившимся, *другимъ*, превратившимся въ другое тѣло. Мы можемъ видѣть событія, которыя *еще* не совершились, потому что *сверху* мы можемъ видѣть направленіе движенія плоскихъ существъ, и, видя это направленіе, можемъ, вѣроятно, измѣнять событія.

Все это для плоскаго существа было бы чистой магіей.

Теперь, если бы существовало пространство четвертаго измѣренія, то существа, живущія въ этомъ пространствѣ, или люди, проникшіе въ эту область, могли бы, какъ это уже указывалось раньше, совершать по отношенію къ намъ все то, что мы могли бы совершать по отношенію къ существамъ двухъ измѣреній. Они могли бы *предсказывать* наши событія, вліять на нихъ, управлять нашей жизнью.

Если все это, или нѣчто подобное этому, можно совершать, пользуясь свойствами астральной сферы, то, очевидно, астральная сфера, по отношенію къ нашему физическому міру, аналогична области четвертаго измѣренія.

И различныя пониманія «астральной сферы», «астральнаго міра» или «астральнаго состоянія» строятся совершенно такъ-же, какъ различныя пониманія «четвертаго измѣренія». Точно такъ же иногда «астральную сферу» понимаютъ, какъ *иныя условія существованія*, т. е. какъ тотъ же самый міръ, но взятый съ иной точки зрѣнія, въ иномъ аспектѣ, въ иныхъ дѣленіяхъ; а иногда приходятъ къ совершенно матеріалистическому представленію «астральнаго міра», отдѣльнаго отъ физическаго. Тогда рисуютъ себѣ, что физическій міръ и астральный міръ существуютъ каждый самъ по себѣ, какъ бы продолжая другъ друга, и могли бы существовать одинъ безъ другого. Эта форма наивнаго спиритизма или спиритуализма представляетъ собой въ дѣйствительности чистый матеріализмъ. Потому что матеріализмъ выражается не въ одномъ только отрицаніи возможности иныхъ условій существованія, кромѣ видимыхъ и измѣримыхъ, а также въ признаніи *того міра* или *иного міра*, подоб-

нымъ нашему или являющимся продолженіемъ нашего или отдѣльнымъ отъ нашего.

Въ дѣйствительности міръ, конечно, *одинъ*, но мы видимъ изъ него очень мало.

Въ этихъ наивныхъ «спиритическихъ» астральныхъ теоріяхъ астральный міръ рисуютъ состоящимъ изъ *тонкой матеріи*, проникающей всю физическую матерію, какъ жидкость проникаетъ твердое тѣло. Эта «астральная матерія» занимаетъ то же самое мѣсто, какъ и физическая, и астральныя тѣла не задѣваютъ физическихъ и не мѣшаютъ имъ, благодаря различной плоскости.

Извѣстная теософическая писательница Анни Безантъ въ своей книгѣ «Древняя мудрость» даетъ очень картинное описаніе «астральной сферы, которое можетъ многое объяснить, если только не принимать всего, что она говоритъ черезъ-чуръ буквально.

— «Астральная сфера есть область вселенной, наиболѣе близкая къ физической сферѣ,—пишетъ Анни Безантъ.—Жизнь здѣсь болѣе активна, чѣмъ въ физическомъ мірѣ, и формы болѣе пластичны.

— Выраженіе «наиболѣе близкая» не совсѣмъ подходитъ. Здѣсь идетъ рѣчь о концентрическихъ, взаимно проникающихъ сферахъ, отдѣленныхъ одна отъ другой не разстояніемъ, а разницей состава. Какъ воздухъ пропитываетъ воду, какъ эфиръ проникаетъ самыя твердыя тѣла, такъ же астральная матерія пропитываетъ всю физическую. Астральный міръ окружаетъ насъ со всѣхъ сторонъ, проникаетъ наше тѣло, мы живемъ и движемся въ немъ, но онъ неосязаемъ, невидимъ, неслышимъ, неощутимъ для насъ, потому что физическія частицы нашего тѣла слишкомъ грубы, чтобы движеніе астральной матеріи могло заставить вибрировать ихъ.

— Для человѣка, который можетъ видѣть ее, астральная матерія представляется прозрачной, блестящей и сверкающей, какъ звѣзды. Отсюда терминъ—*астральный*—что значитъ звѣздный. Этотъ терминъ часто вводитъ въ заблужденіе, и нужно помнить, что астральная матерія не имѣетъ ничего общаго со звѣздами, кромѣ названія. Внѣшній видъ астральнаго міра похожъ на физическій, такъ какъ значительная часть астральныхъ предметовъ и тѣлъ представляетъ изъ себя двойники, т. е. *астральныя тѣла* физическихъ предметовъ. Они имѣютъ тѣ же самыя очертанія, но прозрачны и, благодаря свойствамъ астральнаго зрѣнія, видны сразу со всѣхъ сторонъ и изнутри. Астральныя тѣла, *не связанныя* съ физическими предметами, необыкновенно измѣнчивы. Поэтому астральную сферу называютъ «сферой иллюзій». Астральное тѣло мѣняетъ свой видъ съ поражаю-

щей быстротой, потому что астральная матерія принимаетъ новыя формы подъ малѣйшимъ вліяніемъ мысли. Каждое новое движеніе мысли всегда выражается въ новой формѣ. Астральная атмосфера обладаетъ необыкновенной живостью и воспріимчивостью и отличается способностью отвѣчать на всѣ вибраціи мысли и принимать самыя разнообразныя формы подъ ея импульсомъ.

Слѣдующая за астральной сфера, матерія которой получилась отъ дѣленія астральнаго атома, называется въ «новой психологіи» *ментальной*. Эта сфера раздѣляется на область конкретныхъ понятій и на область отвлеченныхъ идей (*Рупа* и *арупа*). Затѣмъ идетъ *буддійская* сфера, уже недоступная человѣку, даже въ самыхъ высокихъ полетахъ его мысли и чувства, затѣмъ сфера *нирваны*, и затѣмъ еще двѣ сферы, не имѣющія названія, и о которыхъ ничего не извѣстно, кромѣ того, что тамъ должны находиться *основныя начала* жизни вселенной.

Человѣкъ живетъ въ трехъ сферахъ:—физической жизнью—въ физической сферѣ, чувственной и низшей психической, *личной* жизнью въ астральной сферѣ, которая называется еще «сферой желаній», и *сверхличной* жизнью, т. е. жизнью духа, высшихъ эмоцій и интеллекта—въ ментальной сферѣ.

Въ составъ человѣческаго тѣла входятъ всѣ виды астральной и ментальной матеріи, или, по терминологіи «новой психологіи», человѣкъ, кромѣ физическаго, имѣетъ еще астральное и ментальное тѣла, способныя на самостоятельное существованіе отдѣльно отъ физическаго тѣла, и остающіяся жить послѣ его смерти.

— Всякій предметъ, всякое растеніе, всякое животное имѣетъ астральное тѣло Но астральныя тѣла минераловъ не организованы. Въ растительномъ мірѣ астральныя тѣла уже немного болѣе организованы и начинаютъ проявлять свою характерную особенность, *способность ощущать*.

— Тусклыя и расплывчатыя ощущенія благосостоянія и недовольства замѣчаются у всѣхъ растеній. Они смутно наслаждаются воздухомъ, дождемъ, солнечнымъ сіяніемъ и ощупью тянутся къ нимъ, инстинктивно отдаляясь отъ вредныхъ условій, при чемъ каждое знаетъ, что ему нужно. Одни ищутъ свѣта, другія темноты. Они отвѣчаютъ на внѣшнія раздраженія и приспособляются ко внѣшнимъ условіямъ, при чемъ у нѣкоторыхъ развиваются уже ясно выраженное чувство осязанія. Въ животномъ царствѣ астральное тѣло болѣе развито и въ высшихъ представителяхъ этого царства достигаетъ уже настолько опредѣленной организаціи, что существуетъ

нѣкоторое время послѣ смерти физическаго тѣла и ведетъ въ это время независимое существованіе въ астральной сферѣ.

Во снѣ сознаніе покидаетъ у людей физическое тѣло и сосредоточивается въ астральномъ и въ ментальномъ тѣлѣ.

Чѣмъ выше, чѣмъ чище психическая жизнь человѣка, тѣмъ тоньше матерія астральнаго и ментальнаго тѣла.

При каждой мысли, при каждомъ чувствѣ, матерія астральнаго (или ментальнаго) тѣла приходитъ въ колебаніе и выбрасываетъ часть себя самой въ свою атмосферу, одновременно съ этимъ втягивая въ себя нѣкоторое количество матеріи своей сферы грубой или тонкой, соотвѣтственно характеру мысли и чувства, вызвавшаго колебаніе.

Такимъ образомъ человѣкъ своими мыслями и чувствами «питаетъ» и «строитъ» психическое тѣло такъ же, какъ пищей и питьемъ питаетъ и строитъ физическое тѣло.

Человѣкъ, живущій среди чисто личныхъ, эгоистическихъ, трусливыхъ, грубыхъ и грязныхъ мыслей и настроеній, строитъ себѣ грубое астральное тѣло, теряющее способность отвѣчать на тонкія колебанія, соотвѣтствующія высшимъ эмоціямъ. Съ другой стороны человѣкъ, въ жизни котораго большую роль играютъ сверхличные интересы, отвлеченные, альтруистическіе, человѣкъ, живущій въ мірѣ высшихъ эмоцій и идей, строитъ себѣ астральное тѣло, не способное отвѣчать на грубыя колебанія.

Въ физической сферѣ дѣйствуетъ законъ, по которому притягиваются противоположныя начала и отталкиваются подобныя: такъ сѣверный полюсъ магнита притягиваетъ южный и отталкиваетъ сѣверный. Въ астральной сферѣ дѣйствуетъ обратный законъ:—подобное притягивается подобнымъ и противоположное отталкивается противоположнымъ. Поэтому всякое астральное тѣло притягиваетъ къ себѣ соотвѣтствующіе элементы и отталкиваетъ враждебные. Это показываетъ, что разъ принятая тенденція въ астральной сферѣ дѣлается очень сильной, и нѣкоторыя понятія, какъ—душевная близость, симпатія, вліяніе обстановки и др., принимаютъ совершенно реальныя, объективныя формы въ астральной сферѣ.

Эманація *астральной* матеріи, выброшенная астральнымъ тѣломъ человѣка, есть *мысль*, *вылетѣвшая изъ головы*.

Эта эманація можетъ быть притянута астральнымъ тѣломъ другого человѣка и передать его сознанію то, что думалъ или чувствовалъ первый.

Обладая особой способностью *астральнаго зрѣнія*, человѣкъ можетъ видѣть эти мысленныя и чувственныя эманаціи, видѣть ихъ цвѣтъ и форму, потому что онѣ имѣютъ различные формы и цвѣта, соотвѣтствующіе характеру вызвавшаго ихъ мысленнаго или чувственнаго импульса,—и понимать ихъ значеніе.

«Астральная атмосфера видима, она находится въ постоянномъ волнообразномъ движеніи и переливается всѣми цвѣтами, какъ перламутръ, отвѣчая всѣмъ вибраціямъ, производимымъ мыслями, чувствами и желаніями, приходя въ волненіе отъ нихъ и образуя фигуры различныхъ цвѣтовъ и рисунковъ. Продолжительность существованія этихъ фигуръ зависитъ отъ силы импульса, давшаго имъ жизнь; ясность очертаній зависитъ отъ точности мысли, и цвѣтъ зависитъ отъ эмоціональнаго характера мысли, отъ «чувственнаго тона».

— Ясныя, точныя мысли имѣютъ каждая свою собственную опредѣленную форму съ рѣзкими очертаніями и безконечно разнообразными рисунками. Эти фигуры образуются вибраціями мысли точно такъ же, какъ тѣ фигуры въ физической сферѣ, которыя образуются звуковыми вибраціями. «Звуковыя фигуры» представляютъ полную аналогію съ «мысленными фигурами», такъ какъ природа при всемъ своемъ безконечномъ разнообразіи очень консервативна въ принципахъ и пользуется одними и тѣми же методами во всѣхъ подвластныхъ ей сферахъ.

Эти «мысленныя фигуры» почти живыя существа, одушевленныя однимъ послявшимъ ихъ чувствомъ или импульсомъ, существа, стремящіяся принести вредъ или сдѣлать добро тому, къ кому они притягиваются, на сознаніе кого они могутъ повліять. Ихъ называютъ *искусственными духами* (artificial elementals).

Другой писатель, теософъ Лэдбитеръ, сравниваетъ «мысленныя фигуры» съ «летающими лейденскими банками», въ которыя вложенъ зарядъ импульсомъ воли. Онѣ могутъ быть сознательно или безсознательно направляемы посылающимъ ихъ лицомъ къ другому, и ихъ энергія зависитъ отъ интенсивности душевной жизни пославшаго ихъ, отъ большей или меньшей концентраціи его воли на данной мысли или данномъ чувствѣ.

Въ «новой психологіи», какъ называютъ свои теоріи теософы, говорится о голубыхъ, красныхъ, черныхъ, фіолетовыхъ, золотистыхъ, зеленыхъ, сѣрыхъ и другихъ *мыслях*ъ, летающихъ кругомъ насъ или висящихъ на насъ, притягиваемыхъ или отталкиваемыхъ нашими астральными тѣлами. Эти *мыслеформы* (thought forms) имѣютъ

самый разнообразный видъ. Интенсивно думая о другомъ человѣкѣ, представляя себѣ его лицо и фигуру, создавая мысленно его образъ, человѣкъ дѣйствительно создаетъ его образъ совершенно объективно въ астральной сферѣ, и иногда, напримѣръ, вкладывая всю свою душу въ желаніе увидѣть того человѣка или просто случайно сконцентрировавъ на немъ въ данный моментъ всѣ свои мысли, онъ можетъ *увидѣть* этотъ астральный образъ. Точно такъ же при извѣстныхъ условіяхъ этотъ образъ могутъ увидѣть другіе. Это объясненіе многихъ призраковъ. Мысли, не связанныя съ опредѣленнымъ образомъ представленія, принимаютъ разнообразныя, часто фантастическія формы—облаковъ, геометрическихъ фигуръ, спиралей, зигзаговъ, снѣжинокъ, перьевъ, цвѣтовъ, звѣздъ, крыльевъ, змѣй, стрѣлъ, крючковъ и пр., и пр.

Въ книгѣ «Thought Forms» («Мыслеформы») Лэдбитера и Анни Безантъ говорится о грязно-красныхъ крючкахъ зависти, оставленныхъ прохожими и висящихъ на окнахъ ювелировъ, на красивыхъ женщинахъ, на дорогихъ платьяхъ, на экипажахъ, на лошадяхъ, говорится объ огненно-красныхъ стрѣлахъ гнѣва, о студенисто-сѣромъ *движущемся* страхѣ, объ оранжевомъ любопытствѣ, о зеленыхъ кружевахъ симпатіи, о розовыхъ облакахъ любви, о голубыхъ гирляндахъ молитвъ и пр. и пр.

Говорится объ огромной *общей мысли*, создаваемой толпой въ моментъ паники или возбужденія. Эта гигантская общая мысль, чудовище страха или ненависти, неотразимо дѣйствуетъ на сознаніе каждаго отдѣльнаго человѣка, входящаго въ составъ толпы, и цѣликомъ подчиняетъ себѣ его сознаніе, такъ какъ сознаніе одного человѣка не въ силахъ бороться противъ мысли, создаваемой толпой.

Тамъ говорится о страшныхъ черныхъ тучахъ злобы, ненависти, и желанія мести, поднимающихся надъ полями сраженій, надъ тюрьмами, надъ каторжными рудниками—о тучахъ обиды и отчаянія, летящихъ изъ сырыхъ подваловъ и трущобъ каждаго большого города—и кошмаромъ входящихъ въ сознаніе людей.

Д-ръ Котикъ, не зная «астральныхъ теорій» теософовъ и спиритовъ, пришелъ къ тому же самому. И это совершенно естественно, потому что онъ шелъ тѣмъ же самымъ путемъ *отъ матеріальнаго, какъ реально существующаго*, и ни къ чему другому притти не могъ.

Но всѣ эти разсужденія объ огненно-красномъ гнѣвѣ и студенисто-сѣромъ страхѣ, о «мысляхъ», висящихъ надъ толпой и т. п. могутъ только служить иллюстраціей и указаніемъ на явленія со-

вершенно реальныя, но находящіяся внѣ предѣловъ нашего обычнаго ощущенія и наблюденія.

Ту же самую роль играютъ «теософическія» ученія о *перевоплощеніи* и *кармѣ*. Они очень полезны, если, начавъ съ нихъ, человѣкъ продолжаетъ думать дальше, и очень вредны, если, повѣривъ въ нихъ, какъ въ истину, человѣкъ перестаетъ думать.

«Оккультисты» любятъ говорить объ астральномъ мірѣ, какъ о мірѣ четырехъ измѣреній. Но нужно помнить, что міръ четырехъ измѣреній очень сильно отличается отъ міра трехъ измѣреній (*больше*, чѣмъ міръ трехъ измѣреній отличается отъ плоскости, точно такъ же, какъ міръ трехъ измѣреній *больше* отличается отъ плоскости, чѣмъ плоскость отъ линіи). И міръ четырехъ измѣреній не можетъ заключаться *внутри* міра трехъ измѣреній, или *проникать* его собой, или отличаться отъ него только тонкостью своей матеріи. Это абсурдъ. Нельзя сказать, что плоскость заключается внутри линіи, или что кубъ заключается внутри квадрата. И нельзя сказать, что кубъ отличается отъ квадрата тѣмъ, что состоитъ изъ болѣе тонкой матеріи, чѣмъ квадратъ, квадратъ состоитъ изъ болѣе тонкой матеріи, чѣмъ линія, а линія—изъ болѣе тонкой матеріи, чѣмъ точка. Всякому ясно, что линія *больше точки*; плоскость (самая маленькая) больше (самой большой) линіи; трехмѣрное тѣло больше плоскости. И фигуры высшихъ измѣреній не только *больше* низшихъ, а главное *несоизмѣримы* съ ними. Точно такъ же и фигура четырехъ измѣреній *больше* трехмѣрнаго тѣла, несоизмѣрима съ нимъ. И *міръ* четырехъ измѣреній *больше* міра трехъ измѣреній, какъ многогранникъ больше одной своей плоскости. Міръ трехъ измѣреній, это только одна изъ плоскостей безконечнаго многогранника,—міра четырехъ измѣреній.

У насъ нѣтъ словъ для того, чтобы выразить безконечное богатство міра четырехъ измѣреній въ сравненіи съ міромъ трехъ измѣреній. Между этими «мірами» прежде всего огромная *психическая* разница, вѣроятно, приблизительно такая же, какъ между человѣкомъ и его тѣнью. Міръ трехъ измѣреній, это—*тѣнь* міра четырехъ измѣреній.

Магія, которую мы взяли какъ примѣръ того, что можетъ совершаться въ «области четвертаго измѣренія», не означаетъ непремѣнно чего-либо *невозможнаго*.

Наука за послѣднее время начинаетъ проникать въ нѣкоторыя области, бывшія раньше принадлежностью однихъ маговъ.

Такимъ чисто магическимъ знаніемъ является гипнотизмъ, *внушеніе*. Явленія эти изслѣдованы еще очень мало, о природѣ

ихъ мы въ сущности ничего не знаемъ. Но они выходятъ изъ круга физическихъ явленій и въ то же время несомнѣнно реальны. При этомъ они вполнѣ подходятъ подъ то опредѣленіе магіи, которое мы сдѣлали. Они представляютъ собой возможность или способность *дѣйствовать психически* иногда на разстояніи, во всякомъ случаѣ не обычными физическими способами. И еще совсѣмъ недавно все, называемое теперь гипнотизмомъ и внушеніемъ, цѣликомъ относилось къ магіи, къ волшебству.

Затѣмъ радій со всѣми его фантастическими свойствами гораздо ближе къ средневѣковой алхиміи, чѣмъ къ современной спокойной и уравновѣшенной химіи, не признающей «чудесъ».

Радій испускаетъ лучи трехъ родовъ: свѣтовые, тепловые и химическіе, производящіе опредѣленные, очень сложные эффекты, и затѣмъ особыя эманаціи, нѣчто въ родѣ тонкихъ испареній, невидимыхъ и невѣсомыхъ, которыя, осаждаясь на близъ-лежащіе предметы, или, пропитывая ихъ, сообщаютъ имъ всѣ свойства радія, дѣлаютъ ихъ *радіоактивными*, т. е. способными свѣтиться въ темнотѣ и производить опредѣленныя химическія дѣйствія на другія тѣла, сходныя съ дѣйствіями самого радія. Таково дѣйствіе радія на воду. Извѣстно, что вода минеральныхъ источниковъ, вѣроятно, глубоко подъ землей приходящая въ соприкосновеніе съ залежами радія, радіоактивна, т. е. насыщена эманаціей радія. Этимъ многіе врачи объясняютъ цѣлебныя свойства минеральныхъ водъ.

При этомъ, обнаруживая такую интенсивную энергію, производя тепло, свѣтъ, химическіе эффекты, сообщая другимъ тѣламъ свои свойства, передавая имъ часть своей энергіи, какъ бы заражая ихъ своей энергіей, радій, повидимому, не теряетъ ни капли своего вещества ни путемъ лучеиспусканія, ни путемъ выдѣленія эманацій, или, если теряетъ, то такъ мало, что мы нашими самыми чувствительными и точными аппаратами и приборами не можемъ учесть этой потери.

Радій буквально горитъ, и не сгораетъ.

Затѣмъ, что всего поразительнѣе, радій не есть что-либо устойчивое, постоянное. Онъ можетъ переходить въ другія вещества. Существуетъ теорія, согласно которой радій не есть особое вещество, а только извѣстное состояніе нѣкоторыхъ веществъ.

При помощи спектральнаго анализа было установлено, что радій можетъ превращаться совсѣмъ въ другое вещество—въ гелій.

Но и гелій не является окончательнымъ продуктомъ превращенія радія.

Итальянскій физикъ А. Риги въ книгѣ «Современная теорія физическихъ явленій» пишетъ:

«Что касается окончательнаго, устойчиваго продукта, которымъ заканчивается смѣна поколѣній радія, то есть основаніе предполагать, что имъ служитъ *свинецъ*; если же въ послѣднемъ откроются нѣкоторыя признаки радіоактивности, то надо будетъ заключить, что цѣпь атомныхъ превращеній радія заканчивается по всей вѣроятности *серебромъ*».

Все это говоритъ теперь наука.

Но если бы лѣтъ двадцать тому назадъ, до открытія Кюри, мы прочитали описаніе радія и его свойствъ въ какомъ-нибудь средневѣковомъ сочиненіи по алхиміи, описаніе, полное символовъ и аллегорій, то мы, конечно, не придали бы ему никакой цѣны, никакого серьезнаго значенія, поставивъ его на ряду съ различными исканіями философскаго камня и т. п.

Очень интересно, какимъ образомъ средневѣковый оккультистъ-алхимикъ изобразилъ бы символически свойства радія. Весьма вѣроятно, что говоря объ эманаціяхъ радія, онъ отнесъ бы ихъ къ астральной сферѣ, объяснилъ бы ихъ переходомъ радія въ астральное состояніе. Онъ могъ бы сказать, что, переходя въ астральное состояніе, радій начинаетъ передавать свои свойства другимъ тѣламъ, даже воздуху и водѣ, и можетъ самъ превратиться въ свинецъ и въ серебро. Необыкновенно интенсивную энергичность радія онъ могъ бы объяснить тѣмъ, что радій *ближе* къ астральному состоянію, чѣмъ всѣ остальныя наши тѣла.

Все это звучало бы для насъ совершенно фантастично.

Но нельзя не признать, что обозначеніе свойствъ радія при помощи «астральнаго символизма» было бы очень удачно, такъ какъ радій, особенно его эманаціи, такъ же сильно отличается отъ другихъ физическихъ тѣлъ, какъ если бы онъ былъ изъ другой матеріи.

Теперь, когда радій найденъ наукой, у насъ нѣтъ никакихъ основаній отрицать возможность существованія такого тѣла и его свойствъ, какъ мы, разумѣется, сдѣлали бы, если бы прочитали описаніе радія въ сочиненіи какого-нибудь алхимика.

Не имѣя основаній отрицать радій, мы въ тоже время не имѣемъ никакихъ основаній думать, что открытіе гипнотизма и радія представляетъ собой конечный пунктъ развитія нашего научнаго знанія. Несомнѣнно наука пойдетъ дальше, и весьма вѣроятно, что, разъ вступивъ на этотъ путь, она постепенно познакомится съ тайнами магіи, отбросивъ изъ нихъ все фантастическое и невозможное,

создавшееся изъ преувеличеній и разсказовъ о видѣнныхъ «чудесахъ»—и докажетъ, и подтвердитъ возможное.

Но, говоря объ оккультизмѣ, нельзя не коснуться псевдо-оккультизма, потому что почти все, что извѣстно намъ подъ названіемъ оккультизма, есть въ сущности псевдо-оккультизмъ.

Псевдо-оккультизмъ имѣетъ много видовъ и оттѣнковъ. Въ настоящемъ случаѣ я буду говорить только объ одномъ видѣ псевдо-оккультизма.

«Оккультное» изученіе есть изученіе иныхъ условій существованія, т. е. изученіе міра въ иныхъ категоріяхъ. Но мы не должны забывать, что мы далеко не все знаемъ и въ тѣхъ категоріяхъ, въ которыхъ мы познаемъ міръ обычно. Міръ съ самой обыкновенной позитивной точки зрѣнія еще представляетъ для насъ очень много неизвѣстнаго, загадочнаго и непонятнаго. Но *это* неизвѣстное не есть «оккультное». Необходимо умѣть отличать просто неизвѣстное, то, до чего еще не дошло позитивное изученіе, отъ «оккультнаго», т. е. отъ того, до чего никогда не дойдетъ позитивное изученіе и дойти не можетъ, такъ же, какъ планиметрія не можетъ дойти до рѣшенія задачъ стереометріи. Это нужно очень твердо держать въ памяти. Оккультное — это не просто неизвѣстное. Это нѣчто, лежащее въ другихъ измѣреніяхъ. Это то, что *всегда* останется неизвѣстнымъ для низшихъ методовъ познанія. Нѣчто, для чего нужны другіе, новые, высшіе методы.

Тотъ видъ псевдо-оккультизма, о которомъ я хочу сказать, заключается въ признаніи *оккультнаго* доступнымъ для *позитивнаго* изученія, т. е. доступнымъ для обычныхъ методовъ, но *еще* не извѣстнымъ. Это очень распространенный видъ псевдо-оккультизма. Многіе думаютъ, что знанія, ставшія теперь общимъ достояніемъ, были раньше *оккультными*. Но это—полное непониманіе идеи оккультизма. Неизвѣстное не значитъ оккультное. Оккультныя знанія всегда останутся оккультными. Позитивныя знанія, если они принадлежатъ немногимъ и скрываются отъ остальныхъ, не дѣлаются отъ этого оккультными.

Если бы средневѣковые алхимики знали о радіи и его свойствахъ и скрывали свои знанія, то эти знанія не были бы оккультными. Но, несомнѣнно, въ радіи есть нѣчто, сближающее его съ оккультнымъ. *Только это нѣчто—неизвѣстно и никогда не станетъ извѣстно обычнымъ позитивнымъ методамъ.* То же самое можно сказать о гипнотизмѣ. Въ гипнотизмѣ западная наука открыла только то, что доступно позитивному изученію. Но это далеко не все. Чтобы

узнать *больше*, нужно итти другими, не позитивными путями. Индійскіе факиры знаютъ о гипнотизмѣ больше западныхъ ученыхъ. Для западной науки въ гипнотизмѣ и внушеніи есть опредѣленный предѣлъ. Востокъ идетъ дальше этого предѣла. Правда, восточныя знанія еще очень мало изучены. Наука относится къ нимъ скептически. Серьезныхъ изслѣдованій, предпринимаемыхъ въ этой области, очень мало. А между тѣмъ вопросъ необыкновенно интересенъ. Если бы удалось точно установить, что индійскіе факиры или восточные «фокусники» гипнотизируютъ зрителей пріемами, неизвѣстными наукѣ, то это должно было бы вызвать большой *сдвигъ* для научной мысли съ теплаго и насиженнаго мѣста.

Наука признаетъ, что человѣка можно привести въ такое состояніе, въ которомъ онъ лучше поддается внушеніямъ. Это приведеніе въ состояніе наибольшей внушаемости называется *гипнотизированіемъ*, а состояніе наибольшей внушаемости называется *гипнотическимъ*. Но человѣка нельзя загипнотизировать безъ его вѣдома и согласія, и нельзя загипнотизировать невидными для него пріемами. Точнѣе говоря, нельзя загипнотизировать однимъ психическимъ воздѣйствіемъ безъ помощи *словъ* и *дѣйствій*. Затѣмъ съ помощью гипноза или безъ помощи гипноза человѣку можно *внушить* извѣстную мысль и заставить видѣть и слышать то, чего нѣтъ въ дѣйствительности, или сдѣлать то, чего онъ безъ внушенія не сдѣлалъ бы, можно вліять на его тѣло помимо его сознанія, успокаивать нервы, уничтожать нервныя разстройства или вообще болѣзненныя явленія на нервной почвѣ, можно создавать полезныя привычки и уничтожать вредныя, но все это при помощи *словеснаго* внушенія.

Восточные гипнотизеры дѣлаютъ совсѣмъ другое. Имъ совсѣмъ не нужно «гипнотизировать» человѣка западными способами. Они могутъ заставить цѣлую толпу видѣть и слышать то, чего въ дѣйствительности нѣтъ. Ихъ пріемовъ гипнотизированія не видно. И ихъ пріемы *внушенія* гораздо тоньше. Имъ совсѣмъ не нужно говорить человѣку: *увидь то-то*! или *не видь того-то!* Они передаютъ внушенія *мысленно*, на самомъ дѣлѣ *внушая* человѣку извѣстные образы или мысли.

«Фокусъ манго» очень характеренъ въ этомъ случаѣ. Факиръ беретъ зерно и держитъ его въ рукѣ. Естественно, зрители ожидаютъ, что изъ зерна что-нибудь вырастетъ, и факиръ мысленно внушаетъ имъ, что изъ зерна вырастаетъ цвѣтокъ, который они и видятъ.

Такого же характера другіе фокусы факировъ. Упомянутый авторъ, Іогъ Рамачарака, въ добавленіе къ приведенному выше описанію «фокусаманго», приводитъ въ своей книгѣ описаніе другихъ чудесъ.

Вотъ наиболѣе характерные:—

Помощники факира освобождаютъ изъ банокъ или ящиковъ нѣсколько кобръ. Змѣи начинаютъ извиваться въ тактъ музыки, и вотъ публика замѣчаетъ, какъ они постепенно вздуваются, вытягиваются, увеличиваются все больше и больше въ размѣрахъ. И, наконецъ, сравнявшись по величинѣ съ боа-констрикторами, извиваются передъ глазами испуганныхъ зрителей. Далѣе, по мановенію руки факира, музыка слегка измѣняется, змѣи начинаютъ уменьшаться и, наконецъ, совершенно исчезаютъ.

Другой «фокусъ» заключается въ слѣдующемъ. Факиръ поднимается и, взявъ изъ рукъ своего помощника длинную, тонкую веревку, подбрасываетъ конецъ ея, завязанный узломъ, высоко въ воздухъ. Веревка въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ вьется въ воздухѣ, благодаря ловкимъ движеніямъ руки, и, наконецъ, узелъ совершенно пропадаетъ изъ виду. Тогда факиръ бросаетъ веревку, но она не падаетъ на землю, нижній конецъ ея болтается на нѣсколько футовъ отъ земли, какъ будто гдѣ-то высоко надъ землей эта веревка повѣшена за какой-нибудь невидимый крючекъ или балку. Тогда факиръ проситъ одного изъ своихъ маленькихъ помощниковъ подняться вверхъ по веревкѣ. Мальчикъ поднимается все выше и выше и, наконецъ, тоже исчезаетъ. Далѣе факиръ хлопаетъ въ ладоши, и все (и мальчикъ, и веревка) пропадаетъ. Черезъ нѣсколько минутъ исчезнувшій мальчикъ возвращается въ толпу, запыхавшись, какъ будто онъ пробѣжалъ очень длинное разстояніе. Иногда этотъ фокусъ разнообразится и заканчивается тѣмъ, что мальчикъ появляется высоко въ воздухѣ, какъ едва замѣтная точка и затѣмъ постепенно спускается внизъ по веревкѣ.

Слѣдующій излюбленный фокусъ факировъ, это «вертящійся мальчикъ». Факиръ беретъ одного изъ своихъ молодыхъ помощниковъ и вертитъ его, какъ кубарь. Движеніе все ускоряется, и мальчикъ вертится самъ безъ помощи факира. Дальше мальчикъ поднимается вверхъ и исчезаетъ въ воздухѣ. Фокусъ заканчивается тѣмъ, что или мальчикъ, какъ будто издалека, прибѣгаетъ въ толпу или же появляется въ воздухѣ, съ высоты, какъ живой вертящійся кубарь. Онъ становится все лучше и лучше видѣнъ зрителямъ; движенія его замедляются, и, наконецъ, онъ совсѣмъ останавливается и садится, поджавъ ноги, около своего учителя, какъ будто ничего особеннаго не случилось.

Превращеніе веревки въ змѣю такъ-же одинъ изъ интересныхъ фокусовъ факировъ. Факиръ беретъ небольшіе куски веревки или отрѣзаетъ ихъ ножомъ отъ длинной толстой веревки и завязываетъ по узлу на каждомъ кускѣ. Далѣе начинается пѣніе; факиръ движетъ руками подъ музыку цимбалъ и барабана. Вскорѣ куски веревки начинаютъ дрожать, и зрители замѣчаютъ, какъ они постепенно превращаются въ кобръ. Завязанный узломъ конецъ превращается въ голову съ расширенной шеей ядовитой кобры, и, наконецъ, змѣи съ грознымъ шипѣніемъ ползутъ къ отступающей въ испугѣ толпѣ. По слову факира змѣи возвращаются назадъ и къ облегченію зрителей превращаются въ то, чѣмъ они были,—т. е. въ куски веревки съ завязанными на концахъ узлами. Дальше факиръ встаетъ и, наклоняясь назадъ, поднимаетъ свои ноги отъ земли и плаваетъ въ воздухѣ такъ-же свободно, какъ хорошій пловецъ въ водѣ. Часто онъ кружится надъ головами зрителей и затѣмъ возвращается на свое мѣсто. Иногда

этотъ фокусъ видоизмѣняется,—факиръ, схвативъ изъ толпы ребенка, заставляетъ его плавать въ воздухѣ или исчезать изъ виду такимъ же образомъ, какъ это говорилось раньше. Существуетъ множество варіацій этого фокуса. Иногда факиръ беретъ лежащіе по близости предметы и, бросая ихъ вверхъ, заставляетъ ихъ свободно плавать въ воздухѣ, поднимаясь и опускаясь по его приказанію.

Хорошо извѣстный фокусъ съ кокосовымъ орѣхомъ такъ-же часто можно видѣть въ исполненіи странствующихъ факировъ. Этотъ фокусъ исполняется слѣдующимъ образомъ: факиръ передаетъ публикѣ пустую скорлупу кокосоваго орѣха для осмотра. Затѣмъ зрители видятъ, какъ изъ скорлупы льются потоки воды; факиръ выливаетъ ее въ ведро, потомъ въ какой-нибудь другой сосудъ и такъ далѣе, пока не получается нѣсколько ведеръ воды. Тогда то-же самое происходитъ въ обратномъ порядкѣ, и факиръ постепенно выливаетъ сосудъ за сосудомъ обратно въ скорлупу, гдѣ она безслѣдно исчезаетъ. Въ заключеніе пустая и совершенно сухая скорлупа снова передается публикѣ.

Фокусы этого рода разнообразятся въ зависимости отъ искусства и изобрѣтательности факира. Но обыкновенно эти люди не отличаются особой предпріимчивостью, и, вообще, для индуса извѣстнаго типа характерно повторять заученное имъ точно, до мелочей, не стремясь къ улучшенію. Большинство факировъ съ юныхъ лѣтъ поступаютъ въ помощники къ своимъ факирамъ-родителямъ или учителямъ и послѣ долгихъ лѣтъ обученія повторяютъ безъ измѣненій тѣ фокусы, которымъ ихъ научили. Но изрѣдка встрѣчаются болѣе предпріимчивые факиры, стремящіеся къ извѣстности. Они, не удовлетворяясь механическимъ повтореніемъ заученнаго, показываютъ новые фокусы или вносятъ измѣненіе въ старые. И когда подобное желаніе овладѣваетъ факиромъ, нѣтъ предѣла разнообразію показываемыхъ имъ «чудесъ». Но по существу они остаются все тѣми-же.

Одна изъ варіацій показываемыхъ факиромъ «чудесъ» заключается въ «выявленіи» въ воздухѣ образовъ мужчинъ, женщинъ, дѣтей и животныхъ. Явленіе похожее на то, что на Западѣ въ спиритическихъ сеансахъ называется «матеріализаціей».

Почти не существуетъ границъ иллюзій, которыя онъ можетъ вызвать, для человѣка, имѣющаго способность производить или вѣрнѣе наводить иллюзорное ментальное состояніе на толпу, что лежитъ въ основѣ всѣхъ манифестацій этого рода.

Предпріимчивый западный магикъ,—имѣй онъ способность производить подобную иллюзію,—поразилъ-бы міръ сенсаціонными проявленіями своей необыкновенной силы. Но индійскій факиръ, повидимому, не желаетъ «новизны». Это было-бы противъ традицій его класса и расы, и онъ предпочитаетъ двигаться по старымъ дорожкамъ, протореннымъ многими поколѣніями учителей и учениковъ. Его искусство уже существуетъ вѣка, и каждый факиръ идетъ по прямой линіи отъ сотенъ предшествовавшихъ ему. Отъ нихъ онъ узналъ методы, которыми достигается сила, и отъ нихъ получилъ «сноровку» производить ментальную иллюзію.

Факиръ даетъ представленіе для публики; это его ремесло, и его задача организовать дѣло такъ, чтобы производить наибольшее впечатлѣніе.

У него нѣтъ ни научныхъ стремленій, ни высокаго духовнаго идеала. Онъ просто узналъ нѣкоторые методы, которыми онъ можетъ дѣйствовать на психику толпы, собирающейся около него во время его представленій. И вотъ онъ свою удивительную способность производить мысленные образы и заставлять зрителей вѣрить въ ихъ реальность употребляетъ на то, чтобы забавлять толпу.

Но тотъ же Рамачарака говоритъ, что бываютъ и другіе случаи, которые нельзя объяснить гипнозомъ и внушеніемъ, когда факиры въ полчаса или часъ *дѣйствительно выращиваютъ* небольшое растеніе или заставляютъ появиться на глазахъ у зрителей маленькую рыбку изъ икринки, или выливаютъ изъ маленькой чашечки нѣсколько ведеръ настоящей реальной воды.

Многіе европейцы, жившіе или путешествовавшіе на Востокѣ, видѣли эти «фокусы», видѣли еще болѣе странныя вещи, но, къ сожалѣнію, серьезныхъ опытовъ и наблюденій надъ факирами совсѣмъ нѣтъ. И «чудеса факировъ» считаются просто курьезомъ Востока.

Было много попытокъ изученія ихъ, но всѣ онѣ по тому или по другому кончались неудачей, обыкновенно уклоняясь отъ главной цѣли и уходя въ сторону отъ нея по той или другой линіи меньшаго сопротивленія.

Очень интересной попыткой изслѣдованія *тайнъ Востока* было «Теософическое Общество», основанное въ 1875 году нашей соотечественницей Е. П. Блаватской и американцемъ, полковникомъ Олькоттомъ. Но, къ сожалѣнію, Теософическое Общество тоже уходитъ отъ своей первоначальной цѣли и переходитъ къ задачамъ, можетъ быть, и болѣе высокимъ, но не имѣющимъ ничего общаго съ расширеніемъ горизонтовъ *знанія*.

ГЛАВА XIV.

Теософическое Общество. Генри Олькоттъ и Е. П. Блаватская. Изученіе «новыхъ фактовъ». Трудности и опасности этого изученія. Идеи теософіи. Искусство. Что даетъ искусство? Искусство, какъ способъ познанія высшаго пространства. Поэзія и проза. Міръ трехъ примѣреній, какъ проза. Стремленіе въ искусствѣ къ четвертому измѣренію. «Футуризмъ» и «кубизмъ». Ложный путь. «Футуризмъ» и «псевдо-оккультизмъ».

Исторія Теософическаго Общества очень любопытна и характерна. Въ 1875 году, жившій въ Нью-Іоркѣ, полковникъ Генри Олькоттъ заинтересовался появившимися въ газетахъ сообщеніями о медіумическихъ явленіяхъ на одной фермѣ недалеко отъ Нью-Іорка, гдѣ являлись «матеріализованные духи», и поѣхалъ туда изучать эти

явленія. На ферму братьевъ Эдди, гдѣ происходили эти явленія, пріѣзжало много любопытныхъ и интересующихся «спиритизмомъ». Олькоттъ встрѣтился и познакомился тамъ съ Блаватской, уже давно изучавшей оккультизмъ въ различныхъ странахъ земного шара. Олькоттъ разсказываетъ въ своемъ дневникѣ, *), что съ появленіемъ Е. П. Блаватской на фермѣ начались такія явленія, которыхъ пугались сами «медіумы», братья Эдди. Изъ за занавѣски, откуда зрителямъ являлись «духи», показывались странныя и непонятныя фигуры—русской бабы, кавказскаго горца и т. п. Блаватская въ разговорѣ съ Олькоттомъ не отрицала своего участія въ «вызываніи духовъ». Но, *какъ* она это дѣлала, не разсказывала. Наша соотечественница глубоко заинтересовала Олькотта. Знакомство ихъ перешло въ тѣсную дружбу, и они вмѣстѣ начали работать надъ изученіемъ всего оккультнаго, хотя Блаватская никогда не разсказывала своихъ тайнъ и секретовъ Олькотту. А въ ея прошломъ и въ ея знаніяхъ было много такого, что она скрывала.

Е. П. Блаватская была необыкновенная личность, описать которую во всей ея полнотѣ и изгибахъ могъ бы только большой художникъ. Чтобы познакомиться до нѣкоторой степени съ личностью Блаватской, необходимо знать книги, написанныя о ней Олькоттомъ и Синнетомъ. Ее не понимаютъ ни друзья, ни враги. Враги старались представить ее какой-то обманщицей, вродѣ вульгарной гадалки, а друзья стремятся сдѣлать изъ нея теософическую святую. И тѣ, и другіе безконечно далеки отъ истины—ни обмана, ни святости, въ обыкновенномъ пониманіи этого слова, въ Блаватской не было, но въ ней были черты истинной геніальности. Геній отличается тѣмъ, что онъ дѣлаетъ художественное произведеніе изъ своей собственной жизни. И жизнь Блаватской, ея книги, ея путешествія, ея идеи, ея «чудеса», создавшіеся ею самой и вокругъ нея, миѳы и легенды это все было однимъ сплошнымъ фантастическимъ художественнымъ произведеніемъ, гдѣ совершенно терялись границы между фантазіей и дѣйствительностью, гдѣ дѣйствительность кажется вымысломъ и фантазія реальностью.

«Разоблаченія», нѣсколько разъ появлявшіяся на счетъ Блаватской, похожи на разоблаченія воробьевъ, которые прилетѣли клевать виноградъ, написанный Апеллесомъ, и потомъ могли кричать, что ихъ обманули, что виноградъ нельзя ѣсть, что это шарлатанство и т. п. Книжка Всеволода Соловьева «Современная жрица Изиды»,

*) Old Diary Leaves. By H. S. Olcott v. I.

по которой многіе знаютъ о Блаватской, полна мелкой, не совсѣмъ понятной для читателя злобы, и вся состоитъ изъ сыщническаго описанія подсматриваній, подглядываній, выспрашиваній у прислуги и вообще, мелочей, мелочей и мелочей, которыя провѣрить читатель не можетъ. А *главное*, т. е. книги Блаватской, ея жизнь и ея идеи, точно совсѣмъ не существуютъ для автора, зрѣніе котораго устроено какъ будто такъ, что онъ ищетъ и находитъ только все мелкое и ничтожное. Дѣйствительная вина Блаватской заключалась въ томъ, что она была личностью черезъ-чуръ большого калибра для такихъ людей, какъ Всеволодъ Соловьевъ, и въ то же время совершенно не видѣла, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, возлагала на нихъ надежды, посвящала ихъ въ свои планы. Но внимательный читатель прочитаетъ въ книжкѣ Вс. Соловьева совсѣмъ не то, что хотѣлъ сказать авторъ. Между прочимъ очень интересно, что все время, обвиняя Е. П. Блаватскую въ фокусахъ и шарлатанствѣ, Вс. Соловьевъ разсказываетъ два случая *несомнѣннаго ясновидѣнія*, бывшаго лично съ нимъ, очевидно, подъ вліяніемъ Блаватской.

То же самое, что было съ нимъ, было со многими другими. Люди, приближавшіеся къ Блаватской, входили въ сферу чуда и фантастики. Около Блаватской люди слышали и видѣли то, чего не видѣли и не слышали безъ нея. Надъ многимъ изъ этого она сама смѣялась и говорила, что это шутка. Но, какъ создавались эти «шутки», она не объясняла и давала понять, что кромѣ шутокъ она знаетъ много «настоящаго», о чемъ она должна молчать.

Эта сторона ея личности очень сильно повліяла на Олькотта. Вскорѣ послѣ знакомства Блаватской и Олькотта у нихъ возникла идея образовать общество для изученія оккультизма.

Разъ они были въ Нью-Іоркѣ на лекціи нѣкоего Фельта, изучавшаго египетскую магію и египетское искусство и открывшаго, какъ онъ утверждалъ, *геометрическій канонъ* египтянъ въ ихъ архитектурѣ.

Пользуясь своимъ толкованіемъ египетскихъ іероглифовъ, и особенно идей, заключенныхъ въ геометрическія отношенія зданій и памятниковъ, Фельтъ произвелъ цѣлую серію оккультныхъ опытовъ, давшихъ, по его словамъ, замѣчательные результаты.

Во время этой лекціи у Олькотта явилась мысль, что изслѣдованія подобнаго рода появляются время отъ времени, но, не имѣя связи одно съ другимъ, пропадаютъ безслѣдно, и каждому изслѣвателю приходится начинать съ начала. Онъ подумалъ, что хорошо было бы учредить общество для объединенія такихъ изслѣдованій,

написалъ это на бумажкѣ и передалъ Блаватской. Она кивнула ему головой. Такъ было основано «Теософическое общество».

Цѣлью общества при учрежденіи его было поставлено:

— «*Изслѣдованіе необъясненныхъ силъ природы и скрытыхъ силъ человѣка*»,—и

— «*Содѣйствіе сравнительному изученію религіи, философіи и науки*».

Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда центръ общества былъ перенесенъ въ Индію, къ программѣ былъ прибавленъ третій пунктъ, поставленный первымъ—именно, что Теософическое Общество «*образуетъ ядро всемірнаго братства человѣчества безъ различія расъ, вѣры, пола, касты и цвѣта кожи*».

Группируясь кругомъ теософическихъ центровъ, въ Мадрасѣ, въ Лондонѣ и въ другихъ мѣстахъ, образовались кружки лицъ, посвятившихъ себя изученію религіозныхъ и философскихъ ученій древнихъ и новыхъ—и психологіи. Издавались журналы, сначала на англійскомъ, потомъ на другихъ языкахъ и постепенно создалась обширная литература, основаніе которой было положено книгами Е. П. Блаватской: «Изида безъ покрывала» (Isis Unveiled) и «Тайное ученіе» (The Secrete Doctrine),

При этомъ руководители теософическаго движенія утверждали и утверждаютъ, что центръ Теософическаго Общества поддерживалъ и поддерживаетъ сношенія съ таинственнымъ оккультнымъ братствомъ, нѣкоторые члены котораго являются идейными руководителями теософическаго движенія.

Въ настоящее время теософическіе кружки существуютъ уже почти во всѣхъ странахъ, и на разныхъ языкахъ издается болѣе 50 журналовъ, посвященныхъ теософіи.

Въ Россіи теософія и вся теософическая литература считались запрещенными до 1905 года.

Въ концѣ 1907 года и въ теченіе 1908 и 1909 на русскомъ языкѣ начали появляться сборники и спеціальные журналы, посвященные теософіи.

Затѣмъ въ 1908 году было учреждено Теософическое Общество въ Россіи, и петербургскій отдѣлъ этого о-ва издаетъ съ января 1908 года ежемѣсячный журналъ «Вѣстникъ Теософіи».

До этого времени у насъ о теософіи знали очень мало,—вѣрнѣе сказать, не знали ничего. Въ сущности очень мало знаютъ и сейчасъ.

Какъ это ни странно, но самое существованіе этого безусловно крайне интереснаго движенія, распространяющагося во всѣхъ стра-

нахъ земного шара и существованіе обширной литературы систематически замалчивалось и замалчивается у насъ.

Изученіе «оккультизма», т. е. неизвѣстныхъ силъ природы и скрытыхъ силъ человѣка было въ сущности главной цѣлью Теософическаго Общества.

Но, къ сожалѣнію, эта цѣль была забыта чуть ли не раньше, чѣмъ начало функціонировать общество, и цѣлью теософическаго движенія стало созданіе и утвержденіе особой религіозно-философской системы эклектическаго характера и проповѣдь этой системы для блага и спасенія человѣчества.

Излагать здѣсь ту систему, которая постепенно вылилась въ опредѣленные догматы «кармы», «перевоплощенія», «духовной эволюціи», «Учителей» и пр., я не буду. Въ настоящее время на русскомъ языкѣ существуетъ достаточно книгъ, по которымъ можно познакомиться съ «теософическими идеями», какъ ихъ понимаютъ современные дѣятели этого движенія.

Объ этихъ идеяхъ можно сказать, что онѣ допускаютъ много разныхъ толкованій отъ очень высокаго мистическаго и метафизическаго до очень наивнаго «спиритическаго».

И то, и другое толкованіе «теософіи» существуетъ одновременно и существовало всегда, потому что «теософія», конечно, не началась съ Блаватской.

Подъ тѣмъ или другимъ названіемъ рядомъ съ оффиціальными—религіей, философіей и наукой—всегда существовала форма знанія, утверждавшая, что она синтезируетъ все знаніе и идетъ дальше, пользовавшаяся символами, аллегоріями, переплетавшаяся и съ религіей, и съ философіей, и съ наукой, но заключавшая въ себѣ *нѣчто*, чего нѣтъ или по крайней мѣрѣ не предполагается ни въ религіи, ни въ философіи, ни въ наукѣ.

Это *нѣчто*—«новые факты». Сущность теософическаго движенія совсѣмъ не въ идеяхъ. Изученіе «новыхъ фактовъ» было тѣмъ, что отличало теософическое движеніе отъ любого философскаго или религіознаго движенія. Хотя нужно замѣтить, что и раньше этого теософическаго движенія, о которомъ я говорю, и послѣ него существовало и возникало очень много школъ и системъ, ставившихъ своею цѣлью изученіе оккультнаго и таинственнаго. Отъ этихъ школъ теософическое движеніе отличается своимъ опредѣленно выраженнымъ *этическимъ* характеромъ.

Но во всякомъ случаѣ центръ тяжести теософическаго движенія заключается въ изученіи «новыхъ фактовъ», не признаваемыхъ и не

допускаемыхъ обычнымъ знаніемъ,—фактовъ *осуществленія выхода изъ условій трехмѣрнаго существованія и познанія*. «Новый фактъ»,это— не позитивный фактъ. Т. е. не просто фактъ *еще* неизвѣстный, а фактъ, не могущій стать извѣстнымъ по обычнымъ методамъ изслѣдованія.

Такимъ образомъ идея «новыхъ фактовъ» неразрывно связана съ идеей четвертаго измѣренія. Но и «четвертое измѣреніе» можетъ пониматься трехмѣрно, и подъ именемъ «новыхъ фактовъ» могутъ итти или эмпирически найденные еще неизвѣстные наукѣ позитивные факты, или просто «кажущіеся факты», создаваемые рядомъ иллюзій и неправильныхъ наблюденій. Идея изученія дѣйствительно «новыхъ фактовъ» никогда серьезно не осуществлялась.

И очень понятно, почему это такъ. Изученіе явленій, подходящихъ подъ опредѣленіе «новыхъ фактовъ», особенно практическое изученіе—очень трудная вещь, особенно потому, что до сихъ поръ невозможно сказать, *существуютъ ли эти факты*, т. е. существуютъ ли въ нашемъ отношеніи къ четвертому измѣренію только отвлеченныя—мистическія и метафизическія возможности (относительно которыхъ сомнѣній быть не можетъ) или же можно вывести оттуда нѣчто, примѣнимое къ *этой жизни*.

Блаватская, хотя и увлекалась въ своихъ книгахъ часто совершенно произвольнымъ толкованіемъ теорій восточной и западной философіи, для пониманія которыхъ у нея просто не было достаточно знаній—всетаки придавала очень большое значеніе *фактамъ*, ихъ изученію и накопленію. Но, когда начались разоблаченія по поводу ея «чудесъ», преемники Блаватской очень быстро отреклись отъ изученія фактовъ и замѣнили ихъ моральнымъ совершенствованіемъ и изученіемъ исторіи религій, религіознаго символизма и т. п., словомъ такими вещами, относительно которыхъ не можетъ быть никакихъ непріятностей. Изученіе «фактовъ» было само взято подъ сомнѣніе и объявлено несогласнымъ съ духовнымъ развитіемъ человѣка. Теософическое Общество продолжало расти и развиваться; писались книги, въ которыхъ очень опредѣленно говорилось объ этихъ *фактахъ*, сомнѣваться въ нихъ считалось неправильнымъ, а изучать ихъ или искать—чѣмъ то неособенно чистымъ, ненужнымъ, скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ. Нужно было вѣрить тѣмъ, кто видѣлъ, и не стремится провѣрять ихъ.

Когда въ теософической литературѣ поднимался вопросъ о «третьемъ пунктѣ» программы Т. О., т.-е. *объ изученіи оккультизма*, то обыкновенно говорили, что Блаватская пробовала перейти къ открытому изученію оккультизма, но что ее обвинили въ обманѣ, и что это

ждетъ всякаго, кто будетъ пытаться сдѣлать то же; или еще проще говорили, что направленіе дѣятельности Т. О. было измѣнено «Учителями», т.-е. тѣми таинственными руководителями, которымъ подчинялась и Блаватская, и которые, по ея словамъ, диктовали ей нѣкоторыя мѣста ея книгъ.

Въ дѣйствительности, конечно, утвержденіе, что всякое изученіе новыхъ фактовъ неизбѣжно ведетъ за собой обвиненіе въ обманѣ и шарлатанствѣ, черезъ чуръ наивно.

Гдѣ была бы наука, если бы она держалась такого взгляда. Въ чемъ заслуга Галилея, какъ не въ томъ, что онъ твердо стоялъ на своемъ фактѣ?

Блаватская, въ сущности, очень во многомъ виновата сама. Она не понимала людей и не понимала обстановки. Почитайте обвиненія, выставленныя противъ нея въ книжкѣ Соловьева, гдѣ приводится и отчетъ члена Лондонскаго О-ва Психическихъ изслѣдованій, Ходжсона, спеціально ѣздившаго въ Индію по порученію общества провѣрять «чудеса» Блаватской и пришедшаго къ заключенію, что Блаватская мошенничала. Это все не серьезно. Ходжсонъ провѣрялъ все, правда, на мѣстахъ, но черезъ годъ или полгода послѣ событій. Что же можно на основаніи этого отрицать или утверждать? Но тѣмъ не менѣе эти «разоблаченія» сыграли свою роль, и Блаватская въ сознаніи многихъ людей является какой-то авантюристкою, поддѣлывавшей чудеса. Но это ея собственная вина. Представьте себѣ, что, напримѣръ, Кюри, открывъ радій, поѣхалъ бы въ Индію и сталъ бы демонстрировать радій во время пикниковъ и прогулокъ, потомъ уѣхалъ бы оттуда, и черезъ полгода послѣ него пріѣхалъ бы человѣкъ изучать таинственную силу, которую демонстрировалъ Кюри. Конечно, этотъ человѣкъ призналъ бы все обманомъ. Но кто былъ бы виноватъ въ этомъ?

Какъ бы ни было, разоблаченія о Блаватской сыграли свою роль. Теософическое Общество очень опредѣленно стало отрекаться отъ всякихъ «фактовъ». Правда, въ Обществѣ есть «эзотерическій кругъ», который изучаетъ оккультизмъ, но работа этого круга держится въ тайнѣ, и есть тамъ факты или тоже только теоріи и моральная проповѣдь—неизвѣстно.

Объ этомъ отсутствіи стремленія къ изученію, установленію и накопленію «новыхъ фактовъ» въ Теософическомъ Обществѣ можно только жалѣть, потому что Теософическое Общество «хорошо поставлено» для этой цѣли и, объединивъ разрозненныя исканія въ области таинственнаго, могло бы сдѣлать очень много для установленія

реальной возможности явленій, такъ сказать сверхъ научнаго характера. А всякій человѣкъ, думавшій надъ этимъ, понимаетъ, какую огромную роль въ эволюціи знанія и мышленія могла бы сыграть такое точное и опредѣленное установленіе «оккультныхъ фактовъ».

Очень трудно опредѣлить позицію, занимаемую современными «теософами» по отношенію къ тому, что я назвалъ «новыми фактами». Они смотрятъ на изученіе этихъ фактовъ, какъ на стремленіе низшаго порядка, всегда эгоистическое и корыстное, какъ на что-то грубое и не особенно моральное. Человѣкъ, начинающій изучать фактическую сторону оккультизма или стремящійся установить ея реальность, благодаря этому, уже подозрѣвается чуть ли не въ черной магіи. «Теософы» совсѣмъ не хотятъ знать того, что *еще рано* говорить о моральныхъ или не моральныхъ сторонахъ, новыхъ фактовъ, *потому что самое существованіе ихъ далеко не доказано*, и во многихъ случаяхъ болѣе чѣмъ сомнительно.

«Магія» для теософовъ нѣчто данное, въ чемъ они не сомнѣваются, но изучать ее или провѣрять они не хотятъ и не совѣтуютъ другимъ.

Представьте себѣ естествоиспытателя, который хочетъ изучать только фіалки, розы, и бабочекъ—и совсѣмъ не желаетъ изучать крапиву, мышей и пауковъ. И представьте еще, что по какой-то странной ироніи судьбы только онъ одинъ увѣренъ въ существованіи крапивы и пауковъ, а всѣ другіе сомнѣваются въ самомъ ихъ существованіи. Будетъ ли онъ правъ, отказываясь показать другимъ пути къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ растетъ крапива, и можно ли смотрѣть серьезно на изученіе только «розъ», «фіалокъ» и «бабочекъ». И при этомъ высокія моральныя качества этого естествоиспытателя или его, можетъ быть, очень глубокія знанія въ другихъ областяхъ никакъ не могутъ заставить насъ не видѣть несовершенствъ его методовъ въ естественныхъ наукахъ.

Вильямъ Джемсъ очень хорошо говоритъ въ одной изъ своихъ лекцій, что для науки не существуетъ такихъ понятій, какъ *грязь* или *пылъ*. Наука должна изучать *все* и знать точный составъ всего. Можетъ быть, въ грязи она найдетъ золото.

Поэтому и изученіе «новыхъ фактовъ» должно быть поставлено на серьезное основаніе и только тогда, когда будетъ *доказано*, существованіе этихъ фактовъ, можно будетъ говорить о моральности или неморальности пользованія ими. Самымъ понятнымъ и простымъ видомъ новаго факта—было бы *сознательное ясновидѣніе*. Если бы я могъ взять листокъ бумаги и сказать, что думалъ человѣкъ, державшій

этотъ листокъ въ рукахъ (какъ это наблюдалъ д-ръ Котикъ), то, конечно, это былъ бы «новый фактъ».

Ясновидѣніе нѣсколько разъ обращало на себя вниманіе ученыхъ. Но ничего опредѣленнаго, относительно этой способности человѣка наука сказать не можетъ. Еще въ 1835 году Парижская Академія предложила премію въ 5.000 франковъ тому, кто прочитаетъ письмо въ запечатанномъ конвертѣ. Участвовать въ конкурсѣ явилось много профессіональныхъ «ясновидящихъ», но ни одинъ изъ нихъ не удовлетворилъ поставленнымъ условіямъ, и премія осталась невыданной.

Точно также многое другое. Въ Европѣ, навѣрное, нѣсколько тысячъ предсказателей, за очень дешевую цѣну разсказывающихъ вамъ все ваше будущее. А между тѣмъ, если бы только *одинъ изъ нихъ* могъ *навѣрное* знать впередъ на двѣ минуты, то какъ могла бы существовать въ Европѣ, напримѣръ, рулетка? А если бы онъ зналъ на сутки впередъ, то какъ могла бы существовать биржа? Вообще, какъ бы мы стали жить рядомъ съ ясновидящими? Мы были бы передъ ними слѣпыми рядомъ со зрячими, дѣтьми рядомъ со взрослыми. И тѣмъ не менѣе, много наблюденій говоритъ намъ, что ясновидѣніе возможно и существуетъ, но почему-то очень капризно и неуловимо.

Дальше идутъ явленія медіумизма и спиритизма. Все это очень темно, но что-то тамъ есть. Теософы опять признаютъ всѣ эти факты, признаютъ даже то, что явно невозможно, нелогично. И въ то же время опять относятъ всѣ эти факты къ числу «недозволенныхъ», «опасныхъ» и подозрительныхъ въ моральномъ отношеніи.

Все это очень скучно.

Въ этой книгѣ я коснулся только немногихъ сторонъ теософическаго ученія и дѣятельности, имѣющихъ прямое отношеніе къ вопросу объ изученіи четвертаго измѣренія, но я надѣюсь современемъ вернуться къ этому интересному движенію.

Что бы ни говорили и что бы ни писали о теософическомъ движеніи, оно несомнѣнно имѣетъ большія положительныя стороны. Оно объединило и вывело на свѣтъ исканія, бывшія раньше разрозненными, и не знавшими другъ друга. Соединивъ значительную часть этихъ исканій, оно дало возможность систематизировать остальныя и опредѣлять ихъ по ихъ отношенію къ «теософіи». Это большая заслуга. Кромѣ того, въ теософическомъ движеніи, безспорно, много смѣлаго. Оно заставляетъ людей выбираться изъ матеріалистическихъ тупиковъ, видѣть, что жизнь шире и больше, чѣмъ люди думали; даетъ очень много новыхъ словъ и понятій, заставляетъ глубже

задумываться о «вѣчныхъ вопросахъ», о тайнахъ смерти, о загадкахъ бытія, не позволяетъ отходить отъ нихъ, держитъ на нихъ; требуетъ отъ человѣка, чтобы онъ жилъ въ Вѣчномъ.

Путь къ Вѣчному—это расширеніе *знанія*, расширеніе предѣловъ *познаваемаго*, постоянная и неустанная борьба съ *непознаваемымъ*, въ отвоевываніи отъ него новыхъ областей пядь за пядью.

Кромѣ того «теософія» въ чистомъ видѣ безъ суевѣрныхъ и сектанскихъ наслоеній необыкновенно расширяетъ міросозерцаніе человѣка, строитъ міросозерцаніе, въ которомъ всему находится свое мѣсто, въ которомъ примиряются, для обыкновеннаго взгляда, противоположныя идеи, уживаются рядомъ—теорія Дарвина и переселеніе душъ, предопредѣленіе и свобода воли, міръ духовъ и энергетическая теорія. И все это въ «теософической» системѣ не противорѣчитъ одно другому, взаимно дополняетъ одно другое, какъ различныя ступени одной лѣстницы знанія.

Благодаря этому пониманію разныхъ системъ, *какъ ступеней*,— въ области теософіи, люди, вчера еще не понимавшіе другъ друга, говорившіе на разныхъ языкахъ, начинаютъ говорить на *одномъ языкѣ*.

Теософія и есть этотъ общій философскій языкъ.

Всѣ идеи теософія должна приводить къ такому пункту, поднимать на такую высоту, гдѣ различія между ними исчезаютъ, и всѣ споры о словахъ и догматахъ прекращаются. Это послѣднее, можетъ быть,—главная задача «теософіи». И потому особенно странными кажутся разногласія, споры и расколы, постоянно идущіе въ Теософическомъ Обществѣ, изъ котораго со времени его основанія образовалось, кажется, уже *восемъ* обществъ, не признающихъ другъ друга.

Многихъ очень отпугиваетъ отъ теософіи такое странное пониманіе идеи «всемірнаго братства» самими теософами. И въ этихъ расколахъ совершенно правильно видятъ неумѣніе со стороны вождей движенія поднять свои идеи на такую высоту, гдѣ онѣ стали бы *безспорными*, какъ безспорна Безконечность.

Но въ Теософическомъ О-вѣ, въ теософическомъ движеніи очень много хорошаго. И тѣмъ болѣе странно видѣть рядомъ съ этимъ хорошимъ очень серьезныя отрицательныя стороны, которыя являются развитіемъ тѣхъ самыхъ началъ, бороться съ которыми должна «теософія» по основной идеѣ.

Идеи теософіи должны уносить человѣка отъ всего личнаго, въ томъ числѣ и отъ стремленія защищать и отстаивать *свое* мнѣніе. Слѣдуя идеямъ теософіи, человѣкъ долженъ, прежде всего, искать общаго критерія истины.

И споры, и разногласія, особенно страстные, личные, приводящіе къ расколамъ—невозможны.

Развивая послѣдовательно и логически основную мысль теософическаго ученія, должно притти къ заключенію, что все, что мы знаемъ, есть только символъ или символы чего-то, чего мы не знаемъ и знать не можемъ. А въ этой области символовъ всѣ различія между идеями уже пропадаютъ.

Но проникнуть въ эту область высшихъ отвлеченій и особенно находиться тамъ всегда, *не падая на землю*, очень трудно. Эта трудность и объясняетъ всѣ странныя явленія, которыя идутъ послѣднее время подъ флагомъ теософіи.

Владиміръ Соловьевъ писалъ, что идеямъ теософіи или возбужденному ей движенію предстоитъ сыграть важную историческую роль въ недалекомъ будущемъ.

И хотя самъ Вл. Соловьевъ относился къ теософіи непріязненно, желая видѣть въ ней только *необуддизмъ*, его признаніе важности теософическаго направленія мысли показываетъ силу его внутренняго чутья, такъ какъ въ этомъ направленіи несомнѣнно лежитъ завтрашній день нашей мысли.

Впереди всѣхъ другихъ человѣческихъ способовъ проникновенія въ тайны природы идетъ искусство. Но искусство не является просто авангардомъ знанія. Нельзя сказать, что творческое воображеніе прокладываетъ путь уму, что оно въ фантастическихъ образахъ строитъ то, что послѣ въ трезвыхъ и реальныхъ фактахъ представитъ намъ точное знаніе. Такое утвержденіе было бы глубоко невѣрно. Между тѣмъ *знаніемъ*, которое дается искусствомъ, и тѣмъ *знаніемъ*, которое дается умомъ, существуетъ огромная разница, и разница не только количественная, но и по существу. Умъ, оперируя съ тѣми данными, которыя онъ получаетъ отъ органовъ чувствъ и психическаго аппарата, долженъ итти черезъ трехмѣрную сферу, и не можетъ итти иначе, точно такъ-же, какъ онъ не можетъ дѣйствовать иначе, какъ черезъ логику. Искусство идетъ совсѣмъ другимъ путемъ. Оперируя съ эмоціями, съ настроеніями, съ инстинктами и съ пробуждающимися интуиціями, оно совершенно не стѣснено предѣлами трехмѣрной сферы, совершенно не должно считаться съ законами логики, и сразу выводитъ человѣка въ широкій міръ многихъ измѣреній.

Поэтому искусство идетъ впереди науки, точнаго знанія и даже

впереди философіи, но не служитъ имъ, не прокладываетъ для нихъ путей, а идетъ своимъ путемъ, открывая свои горизонты. То, чего достигаетъ искусство, нельзя перевести на языкъ точныхъ понятій, нельзя выразить въ логическихъ формахъ. Искусство, какъ все, что состоитъ изъ эмоцій, по своему существу иллогично; выше логики или ниже ея—это все равно, главное, оно—внѣ ея.

Искусство внѣ логики, внѣ трехмѣрной сферы. Оно сближаетъ человѣка съ таинственнымъ міромъ четырехъ измѣреній, дѣлаетъ его тамъ своимъ настолько, что, возвращаясь на землю, человѣкъ чувствуетъ себя здѣсь чужимъ, не можетъ больше жить въ мірѣ *прозы*.

Разница между поэзіей и прозой, это—разница между «четырехмѣрнымъ» и «трехмѣрнымъ». Поэзія—это и есть проникновеніе въ міръ высшихъ измѣреній. Проза — пребываніе въ длинѣ, ширинѣ и высотѣ. Искусство выводитъ человѣка изъ этихъ скучныхъ измѣреній, показываетъ ему въ эмоціональномъ мірѣ нарушеніе всего порядка причинности, всей закономѣрной послѣдовательности явленій, показываетъ ему, что не существуетъ «отдѣльности», показываетъ нити, соединяющія явленія, кажущіяся отдѣльными, въ цѣлое; показываетъ всѣ тайныя пружины жизни; говоритъ о томъ, что не существуетъ «противоположеній», на которыхъ основана вся логика; не существуетъ необходимости быть въ одно время въ одномъ мѣстѣ и дѣлать одно дѣло», этой ужасной необходимости, которой мы опутаны настолько, что даже не замѣчаемъ ее.

Искусство разрушаетъ весь логическій и трехмѣрный міръ, съ такимъ трудомъ созданный человѣкомъ, всю маленькую и жалкую «правду», за которую съ такимъ отчаяніемъ цѣпляется человѣкъ, боящійся безъ нея очутиться среди хаоса.

Искусство видитъ міръ въ «астральномъ свѣтѣ», строитъ свой собственный міръ, совершенно аналогичный астральному міру оккультистовъ, и заставляетъ человѣка понимать, что этотъ міръ совсѣмъ не похожъ на міръ жслѣзныхъ дорогъ, автомобилей и аэроплановъ; заставляетъ понимать законы этого новаго міра, полнаго чудесъ, и путемъ постепеннаго ощущенія и постиженія этихъ «законовъ чудеснаго» подходитъ къ Вѣчному. Искусство и все, что даетъ искусство, нельзя ни смѣрять, ни свѣшать. Поэзію нельзя заключить въ колбу.

Искусство нарушаетъ весь механическій порядокъ трехмѣрнаго міра. Оно отворяетъ дверь въ мистику и въ магію, зоветъ въ міръ удивительныхъ и волшебныхъ приключеній.

Искусство не принадлежитъ міру трехъ измѣреній и не можетъ ему служить; наоборотъ, выводитъ изъ него, какъ великая богиня

Смерть, которая, если она открываетъ намъ тайны иного міра, въ то же время однимъ взмахомъ своей руки скрываетъ и уничтожаетъ этотъ.

Первая тайна міра четырехъ измѣреній заключается въ томъ, что онъ *эмоціонально* совершенно отличенъ отъ міра трехъ измѣреній. Т. е. это значитъ, что ощущеніе міра высшихъ измѣреній возбуждаетъ въ насъ эмоціи, которыхъ не даетъ и не можетъ дать міръ трехъ измѣреній и ничто въ этомъ мірѣ. Эти эмоціи—первый признакъ приближенія къ міру высшихъ измѣреній. Но нужно умѣть отличать эти голоса иного міра отъ поддѣлывающихся подъ нихъ голосовъ земли.

Искусство, которое не говоритъ объ этомъ «иномъ мірѣ», не заставляетъ о немъ думать или его чувствовать, или рисуетъ *тотъ міръ*, какъ подобіе или продолженіе нашего, это не искусство, а поддѣлка, трезвая и разсудочная поддѣлка, псевдо-искусство. Псевдо-искусство отличается отъ настоящаго, подлиннаго искусства тѣмъ, что оно состоитъ изъ одной *правды*. Въ немъ нѣтъ воображенія, нѣтъ экстаза, нѣтъ ощущенія далекихъ неясныхъ возможностей. Одна только голая и трезвая «трехмѣрная правда», которая есть величайшая ложь, потому что ничего трехмѣрнаго въ дѣйствительности не существуетъ.

Задача правильнаго распознаванія истиннаго и ложнаго искусствъ разрѣшается одновременно съ загадками пространства и времени—искусство, довольствующееся *временемъ* и не стремящееся къ *вѣчности*, должно быть и будетъ признано фальсификаціей.

Такой фальсификаціей является шумящій послѣднее время *футуризмъ*. Я беру здѣсь «футуризмъ» только въ живописи. Футуризмъ въ поэзіи пока еще одно дурачество. Но футуризмъ въ живописи на первый взглядъ кажется чѣмъ то очень интереснымъ, и интереснымъ именно съ точки зрѣнія изученія высшихъ измѣреній. Кажется, что какъ будто искусство дѣлаетъ прямой и смѣлый шагъ въ направленіи «высшаго пространства», приподнимаетъ передъ нами завѣсу надъ тѣмъ міромъ, который вѣчно скрытъ отъ насъ, майей одного видимаго нами момента.

По основной идеѣ задачи футуризма очень близки къ задачамъ всѣхъ, стремившихся проникнуть въ міръ четырехъ измѣреній. Футуристы хотятъ изображать вещи не въ разрѣзѣ одного момента и не съ одной стороны, а въ текучести времени и со всѣхъ сторонъ «кубично». Тутъ видно нѣчто очень похоже на приведенныя выше идеи Хинтона.

Первымъ шагомъ по пути изученія высшаго пространства Хинтонъ считаетъ способность *мыслить* міръ не въ трехъ измѣреніяхъ, затѣмъ *представлять* міръ не въ трехъ измѣреніяхъ. Только умѣя

мыслить и представлять реальный міръ, человѣкъ можетъ надѣяться его *видѣть*.

Для развитія этихъ способностей Хинтонъ рекомендуетъ учиться представлять себѣ *кубъ* со всѣхъ сторонъ; и особенно особымъ образомъ изучать геометрическія фигуры, напримѣръ, самое простое, изучать большой кубъ, составленный изъ 27 меньшихъ кубовъ, для того, чтобы уничтожить въ себѣ чувство отдѣльности каждаго изъ маленькихъ кубовъ отъ другихъ. Это длинный, сложный и трудный путь, вѣроятно, не многимъ доступный—и есть ли реальное достиженіе въ концѣ его—неизвѣстно. Но футуристы не хотятъ ничего «изучать», не стремятся развивать у себя новыя способности; они утверждаютъ, что они уже достигли всего, къ чему стремятся ищущіе четвертаго измѣренія. Они уже видятъ міръ не такъ, какъ мы, видятъ не одинъ моментъ, а предыдущій и послѣдующій—причину и слѣдствіе всякаго движенія—лицо человѣка, идущаго къ нимъ спиной, спину человѣка, идущаго къ нимъ навстрѣчу, видятъ все кругомъ и со всѣхъ сторонъ; смотря на кресло, видятъ его спинку; смотря на арбузъ, видятъ его сѣмечки.

И мало того, что они сами видятъ, они берутся заставить видѣть всякаго другого. Для этой цѣли они пишутъ картины, на которыхъ изображаютъ людей съ четырьмя глазами или такихъ, у которыхъ одновременно видны—лицо, затылокъ, оба уха и оба глаза, изображаютъ «лучащихся» людей, т. е. расходящихся въ различныя стороны лучами.

Задача изобразить человѣка въ движеніи, конечно, очень интересна. Но всякое искусство имѣетъ свои предѣлы. Движеніе *должно чувствоваться* въ изображеніи одного момента; изобразить движеніе, передавая нѣсколько моментовъ—невозможно. По идеѣ—картины футуристовъ должны имѣть характеръ ряда снимковъ моментальной фотографіи, запечатлѣвающихъ всѣ движенія. Но эти послѣдовательные снимки даютъ иллюзію движенія только тогда, когда имъ самимъ сообщается движеніе. Можетъ быть и картинамъ футуристовъ нужно придать вращательное движеніе, чтобы что-нибудь увидѣть въ нихъ. Но такая мысль, кажется, никому еще не приходила въ голову. И для того, чтобы выяснить возможность или невозможность заглянуть при помощи футуризма въ міръ четырехъ измѣреній, такіе опыты совсѣмъ не нужны. Достаточно чисто теоретическаго анализа «футуризма» для того, чтобы убѣдиться въ его полной несерьезности.

Писать на одной плоскости различныя стороны тѣла, которыя

никогда не лежатъ одновременно на одной плоскости, нелѣпо и невозможно.

Живопись подчинена глазу. Глазъ можетъ схватить *одновременно* только одну половину сферы. Эта одна половина сферы единственно доступна живописному изображенію. Вполнѣ понятно, почему это такъ должно быть, и почему не можетъ быть иначе. Глазъ никогда не можетъ увидѣть, хотя бы самую крошечную часть второй половины сферы. Поэтому эта вторая половина закрыта для живописи, такъ же, какъ для насъ закрыта невидимая сторона луны.

Видѣть въ четвертомъ измѣреніи, это значитъ видѣть уже не глазами или, говоря иначе, съ *обычными* зрительными ощущеніями соединять ощущенія, впечатлѣнія и предугадыванія, которыхъ нѣтъ у человѣка «видящаго только въ трехъ измѣреніяхъ». Но эти ощущенія, впечатлѣнія и предугадыванія уже не имѣютъ характера зрительныхъ воспріятій и ихъ нельзя пытаться передать въ живописи, совершенно такъ же, какъ въ скульптурѣ нельзя передать краски заката солнца.

Говоря вообще, намѣреніе передать на плоскости *движеніе*, т. е. смѣну сторонъ движущагося тѣла—крайне наивно. Это такъ же невозможно, какъ невозможно *въ точкѣ* изобразить квадратъ или въ одной линіи изобразить кубъ. Кубъ для своего изображенія требуетъ плоскости. «Четырехмѣрное тѣло» для своего изображенія требуетъ трехмѣрнаго пространства и *движенія*.

Кромѣ того «футуризмъ» самую идею четвертаго измѣренія беретъ черезъ-чуръ плоско. Въ четырехмѣрномъ пространствѣ предметъ долженъ быть виденъ не только «со всѣхъ сторонъ» и «до и послѣ». Это черезъ-чуръ упрощенное представленіе о высшемъ пространствѣ. Въ мірѣ высшихъ измѣреній прежде всего нѣтъ и не можетъ быть ничего *отдѣльнаго*, а затѣмъ не могутъ быть въ дѣйствіи скучные принципы трехмѣрнаго міра,—говорящіе намъ, что одинъ предметъ можетъ быть только въ одномъ мѣстѣ, и не можетъ быть сразу въ разныхъ мѣстахъ; что нѣсколько предметовъ не могутъ занимать одного мѣста, а въ одномъ мѣстѣ не можетъ быть одновременно двухъ одинаковыхъ дѣйствій, потому что это будетъ одно дѣйствіе.

Всѣ эти скучные законы, похожіе на правила для арестантовъ, т. е. не столько преслѣдующія разумную цѣль, сколько стремящіяся причинить непріятность, не могутъ существовать въ высшемъ пространствѣ.

Но какъ передать въ живописи отсутствіе этого арестантскаго регламента? Разумѣется, не стремленіемъ изображать одновременно

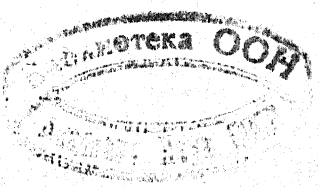
и рядомъ лицо и спину. Такія попытки не показываютъ ничего, кромѣ бѣдности и слабости мысли и творческой фантазіи. Изобразить человѣка вверхъ ногами, это не значитъ изобразить что-нибудь необыкновенное.

«Футуристы», сами того не зная, очень похожи на «оккультистовъ» того распространяющагося послѣднее время типа, въ которомъ больше наивности и искренняго убѣжденія, чѣмъ сознательнаго обмана, хотя всегда есть немножко обмана. Эти оккультисты въ дѣйствительности такъ же далеки отъ своей «астральной сферы», какъ футуристы отъ міра четырехъ измѣреній. Но они во что бы то ни стало хотятъ увѣрить себя и другихъ, что они могутъ достигнуть того, къ чему стремятся. И вотъ они говорятъ людямъ:—мы уже тамъ:—Разскажите намъ, что вы видите,—говорятъ люди.—То же самое, что на землѣ,—говорятъ оккультисты; — только все «перевернуто» и все прозрачно, и свѣтится, и видно насквозь, и со всѣхъ сторонъ.

Дальше ихъ фантазія не идетъ!

И «футуристы», и «оккультисты» такого типа совершаютъ покушенія съ негодными средствами.

Въ міръ высшихъ измѣреній можно проникнуть, только отказавшись отъ этого, *нашего* міра. Кто ищетъ въ высшемъ мірѣ подобія низшаго или продолженія его, тотъ не найдетъ ничего. И кто думаетъ, что нашелъ истину, или что кто-нибудь другой нашелъ ее за него, тотъ никогда не увидитъ даже ея тѣни.

Книгоиздательство „НОВЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ“.

(Спб. Эртелевъ пер., 6) тел. 241—88.

Поступили въ продажу слѣдующія книги:

А. А. Суворинъ (Алексѣй Порошинъ).

„НОВЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ“.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Здоровье человѣка и его тѣло. II. Пища и питаніе III. Жилище. IV. Общественная жизнь. Кооперація V. Изъ переписки. VI. Человѣкъ въ мірозданіи. VII. Новое въ человѣкѣ. VIII. Подсознаніе. IX. Сверхсознаніе. X. Философія индусовъ. XI. Востокъ и Западъ о человѣкѣ и мірозданіи. XII. «Аще не умрешь, не оживешь».

Приложеніе. «Моя система» Мюллера. «Новая система» А. Анохина. И. И. Мечниковъ, о питаніи. Схема пищеварительнаго аппарата человѣка. Распаденіе личности. Потребительская кооперація.

Съ 65 рисунками и чертежами. 530 стр. Цѣна 2 р. 25 к.

Двѣ первыя главы книги выпущены отдѣльными брошюрами:

«Здоровье и наше тѣло». Съ 58 рис. Ц. 40 к.

«Пища и питаніе». Съ 2 рис. Ц. 40 к.

Чтобы подробнѣе раскрыть передъ русскими читателями сущность и методы новой мысли, издательство „Новый человѣкъ“ предприняло цѣлый рядъ изданій, посвященныхъ іогѣ и „росту души“ человѣка. Это новый вопросъ, который формулированъ психологіей и философіей Запада, одновременно съ притокомъ къ нимъ восточныхъ ученій. Обращаемъ вниманіе читателя на слѣдующія изданія:

П. Д. Успенскій.

ИСКАНІЯ НОВОЙ ЖИЗНИ.

ЧТО ТАКОЕ ІОГА.

Новыя теченія въ психологіи Запада и ихъ сходство съ древними ученіями Востока.

Общее предисловіе къ серіи книгъ издательства „Новый человѣкъ“.

Тайна Востока. Скрытая сторона восточныхъ ученій Эзотерическая легенда. Наука іоговъ. Іога—ключъ къ мудрости Востока. Іогъ Шри-Рамакришна и его ученики. **Пять іогъ**—пять путей къ Вѣчному. Восточная психологія. Безконечное въ человѣкѣ. Изученіе экстаза. Новое направленіе западной психологіи. Проф. Джемсъ, д-ръ Беккъ и Хинтонъ. Изученіе ясновидѣнія. **Хатха-іога**, іога власти надъ тѣломъ и надъ природой. Сходство идей хатха-іоги съ идеями проф. Мечникова. **Раджа-іога.** Воспитаніе ума и освобожденіе его отъ иллюзій. Приближеніе къ истинному „Я“. **Карма-іога**—іога труда и дѣятельности безъ личныхъ цѣлей. **Бхакти-іога**—іога религіознаго пути безъ идеи личнаго спасенія. **Жнани-іога** — іога знанія, іога борьбы съ суевѣріями и съ матеріализмомъ—„мудрость боговъ“ или теософія. Выработка точныхъ критеріевъ для отличенія реальнаго отъ ложнаго. Правила „Свѣтана пути“

Цѣна 30 к.

Суоми Абедананда.

КАКЪ СДѢЛАТЬСЯ ІОГОМЪ?

Общее изложеніе всѣхъ системъ іоги.

Ученіе индійской философіи о цѣляхъ и путяхъ человѣка. Что такое іога и какую роль играетъ она въ жизни и мысли Востока. Іога, какъ способъ развитія въ человѣкѣ высшихъ началъ. Опредѣленіе *пяти іогъ* по воззрѣніямъ восточныхъ учителей. Хатха-іога—іога отношенія къ тѣлу. Раджа-іога—іога преодолѣнія иллюзій ума. Бхакти-іога—іога религіознаго пути. Карма-іога—іога морали, іога отношеній къ людямъ и къ труду. Жнана-іога—іога знанія и мудрости. Эзотерическое значеніе дыханія.

Цѣна **80** к.

Іогъ Рамачарака.

ОСНОВЫ МІРОСОЗЕРЦАНІЯ ИНДІЙСКИХЪ ІОГОВЪ.

Чтенія по философіи Востока.

Ученіе о жизни и смерти, о планахъ бытія, о составѣ человѣка, о загробномъ мірѣ и о скрытыхъ силахъ.

Первыя три начала въ человѣкѣ. Душевныя начала. Духовныя начала. Человѣческая аура. Динамика мысли. Телепатія, ясновидѣніе и пр. Человѣческій магнетизмъ. Его силы и способы пользованія ими. Оккультное лѣченіе и самолѣченіе. Психическое вліяніе вблизи и на разстояніи. Астральный міръ. По ту сторону. Духовная эволюція. Законъ причинъ и слѣдствій. Пути достиженія іоговъ.

Цѣна **1** р. **20** к.

НАУКА О ДЫХАНІИ.

Эзотерическое ученіе.

Дыханіе—жизнь. Эзотерическая теорія дыханія. Нервная система. Дыханіе черезъ ноздри и черезъ ротъ. Четыре способа дыханія. Какъ пріобрѣсти „полное дыханіе іоговъ.“ Физіологическое дѣйствіе полнаго дыханія. Ученіе іоговъ. Упражненіе іоговъ. Вибраціи и ритмическое дыханіе іоговъ. Явленія, создаваемыя „психическимъ дыханіемъ“ іоговъ. „Духовное дыханіе“ іоговъ.

Цѣна **60** к.

ПУТИ ДОСТИЖЕНІЯ ИНДІЙСКИХЪ ІОГОВЪ.

(Философія іоговъ и восточный оккультизмъ).

Продолженіе книги „Основы міросозерцанія индійскихъ іоговъ“).

Идеи и методы мышленія и созерцанія восточной философіи. „Свѣтъ на пути“ и „Оккультныя ученія Востока“. Тайная мудрость. Духовное сознаніе. Карма-іога—іога дѣйствія. Жнана-іога — іога знанія. Бхакти-іога—іога чувства. Дхарма—этическое ученіе іоговъ. Понятія іоговъ о добрѣ и злѣ. Различныя ступени. Почему для одного добро то, что для другого зло. Откровеніе и интуиція Загадка вселенной. Абсолютное и относительное. Безконечное и конечное. Абсолютъ и его проявленія. Матерія и сила. Умъ и духъ.

Цѣна **1** р. **30** к.

ХАТХА—ІОГА.

Ученіе іоговъ о физическомъ тѣлѣ—съ многочисленными упражненіями для укрѣпленія, развитія и лѣченія тѣла.

Что такое хатха-іога? Взглядъ іоговъ на физическое тѣло. Работа божественнаго строителя. Нашъ другъ—жизненная сила. Лабораторія тѣла. Жизненные соки. Крематоріи человѣческаго организма. Питаніе. Голодъ или аппетитъ. Теорія и практика іоговъ относительно поглощенія праны изъ пищи. Пища. Орошеніе тѣла. Продукты сгоранія. Дыханіе іоговъ. Результаты правильнаго дыханія. Упражненія дыханія. Дыханіе черезъ ноздри или черезъ ротъ. Маленькія жизни, изъ которыхъ состоитъ жизнь тѣла. Управленіе непроизвольными процессами. Праническая энергія. Праническія упражненія. Купанія и обтиранія. Солнечная энергія. Свѣжій воздухъ. Сонъ. Возрожденіе. Состояніе духа. Жизнь подъ руководствомъ духа. Цѣна 1 р.

Суоми Вивекананда.

КАРМА-ІОГА.

Этическая система іоговъ.

Значеніе слова „карма". Ученіе карма-іоги о томъ, что человѣкъ имѣетъ право работать, но не имѣетъ права на плоды своего труда. Три гуны или силы, составляющія природу человѣка—тамасъ, раджасъ и саттва—инертность, активность и равновѣсіе или гармонія. Тайна труда. Что такое долгъ. Отношеніе человѣка къ міру. Отсутствіе привязанности и самоотреченіе. Свобода. Идеалъ карма-іоги.

Цѣна 60 к. (Выйдетъ въ октябрѣ).

Іогъ Рамачарака.

Раджа-іога.

Психологія іоговъ.

Ученіе іоговъ о психическомъ мірѣ человѣка. Силы и возможности, лежащія въ нашемъ умѣ. Подчиненіе умственной жизни человѣка власти и контролю высшихъ началъ духа. Необходимость подчиненія дѣятельности ума сознательной волѣ. Что такое „Я" человѣка. Средства, которыми пользуется „Я" для своего проявленія. Расширеніе самосознанія человѣка. Господство ума. Воспитаніе вниманія. Воспитаніе воспріятія. Развитіе сознанія. Вершины и низины ума. Различныя плоскости ума. Подсознаніе. Подсознательное строеніе характера. Подсознательное вліяніе. Сознаніе единства всего, проявляющагося черезъ „Я". Цѣна 1 р. 20 к. (Выходитъ въ ноябрѣ).

ЖНАНИ—ІОГА.

(Іога знанія и мудрости).

Философія іоговъ.

Высшія ученія іоговъ относительно Абсолюта и его проявленій. Отношеніе Единаго и многихъ. Тайна единства жизни. Духовный законъ причинъ и слѣдствій. Групповыя души. Рожденіе „Я". Развитіе индивидуальности. Цѣпи міровъ. Истинное пониманіе нирваны. Проблема сознанія.

Реальное и иллюзорное. Дѣйствіе воли и желанія. Будущее человѣчества. Прошлая исторія человѣчества и его рай. Адепты и учителя. Тайныя братства. Проблема жизни и загадка существованія. Единый. Вездѣсущая жизнь. Творческая воля въ умѣ Единаго. Космическая эволюція. Путь къ человѣку. Метампсихозъ. Духовная эволюція.

Цѣна 1 р. 20 к. (Выходитъ въ ноябрѣ).

РЕЛИГІИ И ТАЙНЫЯ УЧЕНІЯ ВОСТОКА.

Изложеніе «внутреннихъ» или эзотерическихъ религіозныхъ, философскихъ и научныхъ системъ Востока.

Индія,—страна Ганга, родина религій и философскихъ системъ міра. Эзотерическія ученія Востока. Общій характеръ мысли Востока. Система Санкья. Веданта. Система іоги Патанджали. Другія системы іоги. Буддизмъ. Суфизмъ — мусульманская философская мистика и религіозная поэзія. Религіи Индіи. Чудеса индійскихъ факировъ. Гипнотизмъ или власть надъ силами природы. Веды. Словарь санскритскихъ терминовъ.

Цѣна 1 р. 20 к. (Выходитъ въ декабрѣ).

„ПРОВОЗВѢСТІЕ РАМАКРИШНЫ".

Съ предисловіемъ Суоми Абедананды.

Провозвѣстіе Рамакришны представляетъ собою ученіе и притчи современнаго намъ мистика, имѣющаго большое вліяніе въ Индіи и начинающаго дѣлаться извѣстнымъ Западу. Эта книга содержитъ религіозныя ученія современнаго индуса, жизнь котораго была полна такой святости и такого количества добрыхъ дѣлъ, что его послѣдователи считали его близкимъ къ Божеству. Во время его жизни, его личность и его ученія привлекали къ себѣ вниманіе многихъ нѣмецкихъ и англійскихъ ученыхъ XIX столѣтія. Прекрасныя мысли и ученія, которыми наполнена эта книга, если имъ слѣдовать, приведутъ человѣка къ идеальной жизни. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Рамакришна произвелъ такое большое впечатлѣніе на современную индусскую мысль. Онъ былъ во всякомъ случаѣ крупный философъ и оставилъ послѣ себя ботатое наслѣдство мысли.

(Выходитъ въ ноябрѣ).

Мэбель Коллинзъ.

СВѢТЪ НА ПУТИ.

(съ комментаріями) и „КАРМА".

Полный переводъ безъ всякихъ сокращеній.

Небольшая книга М. К. представляетъ собой рядъ правилъ, которымъ долженъ внутренно слѣдовать человѣкъ, ищущій пути къ Вѣчному. Эта книга написана на Западѣ, но подъ глубокимъ внутреннимъ вліяніемъ учителей Востока и необыкновенно ярко передаетъ духъ и мысль восточныхъ „внутреннихъ" или „эзотерическихъ" ученій. Правила „Свѣта на пути" написаны „астральнымъ шифромъ", иначе говоря, ихъ нельзя понять однимъ умомъ, а нужно понимать „интуиціей", чувствомъ и настроеніемъ. Два человѣка могутъ вынести совершенно разныя впечатлѣнія отъ чтенія этой книги. И одинъ и тотъ-же человѣкъ въ разные моменты своей жизни по

разному воспримет одни и тѣ же мѣста. Кромѣ того каждое правило „Свѣта на пути“ можетъ быть понимаемо и толкуемо **на разныхъ плоскостяхъ**, отвѣчая требованіямъ разныхъ ступеней эволюціи души.

„Желай только того, что внутри тебя“. „Желай только того, что выше тебя“. „Желай только того, что недостижимо“.

(Готовится къ печати).

Д-ръ Р. Беккъ.

КОСМИЧЕСКОЕ СОЗНАНІЕ.

Необыкновенно простымъ и яснымъ, всякому понятнымъ путемъ, д-ръ Беккъ, изслѣдуя эволюцію мысли и сознанія за извѣстный намъ періодъ исторической жизни человѣчества, приходитъ къ выводамъ, объясняющимъ съ совершенно новой точки зрѣнія цѣли и пути прогресса. Онъ считаетъ настоящую форму человѣческаго сознанія переходной къ другой высшей формѣ, которую онъ называетъ **космическимъ сознаніемъ** и приближеніе къ которой онъ уже чувствуетъ и видитъ во многихъ примѣрахъ изъ жизни, литературы, искусства, философіи и религіи, предвидя вмѣстѣ съ тѣмъ близкое наступленіе новой фазы въ исторіи человѣчества. Д-ръ Беккъ разбираетъ внутреннюю эволюцію—эволюцію воспріятія, мышленія и рѣчи и внѣшнюю эволюцію человѣческой расы. По его мнѣнію внѣшняя эволюція вся велась небольшимъ числомъ людей, достигавшихъ космическаго сознанія. Эти люди создали всѣ идеи, по линіямъ которыхъ шла наша культура и цивилизація, Въ настоящее время, по мнѣнію автора, среди человѣчества быстро образуется **новая раса**, раса людей космическаго сознанія.

(Готовится къ печати).

С. Х. Хинтонъ.

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМѢРЕНІЕ И НОВАЯ ЭРА МЫСЛИ.

Хинтонъ даетъ очень интересную сводку почти всего, что писалось раньше о четвертомъ измѣреніи и всѣ попытки опредѣлить, что такое это измѣреніе, самыми разнообразными способами. Хинтонъ является первымъ практическимъ послѣдователемъ Канта и показываетъ путь къ **реальному**, не только діалектическому, доказательству положеній нѣмецкаго философа. Время и пространство, по мнѣнію Хинтона, зависятъ отъ „чувства времени и пространства“, и онъ находитъ возможнымъ систематическое воспитаніе и измѣненіе чувства пространства и времени для цѣлей **расширенія сознанія**. Хинтонъ изобрѣлъ сложную систему воспитанія и развитія чувства пространства, при помощи упражненій съ серіями разноцвѣтныхъ кубовъ. Сочиненія Хинтона открываютъ передъ нами двери „міра таинственнаго“, **міра четырехъ измѣреній** и указываютъ начало новой эры мысли, зависящей отъ появленія и роста „новыхъ понятій“, способы и виды зарожденія которыхъ авторъ показываетъ и объясняетъ.

(Готовится къ печати).